

Слово к читателям	2
-------------------------	---

НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ГЛАВНОЕ

<i>Александр Миронов</i> Капитализм и коммунизм. Исторический спор продолжается?	3
---	---

ПРОЗА XXI

<i>Людмила Разумовская</i> Русский остаток (Отрывки из романа)	9
---	---

ПОД СЕНЬЮ КЛАССИКИ

<i>Е. С. Роговер</i> Гоголь как наставник писателей XXI века	64
---	----

КЛАССИК ГЛАЗАМИ КЛАССИКА

<i>Ирина Волкова-Китаина</i> И. С. Тургенев. Литературные и житейские воспоминания. Гоголь	71
---	----

ПРИЧУДЫ ЭПОХИ ПОСКОННОЙ МОРАЛИ

<i>Владимир Василик</i> К вопросу о канонизации Иоанна Грозного	73
--	----

А ВОТ И ПРОБЛЕМА

<i>Владимир Бовкун</i> Пока я жив (Повесть)	80
Отповедь главному действующему лицу повести Владимира Бовкуна «Пока я жив» (Точка зрения редакции журнала)	106

ПОЭЗИЯ

Адриан Протопопов, Александр Темников, Евгений Раевский	109
---	-----

ИСТОРИЯ БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ГРИМА

<i>Александр Миронов</i> Феномен Адольфа Гитлера — сущностный ответ большевизации России (Глава из книги «Истинной истории истоки»)	117
<i>Вадим Петров</i> ПОЧЕМУ УБИЛИ А. П. БЕРИЯ?	150

ОТВЕТ МОЛОДЫХ НА ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

<i>Светлана Яремич</i> Ты сам свой высший суд	161
--	-----

ИДЕТ ДИСКУССИЯ...

<i>Диана Радес</i> О состязательности в творчестве	163
<i>Виталий Севрюгин</i> К вопросу необходимости сравнения в области искусства и возможности применения методов математической статистики для оценки техники стихосложения	165

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

<i>Андрей Каратыгин</i> О роли музыки в судьбах мира	173
---	-----

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

*Здравствуйте,
дорогие читатели журнала «Писатель. XXI век»!*

Перед вами вторая попытка ведения серьезного и зрелого разговора о литературе и ее влиянии на жизнь России в начале третьего тысячелетия от Рождества Христова. В прошлом выпуске сотрудниками нашего журнала было сказано много слов о возникших трудностях на пути литературы, несущей ответственное слово. В настоящем номере во многом речь пойдет уже о самих образцах новой серьезной прозы, поэзии, а также публицистики. Иначе говоря, от уже привычных сетований по поводу ранее сложившихся обстоятельств жизни журнал переходит непосредственно к публикации наиболее интересных для самостоятельно думающих читателей, и главное — глубоких по заявленным проблемам работ последнего времени. То есть члены редакционной коллегии журнала очень надеются, что им удастся впредь выделять и поддерживать именно подобные творения наших с вами современников. Кроме того, наш журнал продолжит публикации исторических исследований, выявляющих подлинную суть когда-то случившихся важных событий нашей истории. Наше издание не откажется и от строгого взыскательного взгляда молодых на проблемы России и мира. Не предадим забвению и поиск причин глобального нестроения всего человечества. Другими словами, все ключевые проблемы нашей эпохи в части их доступности для редакции всенепременно найдут отображение на страницах журнала «Писатель. XXI век». И еще. Коллектив журнала вполне отдает себе отчет в том, что по ряду причин он может меняться, обновляться. Но он также рассчитывает, что подобные перемены не смогут изменить самой заявленной им изначально стратегии издания на реанимацию в сознании русскоговорящей читательской аудитории понятия «писатель», ныне, скорее всего, намеренно преданного во многом поруганию. С другой стороны, современные прагматические виды на писательский труд все равно уйдут в прошлое, а значит, имена подлинных мастеров литературы всенепременно взойдут и засияют как никогда ранее в русской истории. Именно эта вера и движет настоящий журнал, именно она и дает ему надежду и перспективу.

Редколлегия журнала «Писатель. XXI век»

Александр Миронов

КАПИТАЛИЗМ И КОММУНИЗМ. ИСТОРИЧЕСКИЙ СПОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ?

ЧТО СКАЖУТ ПИСАТЕЛИ?

*Так все-таки: деньги или кадры решали,
решают и будут решать все?*

Неужели это может быть интересным и актуальным сегодня? — вопрошит какое-нибудь либерально настроенное лицо. Или неужели еще не ясно всем и каждому, что исторический коммунизм потерпел окончательное поражение и его место там же, где ныне покоятся фашизм и нацизм? С одной стороны, оно все равно так и есть, но с другой? С другой — капитализм как вершина *языческого мировоззрения*, конечно же, переживает в начале XXI века небывалый кризис и даже заметный уже многим самораспад. Впрочем, сторонники язычества, вероятно, выразят неудовольствие, посчитав предложенное выше суждение некорректным. Автор же статьи пояснит следующее. В основе языческого мировосприятия лежит понятие многобожия, которое со смысловой точки зрения крайне уязвимо. Почему? А потому, что где много богов, там нет ни одного. Как так? Смысл слова «бог» означает все подающая и всем владеющая сущность. Поэтому всякое многобожие является натяжкой или преувеличением. Или где многобожие, там есть лишь поклонение силам (законам) природы. То есть язычество по своей сути является лишь предшественником атеизма. Тем самым и выходит, что языческое мировоззрение не религиозно в самой своей сути. Но почему вдруг капитализм или так называемый рынок языческий? А потому, что внутри капиталистического

бытия в практике жизни могут господствовать только языческие цели поклонения человека человеку же. Почему? А потому, что сам капитал своим собственным смыслом ни для чего большего и не годится. Или капитал — это лишь средство обожествления человека как могущественного обладателя несметных природных богатств, а значит, и сил. Но ведь это и есть в сути своей язычество в своем самом *предельном выражении*. Ничего большего в капитализме нет и даже быть-то не может. Впрочем, кто-то, возможно, заметит, что в рамках капитализма с помощью меценатов родились шедевры архитектуры и культуры, а значит, не все так однозначно. Да, это так. Но, во-первых, все это по большей части было рождено еще в пору крепостничества. Во-вторых, даже известные шедевры как архитектуры, так и культуры в целом не смогли родить в России *обширный мир человека духовного*. То есть, как ни странно, но *историческая культура* сама по себе оказалась неспособной решать ключевые задачи человеческого существования. Другое дело коммунистическая идея. В ней, как ни крути, все-таки больше смысла. Какого именно? А такого, что сам коммунизм — это не отсутствие частной собственности на средства производства, коммунизм — это *преображение человека грешного в человека морально-го (праведного)*. Другое дело, что решение этой задачи с помощью применяв-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

шегося в истории насилия и обмана, конечно же, оборачивалось огромными издержками и даже компрометацией самого человека. И все же лучшие образцы социалистической культуры, например в кинематографе, и по сей день остаются для постсоветской России совсем недостижимыми. С другой стороны, уже внутри любого капитализма непрерывно, так или иначе, воспроизводятся в свою очередь все *миазмы* человеческой истории. Впрочем, кто-то скажет, что пускай уж лучше так, чем неизбежная потеря свободы при коммунистах. Но спросим себя: а что более всего страшит капиталиста в коммунизме? Насилие и обман? Вряд ли. Ведь это как раз понятно и даже близко ему по духу. Но тогда что же? Необходимость обуздывать собственные страсти и выраженные грешные наклонности. Вот что. Именно сие обязательство представляется ему настоящим *святоотством*. Именно отсюда все его натужные разговоры о сладкой свободе как о возможности *жизни в грехе*. Ну не может капиталист не грешить, ведь именно грех, как особый наркотик, его тешит и успокаивает, греет его глубоко порочную натуру. А что есть грех? Это *внешнее выражение внутреннего дискомфорта личности через выход ее поведения за пределы одобряемого*. А главный источник сего греха есть все-непременное присвоение капиталистом результата чужого труда. И ничего иного более. Казалось бы, если кто-то просто инициативен, так никто и не мешает ему управлять каким-либо предприятием. Но зачем же при этом заниматься *присчитыванием* чужого продукта? А без этого ему уже и не интересно будет само управление этим предприятием. Вот так. То есть *капитализм — это самая изощренная (и даже как бы законная) форма отъема чужого*, и ничего более. Впрочем, капиталист все же выдает зарплату нанятым им работникам, а значит, имеет еще и социальную роль. Да, все так, но он при этом более всего опасен тем, что примиряет людей с мыслью о неизбежности жизни всякого человека в

атмосфере *обмана*, что это и есть его последняя участь. Или каждый должен усвоить раз и навсегда, что ловкость в части обретения выгоды и соответствующее ей лукавство вполне даже законны, так как дают возможность всякому стать капиталистом, тогда как борьба с ними есть самое страшное в мире преступление. Кстати, гламурный капитализм нынешних российских властителей или «славный» рынок зиждется на самом деле исключительно на 30-кратном увеличении поступления валюты от продажи углеводородов на душу населения по сравнению с советскими временами. Причем названная выше цифра получена с учетом инфляционного пересчета покупательной способности доллара США. Где доказательства? Извольте. Советский Союз экспортировал лишь 15 процентов добываемой нефти, тогда как постсоветская Россия вывозит 60. Население СССР было в два раза больше населения нынешней Российской Федерации. Добыча самого природного сырья имела заметно более скромные масштабы. Военные расходы СССР и современной урезанной России совсем несопоставимы, так как Советская страна фактически в одиночку противостояла всей мощи НАТО, в то время как военный бюджет США ныне официально превосходит аналогичный российский бюджет в 25 раз. Цены на нефть в последние годы опять же многократно превосходили цены советского времени. То есть, как ни крути, а выходит, что правители России просто *обобрали* свой народ и еще бесстыдно выставили сие безобразие как «вставание с колен».

Ныне мы все переживаем второе издание капитализма в России. Настоящее дело проходит под *оппортунистическими знаменами*. Если первый оппортунист (Горбачев) говорил о капитализме в нашем Отечестве под видом воцарения некой демократии, следующий — уже под лозунгом утверждения неких идеалов свободы, тогда как третий — расширил сие намерение до границ понятий *свободы и патриотизма для властного клана*, четвертый доба-

вил к двум последним понятиям еще и понятие справедливости. То есть нынешние руководители нашего государства желают не просто продолжения своего господства, они еще много желают его освящения. С другой стороны, справедливость — это лишь *состояние беспристрастного восприятия кого-чего-либо*. Но разве беспристрастность восприятия доступна человеку, разве он в уме и здоровой памяти может быть безразличным к тому, с чем неизбежно и непосредственно имеет дело? Поэтому расчет на справедливость есть расчет негодный, так как человек непременно ориентируется либо на *добро*, либо на его *заменитель*. Иначе говоря, современные «командиры» России даже в этом демонстрируют всему миру свою, если хотите, узость мышления. Каковы возможные последствия сего помрачения ума? А они таковы, что нынешние отчаянные радители капитала всенепременно приведут к очередному историческому потрясению как само Отечество наше, так и весь мир в придачу. Но почему? А потому, что русский капиталист непременно есть сам себе и могильщик. Ну не может он быть европейцем, не может он не мечтать о своем всемирном величии, а значит, он будет упрямо стремиться к мировому господству и сопряженному с ним конфликту. Где доказательства сего? Они в том, что нынешнее отчаянное русское бесчестье и есть тому порука. Ведь не смогут современные русские дельцы не столкнуться с интересами подлинного мирового капитала. Уж такова их природа, что они всенепременно возжелают вдруг быть первыми в мире, так как их тотальное желание командовать всем и всеми на свете ни за что не даст им покоя. Другими словами, торжество капитализма в России неизбежно делает ее же невероятно агрессивной. Кстати, поэтому-то нынешняя Россия и развязала сама себе руки в возможности первой наносить по кому-либо ядерные удары. То есть русский капитализм — это исключительно *аморальный* социальный феномен. Впрочем, на это кто-то резонно заметит, что и ино-

странный капитал ничем не лучше. Что ж, по сути это так. Только в мире лишь одна страна добровольно и *самостоятельно* строила социализм, и это была Россия. Поэтому речь в статье и идет, прежде всего, о ренессансе русского капитализма как антитезе строительству социализма и коммунизма. Иначе говоря, если будущее человечества и решается где-либо, так это, конечно, в России. Но в чем же сущностная уязвимость капитализма или рынка? Она в том, что корысть или выгода есть его альфа и омега. Другими словами, неудержимое стремление к наживе, к обогащению не может в конце концов не губить человека, не может не столкнуть даже все человечество с самим мирозданием. То есть природа рынка или идея поживы есть на самом деле незавершенная или недодуманная людьми сущность. Тем самым страстное желание человека стяжания себе материального могущества толкает его, строго говоря, в никуда. Или упование на панацею богатства создает среди людей *колдовской мир*, в котором никто и ни в ком настоящему уже не нуждается. В результате *страсть имения* чего-либо делает человека и *не существующим* во все. Иначе говоря, в мире тотальной *наживы* становится важным лишь ее размеры, и ничего более. То есть всех начинает главным образом интересоваться не лицо человека, а лишь формат его богатства. При этом даже Бог незаметно уходит из человеческой жизни, оставляя людей наедине с их вожделением денег и блаженства, строго связанного с их же непрерывным обладанием. Ничего другого капитализм не дает и дать принципиально не может. В нем всегда торжествовали и будут торжествовать лишь расчет и аморальность, натужно выдающие себя за единственно возможную участь человечества. И еще. Не может истинно верующий в Бога человек делать вид, что капиталистические отношения не вредят человеку, не отлучают активно его душу от Господа. С другой стороны, трудно или очень даже непросто отыскать достойную альтернативу капита-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

лизму. Но уклоняться ныне и дальше от сего дела совсем даже негоже станет для всякого *думающего* лица.

Так что же возможно предложить человечеству взамен известного культа наживы? Неужели выход все-таки есть? Если говорить о России, ведь о других странах мира, видимо, пока речь идти никак не может, то следует сказать о вероятии воцарения в нашем Отечестве иного духа — духа веры в пришествие *Царя-праведника*, которому все равно быть. То есть с учетом, можно сказать, генетической традиции народа России вверять свою судьбу первому лицу страны надо быть вполне готовыми к подобному событию. К чему же оно может привести? А к тому, что в России возникнет иное бытие — бытие без господства нынешней аморальной подоплеки. Почему же вдруг так? Потому, что сей *долгожданный государь* устранил ее из жизни народа. Как? А так, что сумеет с Божьей помощью отличать людей дельных и честных от людей подлых и лукавых, сумеет окружить ими самого себя и получить от них мощную поддержку. Кроме того, он будет ясно осознавать, что и для чего ему следует делать. Цели же его невиданной доселе деятельности доподлинно Богу угодны будут. В чем и будет его непреходящая сила. Впрочем, сему будут предшествовать еще многие народные беды, которые к жизни непременно вызовут уже прямые наследники нынешних оппортунистов, которые как бы вдруг воцарятся в России.

Завершая настоящее короткое исследование первой части статьи, его автор полагал бы уместным заметить следующее: капитализм в 1991 году получил в России последний шанс, который, как ни странно, неизбежно приведет нашу страну к воцарению в ней поистине человеческих отношений, к которым, в частности, объективно стремились и подлинные коммунисты. Другими словами, «капиталистический поезд» в России в начале XXI века завершает на наших глазах уже *навечно* свое крайне противоречи-

вое и в целом горькое движение. Ему на смену с математической точностью идет мир моральных и даже праведных людей, мир добра и подлинной веры в Бога. Иначе говоря, исторический спор между материализмом и идеализмом завершается воцарением в сознании людей правды. Кстати, если кто-то до сих пор все еще считает капитализм не в пример коммунизму строго органическим существованием человечества, то ему следует уяснить следующее. Оглашавшаяся когда-то в СССР дисциплина — научный коммунизм имела себе всегда альтернативу или *не оглашавшуюся* капиталистическую науку — научный капитализм. Теоретические основы капитализма есть строго скрываемый механизм закабаления душ человеческих. Его ключевое звено — деньги, *нагло* выдаваемые ныне за *универсальный товар*, тогда как само понятие денег и включает в себя сакральный смысл *закабаления посредством механизма обмана душ человеческих*. Другими словами, деньги есть *специально изобретенный и самый подлейший психологический механизм сокрытия присчитывания* или как бы законного способа присвоения чужого. Поэтому-то капитализм возникает там и тогда, где господствуют деньги, а социализм и коммунизм тем более стремятся к устранению их из жизни человека навечно. И еще. Капитализму органически свойственно заботиться в первую голову об устройстве комфорта настоящего, которое вполне естественно и возникает из обилия денег. Но тот же капитализм также органически уязвим в части собственного будущего. Почему? А потому, что сама забота о нем неизбежно войдет в противоречие со страстью наживы в настоящем. Конечно, известный процесс *низложения* денег есть самый сложный в истории социальный феномен. Но ему все равно быть, так как сами непрерывные финансовые игры всенепременно приведут людей к тому решению и действию. Оно, впрочем, потребует также невиданных ранее усилий и честности в поступках всех и каждого. И еще. Коммунизма как об-

щего всех людей дела без Бога никогда не было и даже быть-то совсем не может. Будем об этом помнить. А главная суть сего дела — это стяжание и торжество правды как уникального морального феномена в грядущей истории человечества. С другой стороны, многие атеисты тут возвысят свой голос и заявят, что человек сам себе выдумал Бога. Но разве атеисты доподлинно знают, как человек думает? Разве им ведома сама природа человеческого вдохновения и озарения или просто догадки? Поэтому та легкость, с которой они отрицают бытие Божие, есть на самом деле лишь их слабость по части умения думать о самом человеческом мышлении и его объективных свойствах. То есть, конечно, легко утверждать, что Бога нет, так как его никто не видел, тогда как у Бога такой потребности, чтобы его видели люди, может быть, и нет вовсе. Иначе говоря, всякий человек, способный понимать разумность мироздания, никогда не сможет уверенно отрицать бытие Бога, не попадая при этом в крайне шаткую позицию утверждения случайной природы всего разумного. Другими словами, все сложное из всего простого само по себе не возникает и возникнуть совсем не может, а значит, сие возможно лишь по внешней воле и внешнему замыслу.

Выше было сказано, что второе издание капитализма в России обречено на скорое небытие. А какова роль русских писателей в формировании будущих небывалых перемен? Неужели они все-таки вправе быть в стороне от формирования невероятной ранее истории? Или неужели кто-то из пишущей братии мог бы уклониться от необходимости посильного участия в грядущем спасении Отечества? Впрочем, те, которые прославляли и прославляют существующие ныне в России порядки, конечно же, могут не беспокоиться: им это совсем не грозит. Другим же стоит всерьез подумать о собственном вкладе в дело осмысления и преодоления привычек *бездумной и подлой жизни*. О чем таком речь? Она о том, что *изошренная ложь и изысканное зло* дол-

жны во многих книгах получить могучий отпор. Беспощадная сатира должна стать для названных явлений единственным зеркалом. Зачем? А затем, чтобы всякий смог бы уразуметь, что есть точно *нехорошо* и почему. Кроме того, каждый честно пишущий просто обязан будет дать примеры подлинного человеческого достоинства, должен будет показать все сложности становления в человеке морального и праведного. Иначе говоря, лишь действительно подлинный современный российский писатель, неустанно обличая невиданную ранее мерзость запустения душ человеческих в России начала XXI века, обязан еще показывать и достоверные пути выхода из этого положения для всех способных к тому лиц. И тут уже без упования на всемогущего Господа нашего будет никак не обойтись. Все иное для не фиктивного писателя нового времени становится и вовсе не актуальным. То есть без серьезной писательской работы будущее России может и вовсе не наступить. Будем об этом помнить, а значит, и действовать всем страхом вопреки.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Почему Нравственная революция неизбежна,

или

**Почему ад —
это то место, где все
неизменно?**

Настоящий текст адресован читателям, имеющим думать. Почему так? Да хотя бы потому, что такова уж тема. Или: всяк, не умеющий думать, да не поймет предлагаемое ниже! Вот капитализм хлопочет об утехах человека грешного, тогда как социализм и коммунизм — о создании человека морального. Казалось бы: чего еще надобно автору, или зачем еще какая-то неизбежная Нравственная революция?

Для понимания сути сего попытаемся помыслить: что есть такое ад. Вот религия учит, что ад — это место нестерпимых страданий и мук человеческих. Только вот не очень поясняет: а как они в аду возможны, если тело человеческое в нем отсутствует (во всяком случае — земное)? Вот и выходит, что ад — это нечто более строгое и серьезное, чем о нем принято думать. Впрочем, если он, конечно, существует. Автору настоящего размышления сие понятие представляется следующим образом. *Ад — это то место, где все, абсолютно все неизменно.* Религия, в частности христианская, учит, что человек, умирая, сохраняет собственную самоидентификацию, а значит, в нем всенепременно продолжают жить желания и способности к конкретному предпочтению. То есть по смерти человек может, как и на земле, стремиться к чему-либо. Другое дело, что на земле у него громадные возможности благодаря телесному или вещественному началу. Причем на земле у него еще есть и те возможности, что он попросту может им всем предпочесть и неземные чаяния — грезы о небесном. С другой стороны, эти возможности, за исключением, конечно же, монашеских, понуждают и к огромным хлопотам. К каким именно? Да хотя бы к таким, как кормление, лечение, сохранение чувствительного к всевозможным нехваткам тела. А страсти, возникающие из тех же телесных начал? Ведь их у человека великое множество. Вот и выходит, что на земле человек и живет прежде всего во имя этих самых земных возможностей. Тогда как по смерти своей он вдруг сталкивается с тем, что этих искушений и проблем, с ними связанных, у него уже совсем и нет. А что есть взамен? И чем жить без них родимых тогда? Вот-вот, тут-то и

начинается самое что ни на есть сложное в человеческой судьбе: жить, но жить абсолютно без всех атрибутов привычной земной жизни. Но возможно ли это совсем непростое дело без соответствующего навыка? Правильно, невозможно, во всяком случае, без огромного, чрезвычайного страдания души. Вот и выходит, что, не имея заранее еще на земле сформированной привычки жить не телесным, а, скажем, божественным, человек буквально и бросает сам себя яростно в адское бытие. Сам ад ужасен как раз тем, что в нем некуда себя деть и нечем заняться человеку земному, человеку, который жил лишь телесным и всем к нему примыкающим. То есть в аду при наличии души человеческой *совсем нет* для нее привычной жизни. И в этом *неизменном нет* и сосредоточена вся непреходящая трагедия.

Вернемся к вопросу о неизбежности Нравственной революции. Ежели наш мир земной есть мир все-таки разумный, а другим бы он попросту не существовал, то способный думать и понимать человек приходит неизбежно к той мысли, что учиться жить не телесными утешами и страстями он *непременно* будет. Почему? Да хотя бы потому, что умирать всему телесному все равно придется, а значит, разумно рассуждая, придется готовиться и к иному бытию собственной души, впрочем, это в случае, если ее существование признается. В противной ситуации человек должен будет признать, что он есть только желудок или, уж простите, задница. Поэтому-то Нравственная революция как, если хотите, своего рода цель *всего исторического развития* человечества и является неизбежной. И от выработки отношения к ней никто не сможет быть освобожден.

Людмила Разумовская

РУССКИЙ ОСТАТОК

(Отрывки из романа)

Комментарий редакции журнала. Уважаемые читатели, у вас имеется уникальная возможность познакомиться с выдающейся работой известного русского драматурга. В ней многие получают то, что давно и тщетно искали, а именно честный, умный, увлекательный рассказ о жизни людей в России в период с конца царских времен и до сегодняшнего дня. Главные герои романа — русская женщина Галина, ее сын Алексей, а также ее бывший муж Юрий. Перипетии героев, их родственников, в том числе и заграничных из числа еще белогвардейской эмиграции, многих друзей и составили удивительную, потрясающую ткань описываемого писателем русского бытия. В настоящем номере публикуются отрывки, которые имеют во многом самостоятельное значение. И связаны они, прежде всего, с написанием Юрием книг о важнейших событиях русской истории. Кроме этого, рассказывается история визита героини и ее сына к старцу. Полностью роман будет опубликован в 2009 году Санкт-Петербургским издательством «Алетейя».

Часть четвертая

8

В парижском аэропорту Юру встречал младший сын Александра Викторовича Шабельского, единственный из оставшихся в живых его детей Виктор Александрович — его двоюродный брат. Виктору Александровичу было уже за шестьдесят. Среднего роста, тучноватый, с маленькой бородкой клинышком, в очках, он чем-то напоминал старого дореволюционного врача или университетского профессора. Родившийся в начале тридцатых в самый канун переезда родителей из Сербии в Париж, подростком переживший начало войны, капитуляцию Парижа, смерть старшего брата — участника французского Сопротивления и гибель в мае 1945 года отца, он стал впоследствии юристом, закончив Сорбонну и не захотев быть, как все Шабельские, военным.

Виктор Александрович держал в руках табличку со своим именем, чтобы Юра сразу узнал его среди встречающих.

Оба волновались. Шутка ли, близкий родственник, двоюродный брат собственной персоной едет из непостижимой советской России, их родины, о которой они все столько мечтали, плакали, говорили, которая и в его детях, и даже внуках, отражается светом несказанным, вроде как от ушедшего под воду града Китежа!..

А для Юры это первый выезд на настоящий Запад и сразу же во Францию, в Париж, о котором ведь недаром сказано: «Увидеть Париж и умереть»! Умирать он не собирался, ведь у него теперь собственная маленькая дочь, о которой нужно заботиться и которой он тоже когда-нибудь покажет Париж, город, где живут его и, стало быть, ее ближайшие родственники!

Увидев табличку, Юра широко улыбнулся и направился к напряженно вглядывавшемуся в проходящих с вещами пассажиров Шабельскому.

— Здравствуйте, Виктор Александрович...

— Юрий... Юрий... — забормотал Виктор Александрович, затрудняясь, как будет правильно назвать брата по отчеству.

— По паспорту Петрович, а так...

— Здравствуйте, Юрий Петрович... Добро пожаловать... — Руки его задрожали, он снял очки, поморгал глазами, снова надел и раскрыл объятия. — Очень... очень рад... Очень рад...

Они трижды расцеловались по-русски, и как Юра впоследствии заметил, все его русские родственники и русские друзья родственников подчеркивали, порой преувеличенно, свою русскость (которую мы, живя у себя дома и нисколько не дорожа этим обстоятельством и даже напротив, порой им сокрушаясь, постепенно утратили, став сначала советскими, а теперь и вообще неизвестно какими).

— Как добрались? Все в порядке?

— Отлично, — все еще широко улыбаясь, сказал Юра. — А у вас кажется жарко, как в Африке...

— Вы были в Африке? — удивленно спросил Шабельский.

— Конечно нет, но у нас жара почему-то всегда ассоциируется с Африкой. А в Африке я, к сожалению...

— Да, да, — понимающе закивал головой Виктор Александрович, — это как в «Дяде Ване», помните, конечно: «А в Африке должно быть сейчас жаррица!» — и он засмеялся. — Дело в том, что в последние годы, не знаю, с чем это связано, возможно, с глобальным потеплением, но... вот сюда, пожалуйста... бывают даже случаи со смертельным исходом.

Они вышли из огромного здания аэропорта, переливающегося всеми блестящими гранями западной комфортабельной жизни, и направились к автостоянке.

— Мы живем в предместье Парижа, так что сначала сразу домой, обедать, тем более, что дети и внуки с нетерпением, так сказать, ждут гостя из Петербурга, — объяснял Виктор Александрович свои планы двоюродному брату, любезно открывая ему дверцу недешевого автомобиля. — Как хорошо, кстати, что городу вернули его историческое имя, а то эта чехарда с переименованиями — что-то чудовищное, не правда ли? Этот ваш демократический мэр — неправдоподобно хорош, впервые, кажется, интеллигентный человек на троне, хоть и не на главном, и, как говорят, даже профессор? У нас его многие обожают, как и Ельцина, впрочем, но — все по порядку. Услышим из первых, как говорится, уст...

Впервые в жизни Юра наслаждался комфортом обыденной жизни. Он ехал в прекрасном автомобиле по выутюженной прекрасной дороге, а по обе стороны от нее расстилались великолепные пейзажи. Мелькали красивые, будто новенькие домики, утопающие в зелени и цветах, но главное — это изумительная, потрясающая чистота и ухоженность. Юра вспомнил свои российские разбитые дороги, нескончаемые мусорные свалки по обочинам, убогие развалюхи, соседствующие с новорусскими замками, и ему стало нестерпимо обидно за наше неумение устроить жизнь подобно всем другим людям на земле.

Как же так, ведь тысячу лет назад русские выбрали и веру православную за красоту. Значит, чувство прекрасного свойственно нашему народу не менее чем другим. Или же эта непрекращающаяся столетняя смута настолько изуродовала национальный характер, что нам сделалось уже на все наплевать, не только на красоту жизни, но и на саму жизнь?

Заметив страдальческое выражение Юриного лица, Виктор Александрович спросил:

— У вас все в порядке?

Юра очнулся от мрачных дум.

— Да, разумеется, — улыбнулся он. — Просто очень уж у вас красиво.

— Конечно, — согласился Виктор Александрович. — Но я предпочитаю красоту среднерусских пейзажей.

— Вы бывали в России?

— О, нет! Это моя мечта. Но я много смотрел русскую живопись и имею некоторое представление... В особенности Левитан...

— К сожалению, русский пейзаж несколько сейчас подпорчен.

— В самом деле?

— Да нет, кое-что, конечно, еще осталось... особенно там, куда не ступала нога советского человека. Я говорю по привычке «советского», хотя «советы» и приказали долго жить.

— Мы здесь все надеемся, что после падения коммунистического режима начнется возрождение русской жизни и русского человека.

— Да с чего оно начнется? — невольно с горечью воскликнул Юра. — Когда у нас и слово «русский» невозможно произнести, не рискуя попасть в фашисты!

Виктор Александрович с удивлением и даже, Юре показалось, со страхом посмотрел на него и ничего не ответил.

— Вы, может быть, несколько преувеличиваете? — наконец произнес он с некоторой надеждой.

«Я преуменьшаю» хотел сказать Юра, но решил не расстраивать больше русско-французского брата и снисходительно согласился.

— Возможно. Я, к сожалению, пессимист.

— Ну... тогда все понятно, — сказал, улыбаясь, Виктор Александрович. — Конечно, — продолжал он, — семьдесят лет пленения не могли пройти даром, но все же национальный характер не может подвергнуться необратимой порче, иначе... иначе это было бы поражением самого Господа Бога.

— Вот как? — удивился Юра. — Вы так на это смотрите?

— Разумеется. Замысел Бога о том или ином народе остается неизменным.

— Но согласитесь, итальянцы — это не римляне, современные греки мало похожат на древних, а нынешние евреи — не израильтяне времен библейских пророков...

— Было бы глупо отрицать энтропийные процессы, они идут во всем мире. Везде происходит размывание национальных культурных границ, повсюду укорененная тяга к потреблению и комфорту производит общую ослабленность и в какой-то мере утрату национальной идентичности. Я имею в виду, разумеется, прежде всего, западный мир. И тем не менее ядро того или иного народа остается прежним. И в особенности, как мне кажется, ядро русского народа. Здесь все завязано на православии. Удастся русским сохранить чистоту православия или нет — в этом весь вопрос.

— Знаете, Виктор Александрович, мне бы очень хотелось, чтобы вы приехали к нам в Россию, посмотрели на все своими глазами, а потом мы с вами поговорим.

— Отлично! — воскликнул Виктор Александрович. — Принимаю ваше приглашение. Тем более что мы уже запланировали с женой поездку этой осенью в Москву и Петербург.

— Только имейте в виду, что Москва — это отдельная страна, да и Петербург вовсе не показатель. И вообще, если хотите что-нибудь

понять в современной России, нужно в ней пожить и желательно в разных регионах.

Виктор Александрович уже свернул с главной магистрали, и теперь они ехали вдоль тихих улочек с частными двух- и трехэтажными особнячками, в которых проживала счастливая часть «золотого миллиарда» планеты.

Дом показался Юре роскошным, хотя он был всего лишь добротнo-функциональным и комфортабельным. На первом этаже находились кухня, столовая-гостиная и кабинет хозяина с библиотекой. На втором располагались три спальни. «Удобствам» отводилось место на обо-их этажах. Ну и, конечно, прилагавшийся к каждому дому небольшой участок земли с выстриженным газоном и далее, в соответствии с фан-тазией и вкусом хозяев, садом.

Роскошным он мог показаться только на фоне преимущественно советских хрущевок, в одной из которых по воле слепой фортуны и проживал ныне «писатель земли русской» Юрий Петрович Мельников, он же Юрий Анатольевич Шабельский. А по-настоящему роскош-ные дома стали строить именно в России, так что всего лишь несколько лет спустя Юра собственными глазами обнаружил километрах в семидесяти от Петербурга в лесу на берегу когда-то судоходной, а ныне обмелевшей, но все еще красивой реки «расстрелиевский» новодел. Настоящий дворец в стиле барокко, этакий мини-Эрмитаж, выстроенный когда-то главным бандитом той местности, а ныне пре-бывающим в почете и уважении бизнесменом-нефтяником и даже, как говорят, церковным спонсором, прилетавшем с работы домой во дворец на собственном вертолете.

Таких парадоксов в современной России становилось все больше, и — великое дело — привычка! Возмущавшееся наворованным богатством население перестало наконец обращать на них бесполезное внимание и оборотило его на свою скромную жизнь, стараясь по возможности ее также, кто как мог, приукрасить, карабкаясь меньшей своей частью в так называемый средний класс, а другой — подавляющим большин-ством — проваливаясь окончательно в тот социальный низ, который ничего, кроме цепей и булыжника, уже не имеет. Не имеет он, правда, уже и той пассионарности, которая позволяет ему направить булыж-ник сей по его прямому назначению.

Виктор Александрович представил гостя своей супруге.

Екатерина Алексеевна, моложавая, стройная, с короткой стрижкой густых серебристо-седых волос, улыбалась румяными губами и излу-чая радостное сияние голубых глаз, протянула Юре руку, которую он счел нужным поцеловать. Она в свою очередь трижды расцеловала его по-русски.

— Милости просим, дорогой Юрий Петрович. Очень-очень рады познакомиться, ведь вы, не считая наших детей, ближайший наш род-ственник, да еще из России, страны обетованной! — она поморгала глазами, стараясь убрать непрошенные слезы. — Позвольте вам пред-ставить. Наша младшая дочь Надежда. Наденькин муж — Николай.

— Шувалов, — коротко сказал Николай, пожимая Юрину руку.

— Граф? — пошутил он.

— Граф, но... это неважно.

— Серьезно?... — искренне изумился Юра. — Вот здорово! Теперь всем буду в Петербурге хвастаться: граф Шувалов — мой родствен-

ник!.. Извините, — сказал Юра, заметив некоторое недоумение на лицах хозяев. — Я пошутил. От избытка, так сказать, чувств.

— Николай Николаевич — профессор Свято-Сергиевского богословского института, преподает историю церкви и догматику, — продолжала как ни в чем ни бывало Екатерина Алексеевна, делая вид, что не замечает Юриной неловкости. — А это третье поколение Шуваловых-Шабельских: Федор — студент, филолог, разумеется русист... Маняша и Оленька — еще учатся в школе. К сожалению, наша старшая дочь Лидия не смогла прилететь на семейное торжество, она с мужем и детьми живет в Америке, но обещала позвонить и поприветствовать вас по телефону.

Пожав руки и расцеловавшись со всем милым семейством по очереди, Юра проследовал наверх, в приготовленную для него комнату умыться, переодеться и после всех дорожных процедур пожаловать к столу.

«Вот совок! — ругал себя Юра и, вздыхая и сожалея, скорбел, что воспитанности, увы, взяться неоткуда, а его мальчишески-глупая реакция на “графа”, может, вскоре забудется и простится. — Но какие открытые, славные у всех лица. Ни тени лукавства, неискренности или... напряжения. Абсолютная естественность и простота и вместе с тем — какая неуловимая, не бросающаяся в глаза, но ощутительная почтительность младших к старшим и уважение и любовь друг к другу... У нас не то... У нас вечная вражда всех со всеми. У мужа с женой, у детей с родителями, у бабушек и дедушек — с детьми и внуками и т. д. У учителей с учениками, у прохожих с автомобилистами, у чиновников с населением, у старых солдат с молодыми... список можно до бесконечности продолжать», — думал Юра, разбирая чемодан.

Он оглядел временно свою комнату: в ней не было ничего лишнего. Кровать, письменный стол, шкафчик для одежды. Окно выходило в сад, на безукоризненно чистом подоконнике стоял горшок с цветущей геранью. На стене висела старая карта Российской империи и две гравюры: Петр на фоне кораблей и Екатерина в окружении своих государственных мужей. На другой стене небольшие и очень приятные акварельные пейзажи, как впоследствии выяснилось, «Наденькины студенческие работы», она была художник-дизайнер.

Юра спустился вниз в свежей рубашке, обрызганный одеколоном и с незамысловатыми русскими подарками. Хозяева искренне ахали и всем восхищались: альбомами по Эрмитажу и русской живописи (по счастью, угадал пристрастие Виктора Александровича), павлово-посадской (для Екатерины Алексеевны) шалью, хохломой, берестой и дымковской игрушкой для всех остальных.

Девочки примеряли берестяные браслетики, колечки, обручи на голову и, смеясь, о чем-то между собой переговаривались по-французски.

— Оля, Маняша, дома, пожалуйста, только по-русски, — попросила бабушка.

Девочки бросили быстрый взгляд на Юру и покраснели.

— Я только хотела узнать у Юрия Петровича, — бойко начала Маняша, — носят ли сейчас такие украшения девушки в России?

— Такие? — Юра задумался. — Кажется, нет. По-моему, это немодно. Мы ведь по-прежнему перенимаем все с Запада. И не только, к сожалению, моду...

— В таком случае, девочки, вам предоставляется честь ввести моду на русские украшения в Париже, — пошутила бабушка.

Наконец стали садиться к столу, но прежде чем сесть, все дружным хором, повернувшись в угол, где висел образ Богородицы, пропели «Отче наш». Это уже было, по Юриному мнению, чересчур. Конечно, он понимал, как ему казалось, их ностальгию и сам, как всякий интеллигентный человек, уважал культурные традиции предков, и даже, пожалуй, верил в Бога, «но не до такой же степени!» говорил он себе. В общем, данный пассаж показался ему уже неким перебором, эдаким театральным действием, излишней, что ли, демонстрацией русофильства и православности. Но чтобы не выглядеть белой вороной и не утрачивать в глазах сородичей русской своей идентичности, он, как и все, перекрестился и даже сделал вид, что подпевает молитвенному хору.

Очень скоро, однако, он убедился в своей неправоте, когда в ближайшее воскресенье ему предложили поехать в парижский Александр-Невский собор на праздничную литургию. Это был известный во всем православном мире русский храм на рю Дарю — центр русской эмиграции, где молились, венчались и где отпевали многих наших великих соотечественников от Тургенева, Бунина, Шмелева до Шаляпина и Тарковского.

Разумеется, Юре было интересно посетить и этот собор, и русское кладбище под Парижем Сен-Женевьев-де-Буа, где похоронено около двух тысяч наших, в том числе и выдающихся, соотечественников. Но, к его глубочайшему удивлению, посещение собора не выглядело воскресной экскурсией, и ему пришлось впервые в жизни отстоять всю литургию от начала до конца, с изумлением наблюдая, как все семейство во главе с Виктором Александровичем исповедуется, а затем причащается Святых Христовых Таин.

Первый тост был произнесен, разумеется, за Россию, за ее возрождение, второй — за знакомство и встречу. Третий — за их общих, уже ушедших в мир иной, предков.

— Скажите, пожалуйста, Юрий Петрович, — обратилась к нему Екатерина Алексеевна, — скажите нам, как очевидец всех событий, которые происходят у нас на Родине. Есть ли надежда, что теперь, после падения коммунистического режима, начнется возрождение России?

Юра отложил вилку и нож и привычно насупился, когда ему предлагали подобную тему для разговора.

— Катенька, — обратился к ней с кротким укором муж, — дай же человеку сначала поесть.

— Ах, пожалуйста, — улыбнулась Екатерина Алексеевна. — Вы только ешьте, пожалуйста. С ответом можно и подождать.

— Я думаю, — начал Юра, — как дипломатичней ответить.

— Нет-нет, Юрий Петрович, пожалуйста, никакой дипломатии. Говорите, как есть, как вы видите и чувствуете.

— Если без дипломатии, — вздохнул Юра, — то Россия гибнет.

Теперь уже все сидящие за столом прекратили трапезу и в молчании уставились на Юру.

— Я не хочу быть пророком... к тому же, как у нас говорят, надежда умирает последней, но... три войны, две Отечественные и Гражданская, и три революции, а если считать раскулачивание как еще одну революцию на селе, то и все четыре, привели к тому, что генофонд нации

представляет на сегодняшний день руины. Современная революция, как ее ни называй — партийно-государственная, олигархическая или криминальная, — как и любая революция есть величайшее зло для народа, поскольку отбрасывает его развитие на десятилетия назад и приводит к колоссальному его обнищанию. Невиданные, вне всякой войны, потери громадных территорий, невиданное опять же разграбление национального достояния, развал всех сфер деятельности от военно-промышленного комплекса до медицины и образования, агрессивное навязывание в качестве идеалов аморальной вседозволенности, и даже разврата, и в силу этого очередная деградация населения — вот краткий перечень тех бед, которые дают мне основания для вышеуказанного мнения, — Юра замолчал.

Молчали и все родственники.

— Вы курите? — обратился, наконец, Виктор Александрович к Юре.

— К сожалению...

— Катенька, ты позволишь? — Они отошли к открытому окну в сад, и Виктор Александрович поднес Юре огонь.

— Я очень боялась так думать, — начала Екатерина Алексеевна, — я очень боялась так думать, — повторила она, — но что же народ? Почему он молчит? Почему не протестует?..

— Прежде всего, народ в очередной раз обманут. Сначала его обманули большевики, теперь — так называемые «демократы». А во-вторых, народ наш, как известно, долготерпелив и привычен к разного рода тирании. Да и что осталось от народа после всех катастроф двадцатого века? Так... жалкие остатки. Знаете, как протестует наш народ, когда ему по полугоду не выплачивают зарплаты и пенсии? Он объявляет голодовку. Объявлять голодовку властям, сверхзадача которых как раз и сводится к народоистреблению, это уже, знаете, какой-то Кафка!.. Люди попроще спиваются, ученые, военные стреляются, девочки идут в проституцию... Извините, — бросил он взгляд на покрасневших Маняшу и Оленьку.

— Неужели все так действительно безнадежно, Юрий Петрович? Не верится, мама... — подала голос молчавшая до сих пор Надежда. — Как же тогда жить?.. — подняла она на Юру большие серьезные глаза, полные слез.

— Да мы и не живем, мы потихонечку, по миллиону в год, вымираем. Причем вымирает исключительно русское население...

— И все-таки... — барабанил пальцами по подоконнику Виктор Александрович. — И все-таки я почему-то верю, что русский народ выдержит и это испытание. Я, может быть, повторяюсь, но Божий замысел о народе остается неизменным.

— Мой друг ездил в прошлом году в Россию, — сказал Николай. — Храмы восстанавливаются и полны молящихся. Этого нигде на Западе нет.

— Вот-вот, — удовлетворенно закивал головой Виктор Александрович. — Именно это и подтверждает мой тезис о неистребимости народного духа. Православие не может исчезнуть! И стало быть, русский народ, как главный его хранитель.

— «Но Сын Человеческий придет, найдет ли веру на земле?» — тихо процитировала Евангелие Екатерина Алексеевна.

— Я не большой знаток религии, — сказал Юра, — храмы и правда восстанавливаются. Но наряду с этим пространство России наполняется тысячами самых разнообразных сект, вплоть до сатанинских. И в них

также участвуют русские люди. Но главное даже не в этом. Такое ощущение, что нами управляет оккупационная власть, которая планомерно осуществляет геноцид русского народа. Мне вообще кажется, что национальный вопрос станет в ближайшее время для нас самым главным и взрывоопасным.

— Может быть... может быть... — задумчиво произнес Виктор Александрович.

— Если Россию развалят, у нас, русских, не останется даже клочка собственной земли, где мы могли бы восстановить собственную государственность. Везде будут проживать и уже проживают национальные меньшинства, права которых в нашей стране усиленно защищаются в ущерб правам русского населения. Если это не исторически закономерная политика Запада в отношении России, которую почему-то осуществляют наши современные власти, то тогда я ничего не понимаю.

— Из России всегда делали пугало для Запада... слишком большая страна, это ясно. И всегда мечтали если и не побороть ее военным путем, что, как показала история, оказалось невозможно, то, по крайней мере, отодвинуть куда-нибудь подальше, отгородившись восточно-европейским кордоном. С другой стороны — гигантская территория, неэффективно управляемая, с неиссякаемыми природными ресурсами, малонаселенная... конечно, она представляет лакомую добычу для транснациональной олигархии... часть которой, как вы справедливо говорите, уже завладела половиной природных богатств России. Думается мне, осуществившийся передел собственности уже не изменить вне какого-то глобального мирового катаклизма. Возможно, Россия, как это для нас ни печально, уже никогда не станет великой и мощной державой. Но я вновь и вновь повторяю, даже если она снова сожмется до размеров московского княжества...

— В том-то и дело, что никакого московского княжества восстановить не удастся! — перебил Юра. — Бывшая русская столица Москва, собирательница земель русских, представляет собой средоточие и квинт-эссенцию мирового олигархизма на нашей территории, вот и все. И Кремль, несмотря на все физические остатки его святынь, уже давно ничего русского, ничего православного в себе не содержит и собой не представляет. Он только форма прошедшего православного зона, если хотите, а содержание... — тут Юра язвительно скривился, — многонационально-многоконфессиональное...

— Вас еще не обвиняют в ксенофобии? — улыбнулся Виктор Александрович.

— Я думаю, все еще впереди.

— А я думаю, друзья мои, — сказала Екатерина Алексеевна, — даже если Россия и распадется на части, от чего упаси нас Боже, остаток русского православного народа, по милости Божией, сохранится. И русская православная стихия будет пронизывать ее тело параллельно всем иным силам и стихиям. Да, возможно, мы уже никогда не будем мощной мировой державой, но, друзья мои, вспомним снова Христа. «Аще не умрет, не воскреснет». Может быть, России как великой державе и нужно «умереть», чтобы остаток верных Христу воскрес. Ведь и в самом деле — не с великими, сильными и гордыми в «мире сем прелюбодейном и грешном» Христос, но с «нищими духом» и смиренными сердцем. Я думаю, главное — остаться верным Христу, верным церкви. Все остальное Господь управит.

Ужин затянулся. Обе девочки уже давно перестали слушать, о чем говорят взрослые, они привыкли к этим нескончаемым спорам у бабушки с дедушкой об этой такой странной и далекой для них России, и, блестя молодыми глазами о чем-то своем перешептывались и пересмеивались на родном для них, несмотря на строгий бабушкин запрет, французском, — благо бабушка была занята Юрием Петровичем и не обращала на них внимания.

Но их восемнадцатилетний брат Федор и зорко напряженностью следил за разговором с русским гостем. Сердце его горело. Он и раньше еще мечтал, закончив университет, поехать работать на свою историческую родину. Он, конечно, пока не представлял, чем мог быть полезен России, но сегодняшняя его встреча с двоюродным дядей и весь этот разговор об их погибающей, как говорил дядя, стране, перевело его желание из разряда мечтательности в твердую решимость сделать для России что-то большое и невероятное, и, если б можно было положить для ее спасения жизнь, он, не колеблясь, прямо сейчас ее и положил бы.

Наконец стали прощаться, договариваясь о следующем визите к Надежде. Семья ее жила в Париже, и поскольку у Надежды были свободные дни, она обещала показать Юре все самые важные достопримечательности французской столицы.

Вставая из-за стола, все снова пропели благодарственную молитву, и снова Юре сделалось как-то неловко, он только не понял — за себя или за них, и он опять старательно шевелил губами, стараясь не слишком невольно.

Перецеловавшись и проведив семейство младшей дочери — девочки сели в машину с мамой, Федор — с отцом, Виктор Александрович пригласил Юру в кабинет «кое-что ему показать и рассказать».

— Какая у вас прекрасная библиотека! — с невольным восхищением воскликнул Юра, оглядывая стройные ряды стеллажей, занимающих все четыре стены кабинета.

— Да, это предмет моей гордости, — согласился Виктор Александрович, — кое-что досталось от отца, правда немного, учитывая эвакуацию и дальнейшие скитания по Европе, вот эти две полки... в основном русская дореволюционная классика. А это все собирал по букинистам сам, здесь их множество, ну и современные издания на трех языках тоже...

— Завидую я вашему европейскому многоязычию, — искренне признался Юра. — Наша советская общеобразовательная школа, пока ее не разрушили, считалась одной из лучших, некоторые до сих пор считают ее лучшей в мире, но один существенный недостаток в ней все-таки был. Очень неэффективное, возможно, в силу невостребованности в дальнейшем, изучение иностранного языка. У нас вся советская интеллигенция, за исключением тех, кто заканчивал инязы, нема как рыба.

— Это все объяснимо, вы жили за железным занавесом.

— Но теперь, когда его приподняли, от этого объяснения не легче.

— Вы еще молоды, Юрий Петрович, займитесь языками, хотя бы одним, уверяю вас, это не так страшно, как кажется.

— Придется, — согласился Юра.

— Скажите, вы что-нибудь знаете о вашем отце, о его семье?

— Очень мало. Перед смертью мама рассказала мне о том, как они познакомились в госпитале во время войны, что отец в свое время

воевал в армии Деникина, потом Врангеля, что его молодая жена и ребенок были расстреляны красноармейцами... вот, пожалуй, и все. После войны она долго ждала его, но так и не дождалась. Судьба его нам неизвестна.

— Значит, вам неизвестно, что в конце сорок четвертого года он попал в плен и даже, находясь в лагере для советских военнопленных офицеров, повидался со своим братом — моим отцом?

— Разумеется, таких сведений у нас не могло быть! — воскликнул Юра. — Расскажите, пожалуйста, что вы об этом знаете.

— Ну, если вы не устали...

— Да что вы, какая усталость! У нас в это время только жизнь начинается, — улыбнулся Юра, взглянув на часы, показывавшие одиннадцатый час вечера.

— Дело в том, что мой отец, которому в отличие от вашего удалось выехать из России с армией Врангеля, впоследствии, во время начавшейся германо-советской войны, принадлежал к представителям так называемой «третьей силы». Видите ли, в начале войны зарубежная эмиграция разделилась в оценках. Одни, в частности генерал Деникин, считая эту войну отечественной, несмотря на сталинский режим, поддерживали тогдашний Советский Союз и Красную армию. Другие, как генералы Краснов и Шкуро, так и не примирившиеся с разгромом национальной России, осуществленной Лениным — Троцким — Сталиным и иже с ними, выступили в союзе с Гитлером, наивно полагая, что Гитлер предпринял военный поход на Россию, как он, кстати, и без конца декларировал, против коммунизма, а не против самой России. Эта часть зарубежной интеллигенции, поверив Гитлеру, решила, что наступил ее исторический шанс освободить родину от сталинской тирании. Возможно, вы знаете, хотя об этом и не принято было распространяться ни на уроках истории в школах, ни, очевидно, на лекциях в высших учебных заведениях, что сотни и сотни тысяч наших соотечественников, по разным оценкам — до двух миллионов, не только русские, но и украинцы, белорусы, калмыки, кавказцы, казаки выступили на стороне немцев, считая, что те пришли покончить с ненавистным им коммунизмом. Разумеется, Сталин всех с самого начала войны объявил предателями и кого сумел — уничтожил, а сумел почти всех. Спаслись немногие. Думаю, не ошибусь, если скажу, что «власовская армия», «власовец» до сих пор являются у нас в России синонимом прокаженных.

— Да, — подтвердил Юра. — Тогда действительно было не до тонких различий. Народ боролся против захватчиков, и все, кто был на его стороне, считался предателем.

— Тогда — да, я согласен. Но теперь, когда прошло пятьдесят лет со дня Победы, наступает время, когда можно попытаться отделить зерно от плевел. Короче говоря, это интереснейшая тема не только для историков, может быть, но я вот что хочу только сказать: не может быть двух миллионов предателей родины. Два миллиона, выступивших против Сталина, — это уже не предатели, это политическая оппозиция. Об этом, кстати, говорили и все высокопоставленные генералы власовской армии, безуспешно взывавшие к государственным деятелям антигитлеровской коалиции в напрасной надежде, что западные демократии признают их «третьей силой» и не допустят их верной гибели в сталинских застенках. Тогда их предпочли не услышать. Их, как союзников побежденной Германии, согласно ялтинской догово-

ренности со Сталиным, их всех — сотни тысяч советских поданных — выдали на растерзание НКВД. Эта выдача проводилась повсеместно, с душераздирающей жестокостью и вероломством. Обращались к британскому правительству, писали письма к Элеоноре Рузвельт, в защиту выступила Русская православная церковь за границей, Папа Римский... напрасно. Я как юрист мог бы легко доказать всю юридическую неправомерность этих выдач, но... справедливости в политике не существует. Прав тот, кто оказывается сильнее, и на тот момент сильнее оказался Сталин. Знаете, у меня иногда складывалось впечатление, что они все, Черчилль и все прочие, просто его боялись, трепетали. Он на них действовал, как удав на кролика. Кстати, об этом пишет и сам Черчилль: «Когда в комнату входил Сталин, почему-то мы все вставали и опускали руки по швам». Феноменально, не правда ли?.. У меня собраны воспоминания о тех событиях... тех, кому удалось спастись, читать без содрогания невозможно... Я часто думаю, если бы я был писателем, если бы я имел дар слова, какая могла бы выйти потрясающая книга! И главное, об этой трагичнейшей истории почти ничего не знают. Как под звуки победных фанфар и фейерверков, ликования всей спасенной от фашизма Европы два с четвертью миллиона русских советских людей насильственно выдавали на смерть сталинским палачам. А ведь большинство из них были обычные гражданские лица: беженцы, угнанные в Германию рабочие, наконец, освобожденные из концлагерей советские военнопленные...

— Признаюсь, к сожалению, я тоже практически ничего об этом не знаю.

— Холодная война была уже тем одним полезна, что побудила западные демократии в силу их вражды с Советским Союзом печатать и издавать многие материалы, которые были бы абсолютно невозможны на родине. Вот видите, эта полка... здесь собраны у меня воспоминания тех, кому удалось бежать, кто сумел чудом и милостью Божией спастись... Если захотите, можете потом посмотреть. Думаю, вам будет интересно. Мой отец во время войны сотрудничал с генералом Власовым, он считал его незауряднейшей личностью. Он надеялся... да, да, они все надеялись, что Запад поймет и поддержит их как новую политическую демократическую русскую силу. Но Запад не был бы Западом, если бы не оставался всегда и во всем эгоистичным, холодным и циничным прагматиком, в очередной раз продемонстрировав, что ему глубоко наплевать на русские дела и что русские ему нужны только для...

В кабинет заглянула Екатерина Алексеевна.

— Виктор Александрович, побойся Бога, ты же утомишь нашего дорогого гостя. Отпусти его на покой, завтра еще наговоритесь.

— Да, да, Катенька, прости, еще минуту. Посиди с нами.

— Знаете ли вы, дорогой Юрий Петрович, например, что Прагу освобождала не Красная, но власовская армия?

— Нет, — удивился Юра. — И этого я тоже не знаю.

— Так вот докладываю вам. В ответ на просьбу восставших чехов, которым грозило уничтожение, командующий первой дивизии РОА генерал-майор Буняченко 6—7 мая сорок пятого года вел жесточайшие бои с немцами за освобождение Праги. Надеялись, что Прагу займут находившиеся рядом американцы, а чешское правительство в благодарность за помощь предоставит власовцам политическое убежище. Но они снова ошиблись, их надежды на некоммунистическую

Чехословакию не оправдались. По договоренности со Сталиным американцы дали возможность занять Прагу советским войскам. А оставшиеся в госпиталях после тяжелых боев за Прагу раненые власовцы, в том числе и мой отец, были расстреляны прямо в кроватях войсками СМЕРШ.

В волнении Виктор Александрович достал носовой платок, промокнул глаза, протер очки, высморкался.

— Витя, я тебя умоляю. Дело опять может закончиться... — Екатерина Алексеевна не договорила. — Побереги себя.

— Ничего-ничего, Катенька... Я еще не рассказал вам самое главное, как они встретились... И потом фотографии, у нас сохранились фотографии вашего отца в молодые годы! Но это все завтра, завтра, а теперь спать, Катенька, милая, спать. Я вам завтра расскажу, Юрий Петрович, как мы с Катенькой в пятьдесят шестом году ездили в Прагу и, представьте себе, нашли медсестру, которая тогда, в сорок пятом, работала в госпитале и видела этот расстрел своими глазами и... ладно, все это уже завтра. Спокойной ночи...

— Спокойной ночи. С вашего позволения, я возьму кое-что почистить с этой полки?

— Разумеется, очень рад. Все, что пожелаете.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Но эта ночь не была спокойной ни для хозяев, ни для их гостя.

Взволнованный встречей, разговорами и воспоминаниями Виктор Александрович долго не мог уснуть, ворочался, вставал, мерил давление.

Екатерина Алексеевна вздыхала, подавала нужные лекарства и воду и тоже не спала.

Юра, всю ночь читавший воспоминания о выдаче англичанами Сталину казаков, потрясенный открывшимся ему очередным ужасом недавней нашей истории (хотя таким ужасом, если чуть-чуть дать себе труд взглядеться, была и вся, по крайней мере, первая половина советского двадцатого века), заснул тоже только под утро.

И снился Юре тридцатитысячный казачий стан в австрийском городе Лиенце на берегу Дравы, застывший в смертном предчувствии роковой непоправимой беды. Хоть и давали им крепкую надежду англичане, но с того часа, как обезглавили их войско, увезя всех (почти три тысячи) офицеров, как говорилось, на встречу с самим английским фельдмаршалом Александером, ползучая тревога закрадывалась в сердца оставшихся безоружными молодых казаков, седых стариков и жен-матерей с малолетними детьми.

И вот наступило кровавое утро первого июня победного сорок пятого года. И в лагере Пеггетц, прямо на улице, на походном алтаре нескончаемо служились молебны и панихиды, и плотным кольцом окружили молодые казаки и юнкера своих священников, женщин, стариков и детей, не давая возможности англичанам прорвать это защитное кольцо. Но что может сделать самая храбрая молодая плоть против прикладов и ружей, и штыков? Без разбора били и кололи всех подряд: и мужчин, и стариков, и женщин. И отнимали у матерей младенцев, кидая их в стоящие наготове грузовики — в подарок товарищу Сталину, — в справедливой уверенности, что не бросят же матери своих младенцев, а как и всякая рождающая тварь последуют за своим рождением. А тех, кто пробовал бежать, тех преследовали бронемашин и

самолеты и расстреливали бежавших. А еще многие казаки бросались в воды Дравы, предпочитая и такую смерть — сталинской, и тех тоже поливали огнем. А немногих, кому все же удалось бежать и добежать до гор, — тех еще долго затравливали и долавливали британские войска в сопровождении офицеров вездесущей СМЕРШ...

Утром за завтраком Юра сказал:

— Я прочел о выдаче казаков в Лиенце. Это ужасно.

— Так было не только в Лиенце. Так было везде, — ответил кратко Виктор Александрович, и лицо его снова сморщилось и покраснело.

— Друзья мои, — обратилась к обоим братьям Екатерина Алексеевна, — я вас очень прошу, предаваясь историческим воспоминаниям, не прилагать к ним до такой степени сердце, чтобы рисковать его остановкой. Положим, Юрий Петрович еще достаточно молод и, надеюсь, здоров, но Виктору Александровичу категорически запрещено волноваться, не говоря уже о том, чтобы не спать ночами. И вообще, я думаю, сегодня никуда не стоит выезжать. Нужно как следует отдохнуть, выспаться, наговориться, а завтра с Божией помощью отправимся в Париж.

— Вы как, Юрий Петрович, не возражаете? — спросил Виктор Александрович.

— Нет-нет, с удовольствием... нам ведь так о многом нужно поговорить.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно сказала Екатерина Алексеевна. — Значит, никуда не торопимся и завтракаем в свое полное удовольствие. Предлагаю кофе пить в саду.

— Прекрасно, — отозвался Виктор Александрович. — А вы обратили внимание, что британцы, — снова вернулся он к основной теме беседы, — выдали Советам около полутора тысяч офицеров — старых эмигрантов, которые никогда не являлись советскими гражданами и соответственно не подлежали выдаче даже по Ялтинскому соглашению? В их числе и генерала Краснова, и генерал-лейтенанта Шкуро, и многих других военных и гражданских лиц?

— Разумеется. Хотя мне и непонятна такая услужливость Сталину вроде бы благородных и, как это сейчас принято говорить, цивилизованных англичан.

— Гм... Не знаю, не знаю, насчет благородства... не уверен. Мы ведь говорим не о людях, о политике. Хотя политику делают люди... Существуют воспоминания внучатого племянника генерала Петра Николаевича Краснова — Николая Николаевича. Он пишет, в частности, что на допросах в Лубянке, генерал МВД, кажется, его фамилия... неважно, забыл. Так вот, этот генерал долго потешался над тем, что они поверили обещаниям англичан. Это же исторические торгаши, говорил он. Любого продадут с потрохами. Мы их заставили плясать под нашу дудку как последнюю пешку. Ну и так далее в таком же уничижительном мнении по поводу англичан эмвездэшного генерала, но факты говорят сами за себя. Еще двадцать четвертого мая британцы публично заявляли на казачьем собрании, что выдача несовместима с честью Великобритании, что их передислоцируют в Италию, а в дальнейшем предоставят возможность переезда в Канаду и Австралию, но это был чистой воды блеф...

— Кажется, только маленькое княжество Лихтенштейн не поддавалось нажиму советского правительства о насильственной репатриа-

ции... — сказала Екатерина Алексеевна. — Простите, Юрочка, можно я вас буду так называть?

— О да, конечно...

— Вам чай или кофе?

— Все равно. Пожалуй, чай.

— Да... Мне тоже, Катюша, будь добра... — Виктор Александрович пододвинул свою чашку. — Представьте себе, выдачей занимались все страны, включая северную Африку и нейтральную Швецию. Швейцария оказывала всяческое психологическое давление, чтобы только избавиться от русских. Не говоря уже о Франции, Италии, Дании, Норвегии и всех других районах Германии и Австрии. И только крошечный Лихтенштейн проявил твердость, заявив, что насильственная выдача несовместима с христианской заповедью о любви к ближним. А? Каково?! — Виктор Александрович даже подскочил на стуле. — Вспомнить Христа посреди этих... бесов, этого крошечного ада! Снимаю шляпу перед лихтенштейнцами и их герцогом!

— А власовцы когда-либо принимали участие непосредственно в боях с Красной армией?

— Видите ли, так называемая «Власовская армия» долгое время существовала только номинально. Немцы использовали этот, как теперь сказали бы, бренд исключительно в пропагандистских целях. Но на самом деле они вовсе не хотели иметь у себя под боком хорошо обученную и вооруженную, патриотически настроенную русскую армию. Первые две, даже полторы дивизии были сформированы только в самом конце сорок четвертого — начале сорок пятого года, когда дело уже шло к развязке. Немцы решили испробовать в наступлении на Эрленгоф первую дивизию под командованием Буняченко в апреле на Одерском фронте. Тоже, знаете ли, интереснейшая личность этот генерал-майор, да и все они... Русские дрались храбро, как могут драться только русские, но сила была на стороне... других русских. Знаете, как говорят: русских могут победить только сами русские. Так и было уже в Гражданскую...

— А знаете, о чем я подумал? — сказал Юра. — У Власова и всех, кто был с ним, все равно не было никаких шансов. Нет, я понимаю, субъективно, возможно, он исходил из лучших побуждений, и его борьба за освобождение народов России заслуживает самого глубокого уважения и, может быть, восхищения, но... как он себе это представлял?.. Ведь тут какие варианты не придумывай, дело неизбежно закончилось бы гражданской войной. Еще одна гражданская война? После с е г о?! Да разве народ это бы поддержал и выдержал бы?..

— Катенька! — воскликнул Виктор Александрович. — Ты послушай, что он говорит! Он почти слово в слово повторяет все то, о чем говорил его отец, когда они встретились с моим отцом в лагере. Ты помнишь это письмо?

— Конечно, в общих чертах...

— Поразительно!.. Поразительно...

— И еще я думаю... — продолжал Юра, — несмотря на личную симпатию некоторых посвященных в историю... знающих суть дела, людей, народ в целом никогда не полюбит и не поддержит генерала Власова. Может, это самонадеянно говорить от имени народа, но мне так кажется... И знаете, почему? У нашего обкраденного и замученного народа, а теперь еще оболганного и униженного, осталась только одна святыня. Это День Победы. Эту победу тоже пытаются у него

сейчас украсть, но это уже последнее, что у него есть. Больше ему не за что зацепиться для самоуважения и естественной национальной гордости, существующей даже у папуасов. Народ примет сейчас кого угодно: Деникина, Врангеля, Колчака... просто потому что эти имена уже ничего для него не значат... Да, в конце концов, того же Сталина, реабилитация которого уже началась. Парадоксально, но это так. И генерал Власов, объективно работавший не на победу, но на поражение советской армии именно в этой войне, ставшей для всего народа отечественной... золотой пробой на выживание, нет, он не будет принят народом сердцем. Слишком много сил отдал народ этой войне и этой победе. Быть может, уже и последних сил.

— Я понимаю, Юрий Петрович, о чем вы говорите, но... позвольте задать вам вопрос. Всегда ли народ оказывался исторически прав? Вспомним революцию, вспомним позорное бегство в семнадцатом с фронтов и расправы над офицерами, вспомним равнодушие народа к убиению царской семьи, вспомним, несмотря на тысячи мучеников, безразличное взирание на уничтожение церкви и даже прямое участие в этом сатанинском деянии, вспомним, наконец, как вообще гнев быстро переходит в озлобление, и озверение, и взаимоистребление... И второй вопрос. Можем ли мы, будучи христианами, обожествлять народ? Как это делали до нас славянофилы, народники, почвенники и иже с ними? Не является ли это грехом против заповеди: не сотвори себе кумира? Нет, мы не имеем права обожествлять ни народ, тем более народ расцерковленный, с его крайне низкой сознательностью и бездуховностью, ни, извините, государство, даже, если это государство — до боли наша любимая матушка Россия. И еще: всеми признано, что русский народ не может существовать без высшей цели, вне захватывающего целиком его душу идеала. Тысячу лет это было православие, но постепенно утрачивая веру, народ оказался в собственной западне. Оказалось, что его способность к жертвенному служению идее вообще, независимо от ее истинности, можно использовать и было с успехом использовано большевиками, давшими ему вместо идеала христианского коммунистическую идеологию, в которую народ со свойственным ему простодушием и истовостью поверил, принял и стал защищать. Не кажется ли вам, что этот соблазн духовной подмены является грехом не только соблазнительей, но и соблазненных? Конечно, большой грех на растлителей, но ведь не все растлеваемые и растлеваются... Вот вы говорите, народ все еще за Сталина, идет его реабилитация и все прочее. Но позвольте, какой народ — за Сталина? Тот, кто уцелел, кто не попал в сталинскую мясорубку, кто не был вычищен из нормальной человеческой жизни и не сгнил в многочисленных ГУЛАГах, и тот, кто сам доносил, сажал, охранял? Ведь те, кто сейчас защищает Сталина, это из сохранившихся. А мы знаем, кто легче сохраняется в подобных катаклизмах. Нет, правда народа и правда Божия — это не одно и то же.

— Но мне кажется, мы не можем поставить себя судьями над правдой народа и правдой Божией, мы и сами можем заблуждаться... Вы не представляете, во что сейчас превращена Россия... На фоне теперешнего разгосударствления, разграбления, анархии и цинизма тоска и призывание твердой руки очень даже понятны, как альтернатива надвигающемуся хаосу, в котором уж точно захлебнется тогда и народ, и вся Россия... Получается, для нас выхода нет: либо ГУЛАГ, либо анархия со всеми вытекающими последствиями.

— Выход есть, — как всегда тихо и спокойно промолвила Екатерина Алексеевна, — восстановление монархии.

— Это нереально! — отмахнулся Юра.

— Пока нереально, — уточнила Екатерина Алексеевна.

— И еще. Возвращаясь к генералу Власову. Ну и что с того, что народ его не поймет и не примет? Разве его подвиг, я не побоюсь этого слова, как и подвиг всей Белой армии, например, да, пусть потерпевшей поражение и также многие десятилетия не признававшийся народом, а сейчас, по нашей общей беспамятности, и вообще равнодушно забытый, разве он пропал для истории втуне? Я не говорю уже — для Бога, у Которого и волосы на главе нашей все сочтены и не пропадает ни один праведный помысел, не говоря уже о деянии. Я думаю, ценность власовского движения состоит в том, что оно продемонстрировало прежде всего возможность отстаивания и осуществления в невыносимо трагически противоречивых обстоятельствах высокой человеческой свободы и жизни по совести. Да, разумеется, мы можем заблуждаться. И совесть наша может запутываться, но если ты живешь с ней в согласии, не двоедушно, как приучила нас к тому вся советская система...

— Но ведь можно в согласии со своей совестью и убивать в газовых камерах. И — ничего, никакого двоедушия, и совесть не осуждает. Где же мерило? — спросил Юра. — Наша заблудшая совесть еще не последняя инстанция. Она может ошибаться и еще как.

— Я об этом и говорю. Последняя инстанция, как вы изволили выразиться, — прерогатива самого Господа Бога. Но мы обязаны, наш долг, если хотите, прислушиваться к Его воле, к тому, что Он нам говорит. И когда люди отказываются соизмерять свою совесть с Его заповедями, тогда становятся возможны в том числе и газовые камеры...

Так они продолжали говорить все дни напролет и дома, и на парижских улицах, и в гостях. За две недели пребывания в Париже Юра близко познакомился не только с семейством Николая и Надежды, но и других потомков русской эмиграции первой волны. И повсюду разговоры о России, ее давнем и недавнем историческом прошлом, о ее будущей судьбе выходили на первый план и велись заинтересованно и горячо, так, как мало кто говорил на его родине, во всяком случае, круг Юриных знакомых в Петербурге был занят совершенно другими разговорами и другими проблемами.

Он улетал на родину с чувством не только вновь обретенных родственников, его чувство было гораздо более универсальным. Похоже было на то, как человек вместе с родственными связями обретал и те глубинно-родовые исторические корни, которые связывали его не сиюминутно — допустим, с матерью только и... далее пустота или неясная смутность в виде — вспомнилось Юре — сожженного портрета прадедушки, но — с глубиной всех ушедших поколений, которые и составляют то, что зовется Россией, что стало теперь во многом звуком пустым, «медью звенящей», когда ушла из людей горячая, отечески-материнская к ней любовь. И что-то еще произошло с ним важное, он не сознавал что, что-то приоткрылось — ему? в нем? Что-то задышало по-новому, какие-то духовные пласты, лежавшие скончанными в его душе до времени, вдруг сдвинулись, зашевелились, сквозь них стал пробиваться свет, и свет этот, несмотря на все более охватывающую и Россию и мир тьму, вносил в его душу радость и окрывающую надежду, он еще не понимал до конца, на что. Возможно, на

грандиозно разворачивающийся перед ним смысл мира, истории и человеческих судеб...

Он вез с собой копии фотографий никогда не виданных и не знаемых им прежде родственников, а также ксероксы многочисленных документов, воспоминаний, статей, публикаций о столь заинтересовавшем его русском освободительном движении, уже понимая, что следующей его книгой и следующим его героем будет «предатель родины» (и тоже, кстати, как и его политический оппонент и враг Сталин, — бывший семинарист) генерал Андрей Андреевич Власов.

И вот теперь, сидя в самолете, летящем обратно в Петербург, он мечтал поскорее увидаться со своей любимой женой, которая живет сейчас одна в малой части бывшей квартиры его бабушки Клавдии Петровны на Таврической и которой одной он жаждал рассказать теперь все свои парижские переживания и встречи.

Да, он по-прежнему считал Галину своей женой и по-прежнему по привычке делиться с ней самым важным уже мысленно пребывал с ней и поверял ей свои новые, такие, ему казалось, важные впечатления и мысли. Нет, конечно, он сознавал, что должен вернуться к Ирине и дочери (другого варианта, увы, уже не существовало), и, конечно, вез им какие-то и от родственников, и от себя (на скорую руку купленные в первом же супермаркете) подарки, зная, что Ирине будет интересна и дорога каждая тряпка, привезенная им «из Парижа». Вез он подарок и для Галины, долго примериваясь и выбирая из поистине неохватного глазами изобилия товаров то, что действительно могло бы ей подойти и обрадовать. В конце концов он выбрал для нее красивый, из нежной замши пиджак и теперь предвкушал ее удивление и радость не только пиджаком, конечно, но и Юриным вниманием и заботой.

Он снова достал из дипломата фотографию молодого отца и погрузился в ее созерцание. Тысяча девятьсот четырнадцатый год. Начало войны. Год окончания военного училища. Перед отправкой на фронт. Красивый молодой подпоручик. Похож Юра на него?.. Также непохож, как непохожи все его расслабленные современники на родившихся до революции людей. Но что, что изменилось?.. Он снова и снова вглядывался в лицо отца. Выправка... Прямая спина... Ясный, серьезный взгляд... За выправкой — дисциплина. Строгость воспитания. (Зачем? Для чего?) Мы, как всегда, бегущие впереди прогресса, все это отменили — и воспитание, и дисциплину, и строгость, — у нас теперь одна «свобода» и «права человека» (на дебилизм и вырождение). На фоне нашего нынешнего разгильдяйства, потакания всему дурному, нашей нетребовательности к себе, нашей распушенности, развязности, мыслимых как залог сто́крат пресловутой «свободы», эта дисциплина (в том числе и ума, и сердца) являла плоды поистине высокой духовной человеческой организованности... Что такое дисциплина? Привычка к послушанию... Начиная с детства — Богу, родителям, учителям, начальству... Ясное понимание, что можно, чего нельзя, неприятие греха и соблазна (о, конечно, конечно, они всегда и были и будут: и грехи и соблазн, но существовало и ясное различие их, и борьба с ними!): Строгость к себе.... Но отчего же сейчас нет ни дисциплины, ни послушания, ни борьбы с грехом?.. Послушания — кому? Кого можно безусловно слушать и слушаться? Кто имеет сей абсолютный авторитет, если нет Бога?.. Никто. Или... *я сам!*.. Я — авторитет. Я — решаю.

Следовательно, я — бог!... Но наше самообожение так легко и непринужденно отдает нас во власть сатаны, что мы и не успеваем осмыслить этот переход нашей воли в его подчинение... Нет, у нас уже давно принцип жизни: непослушания. Неподчинения. Неуважения. Противления... Первый противник Бога — дьявол, вспомнилось из глубины Юре. Потому что ничего положительного, одно отрицание и насмешка, передразнивание (тотальная смехопанорама), ложь... бунт. Да, непослушание — это бунт. Дерзость хама. И первородный грех Адама — тоже в непослушании... Первый бунтовщик — опять же он, сатана. А ведь послушание может быть не насильственное... а в радость. Да, как у монахов, например, это их вообще первый из трех обетов, которые они дают при постриге... И ведь какая это должно быть легкость и сладость — послушание *отцу*... старшему, мудрому, знающему, любящему... послушание-доверие, послушание-любовь...

Послушание должно быть по любви, вот главное! — сформулировал, наконец, Юра. — Я слушаю отца, потому что я его люблю и доверяю. Я слушаю церковь, потому что я ее люблю и ей доверяю. Я слушаю Бога, потому что я Его люблю и доверяю... А если Бога нет, если нет веры в Бога, — тогда на все наплевать, тогда ты сам по себе, тогда никого не убедить, для чего слушаться, для чего себя ограничивать, для чего дисциплина, для чего строгость, для чего целомудрие, для чего верность, для чего рожать детей, для чего самопожертвование и честь, и чувство долга, и правда, и “не укради”, и “что есть истина”, и к чему она? Тогда... *все позволено*, и тот хаос, в котором мы все барахтаемся как слепые, злобные, заблудшие, мертвые души, нас окончательно подчинит и покроет зловонной душегубительной волной...

Причина послушания — любовь, — продолжал думать Юра. — А свойства послушания — благо и красота. Что поражает нас в рублевской «Троице»? Красота... чего? Красок? Живописи? Или нечто неизмеримо большее? Красота послушания в любви! Вот эта склоненность (смирение) каждого пред другими, умаление себя (послушание Христа даже до крестной смерти!) — вот, вот где скрыта та самая нетварная, Божественная Красота, Которая спасет мир! А он все не постигал раньше, о какой Красоте толковал Федор Михайлович. Красота послушания в любви сопряжена с жертвой и посему есть красота спасающая...

Да, теперь, кажется, ясно, чего нет в современном человеке, чего нет в нем, в симпатичнейшем Юре по сравнению с его отцом: в нем нет Красоты. Красоты благородства, самопожертвования, исполнения долга, правды, послушания, добра, жертвы... В нас все искажено вседозволенной похотью, и образ Божий почти исчезает в современном образе человеческом, и, как писал Бунин об изменившемся после революции человеческом облике: «гаснет свет Евангельский в глазах людей». «Свет Евангельский в глазах людей», — повторил Юра. А видел ли он в своей жизни у кого-нибудь этот свет?.. А значит, у русских людей, у большинства, до революции этот свет сиял... и осиявал всю их благодатную жизнь, которую нам уже и представить теперь невозможно. Он снова стал вглядываться в маленькую фотографию отца, пытаясь разглядеть в нем тот евангельский свет, в котором, уверен был теперь Юра, и было все дело.

Он достал ксерокс письма Александра Викторовича Шабельского и стал перечитывать в десятый раз.

«23 декабря 1944 г.

Милая моя, родная Татуся! Пишу наскоро, так как тороплюсь отправить тебе это письмо с утренней почтой.

Родная моя, случилось невероятное! Ты не поверишь (я сам долго не мог поверить в реальность происходящего), кого я встретил в лагере N для советских военнопленных офицеров — брата Анатолия! Я не могу выразить тебе словами, что я испытал, что испытали мы оба! Это было поистине восстание из мертвых! Воскресший Лазарь не мог, казалось бы, произвести на меня большее впечатление, чем это воскресение из небытия моего брата. Ведь ты знаешь, я давно считал его погибшим вместе с его семьей еще в 19 году. Но милостивый Господь сподобил меня, грешного, пережить эту умо-непостижимую радость. Ты знаешь, я тебе неоднократно писал, как содержат в плену русских, но Анатолий выглядит вполне, если можно так выразиться, прилично. Я его, конечно, сразу узнал, хотя прошло более четверти века, как мы расстались. Его биография потрясающая. Разумеется, многие годы он провел в советских лагерях, из лагеря его выпустили по заявлению на фронт, и теперь он полковник Красной армии. Мы много говорили с ним обо всем. Подробности расскажу при встрече. Но самое главное: я не смог убедить его ни перейти к нам, в РОА, ни остаться в эмиграции. Он считает, что борьба против Сталина — это борьба и против русского народа, она непременно выльется в еще одну гражданскую войну, поддерживать которую он ни при каких условиях не в состоянии по совести. Он сознает свою обреченность, оставаясь в немецком плену, так как советская власть, независимо ни от каких обстоятельств, считает всех военнопленных априори предателями, с соответствующим сей ужасной вине наказанием. Расстался я с ним с тяжелым чувством, сознавая, что виделись мы в последний раз, и горько сожалея о том, что я не смог и уже не смогу ничем ему помочь.

Думаю, однако, что его нежелание остаться в эмиграции связано еще и с тем, что недавно у него родился в России сын, и Анатолий имеет маленькую надежду когда-нибудь его увидеть. Разумеется, никакого официального брака нет, поэтому ребенок будет носить фамилию матери. По его словам, это совсем еще юная женщина, служившая медсестрой в том госпитале, где он лечился после ранения, и очень похожая на его первую жену! Муж ее в первые же месяцы войны попал в немецкий плен, о нем нет никаких известий. Посему сын Анатолия будет носить фамилию матери по мужу — Юрий Мельников. Пишу тебе эти сведения, дорогая, так как на войне всякое может случиться, а ты должна это знать.

Родная моя голубка, обо мне не беспокойся, я здоров, простуда моя прошла, и я чувствую себя превосходно. Напиши, как ты, как дети? Есть ли у вас все необходимое из еды и лекарств? Очень меня беспокоит Шуручка, в прошлом письме ты писала, у нее снова поднялась температура, что сейчас? Как ужасно, что меня нет рядом с вами, так хочется обнять вас всех и крепко-крепко прижать к груди, защитить от всех зол и напастей! Поцелуй, милая, за меня каждое наше любимое солнышко и скажи, как сильно я их люблю и скучаю. А особенно, моя милая, жизнь моя и радость, счастье мое, по тебе.

Люблю тебя и всех наших дорогих деточек с каждым днем все сильнее. Иногда кажется, сердце не выдержит — так горит оно любовью к вам, моим ненаглядным.

Тысячу раз целую, люблю, люблю,

твой Александр.

Р. S. Посылаю тебе немного денег с Киселевым. Он расскажет тебе некоторые подробности, о которых я не могу написать в письме. Будь здоровенькой, родная, и береги детей. Храни вас Господь».

Юра аккуратно сложил письмо и посмотрел в окно. Как обычно при вхождении в петербургскую зону серая мгла заволокла небо, и это выглядело символично. «Господи, каждый раз словно проваливаешься в черную дыру», — невольно вздохнул Юра. Замигала табличка: «Пристегните ремни». Самолет пошел на снижение...

Среди встречающих он с неудовольствием вдруг увидел Ирину и очень удивился. «Что она здесь делает?» Но она, заметив его, так радостно заулыбалась и замахала нелюбимыми им гвоздиками, что невольно он тоже приветливо ей улыбнулся и помахал рукой с дипломатом. Другая рука была занята довольно внушительным чемоданом, подаренным ему кем-то из семейства Шабельских.

— Где Лиза? — спросил Юра, обнимая и целуя жену.

— С мамой. Какой у тебя роскошный чемодан... Представляешь, я так соскучилась, что не могла усидеть дома эти лишние два часа, и решила... пока ты добирался бы на такси... А ты скучал без нас?

— Конечно, — солгал Юра. — У вас все в порядке?

— У нас все... А ты мне не изменял? — вдруг останавливаясь и пытаясь заглядывая ему в глаза, спросила Ирина.

Неожиданный вопрос его покорибл.

— Я не для этого летал в Париж, — начал он холодно. — Если бы я захотел...

— Прости, прости, прости! — она спрятала голову на его груди. — Прости, ты просто не представляешь, как я тебя люблю, — зашептала Ирина. — Если ты от меня уйдешь, я... я брошусь в Неву, вот увидишь!

— С чего ты взяла, что я от тебя уйду? У меня и в мыслях...

— Я же понимаю, что я... я неумная и образование у меня... я же все понимаю...

— Глупости! — Он уже растрогался и целовал ее, глупенькую, почти с нежностью. — Причем здесь ум и вообще... А если хочешь учиться — пожалуйста, я буду только рад. Найдем нянюку и...

— Знаешь, я уже говорила с мамой, она согласна посидеть с Лизой.

— Вот как. И вы уже придумали для тебя вуз?

— Ну, я хотела посоветоваться с тобой...

Они сели в такси. Привычно хмурое небо, как обычно, разразилось противным мелким дождем. Они сидели на заднем сиденье и целовались, пока таксист не привез их в Веселый Поселок, где в панельной девятиэтажке проживала новая семья Юры.

Галине он позвонил только через три дня. И подарок ей, к своему стыду, ему пришлось прятать от жены, как школьнику. Самое противное, что он не делал вроде бы ничего дурного, и тем не менее ему приходилось почему-то что-то скрывать, и это вынужденное лицемерие его раздражало.

Домашний телефон Галины не отвечал, и он позвонил ей на работу. На работе ему сказали, что их сын попал в плен, и Галина уехала разыскивать Алексея в Чечню.

Часть пятая

4

Юра не мог писать на потребу дня для заработка: ни о бандитах, ни о проститутках, ни о новых русских. Он писал новую книгу о генерале Власове. Вторая беременность его жены ставила со всей своей безыскусностью простой вопрос о хлебе насущном и расширении жизненного пространства. Юра старался об этом не думать. Он проводил все дни в Публичной библиотеке, изучая все доступные материалы о своем мятежном генерале и, как большинство русских, надеялся на чудо или «авось».

Главный вопрос, который встал перед Юрой в связи с его героем, — вопрос о его, Юрином, личном отношении к Сталину. То, что безмерное обожание во времена вождя всех народов сменилось таким же безмерным хулением его противниками после его смерти, говорило только о необычайной сложности и персонажа, и самого исторического периода. Истина, вероятно, как и всегда, лежала где-то посередине. Во всяком случае, отношение к Иосифу Виссарионовичу как к параноидальному злодею злодеичу он отверг, как только, что называется, вошел в материал.

История наполнена мифами. В данном случае один миф со знаком плюс изменился на противоположный, но тот и другой, по-видимому, мало соответствовали исторической правде. И чем больше Юра читал документов о том времени и воспоминаний о самом вожде, тем больше он осознавал всю грандиозность этой фигуры, всю неоднозначность его личности, противоречивость его деяний. И самое непредвиденное, временами, к своему стыду и ужасу, он начинал чувствовать симпатию к товарищу Сталину. Он хватался за голову: «Чур, чур меня!» и терялся в оценках. А от оценки товарища Сталина зависела и оценка его оппонента генерала Власова...

Ему нравился высокий, некрасивый, в очках, с крупными, грубыми чертами лица, но значительный (харизматичный) генерал. Верил ли сам Власов, вступая в сотрудничество с теми представителями германского командования, которые готовили убийство Гитлера с концептуальным изменением целей войны, в свою идею — освобождение народа при помощи немцев от большевиков? Наверное, верил. Как верили командиры других военных корпусов, дивизий и армий, формировавшихся на оккупированных немцами территориях страны. В сорок втором году, пережив ряд крупнейших поражений Советской армии, уже находясь в немецком плену, он писал, что война проигрывается по двум причинам: «нежелание русского народа защищать большевиков и созданную ими систему насилия и из-за безответственного руководства армией, вмешательство в ее действия больших и малых комиссаров». Как видим, Власов ошибся, ибо русский народ защищал не большевиков, но родину, и «не систему насилия», но вопреки ей.

Ошибался он и в другом, предполагая добиться победы, введя в бой против Красной армии советских военнопленных. «Ничто не подействует на красноармейцев так сильно, как выступление русских соединений на стороне немецких войск». И обучались с немецкого дозволе-

ния русские формирования по примеру «царских»: с верой в Бога, любовью к исторической России, дисциплиной, погонами... Значит, снова «красные» и «белые», снова русские против русских. Белая «демократия» против красной «империи».

Возможно, если бы красные продолжали проигрывать немцам на полях сражений, все так и случилось. С той лишь разницей, что никакой суверенной русской «демократии» победители-немцы не позволили бы осуществить ни Власову, ни какому другому временному «диктатору». Но вопреки неотвратимой логике самых пессимистических прогнозов Власова красные начали побеждать. И захлебывавшиеся кровью, но уже хлебнувшие хмельной победы красноармейцы гнали и били немцев и всех их «пособников», не различая намерений, но как захватчиков и предателей — совокупно.

Единственное, что несколько покорило Юру в трагическом образе нестигаемого генерала, — его отношения с женщинами. Власов писал письма к жене с фронта, что любит и верен, держа при себе любовницу, а когда та забеременела и он отправил ее рожать в тыл, сразу же завел другую. В Германии при живой жене женился на немке. Юра не был ханжой, но как-то эта всеядность генерала ему не нравилась и воспринималась им как ложка дегтя... И, как ни странно, именно этот, казалось бы, не имевший никакого отношения к делу нравственный изъян заставил его почти усомниться в безупречности намерений генерала. Не примешивалась ли к «белой» идее Власова идея самая элементарная — переход к немцам давал, помимо всего прочего, шанс на жизнь.

Победителей не судят. Судят победители. И — «горе побежденным».

Так было испокон веков. В сорок шестом году Власов и его единомышленники были повешены в Москве как предатели родины. Бог им судья.

С оппонентом генерала Власова — генералиссимусом Сталиным было сложнее. Масштабы несопоставимые. Встать над схваткой, встать над временем, отрешиться от интеллигентских замороченных клише, когда большим террором объявляется тридцать седьмой год и не придается никакого значения (во всяком случае, гораздо меньшее) красному террору Октября и Гражданской войны, гибели всей русской элиты, дворянства и интеллигенции, крестьянства и казачества, священства и церкви... В этом тоже есть какая-то нарочитая заданность или, если угодно, политика.

Сталин не был гуманистом, возможно, он не был и христианином. Восстановление патриаршества в сорок третьем году не в счет, он всегда был прагматиком, и не в счет даже кое-какие (не мифические ли?) воспоминания о его покаянии перед смертью... И дело даже не в сатанинской борьбе с церковью, не им начатой, а... в чем?..

Не он начал сдвигать (вековые пласты истории). Не один он... их было великое множество... двигателей «прогресса»... Он только один из. И ответственность и вину за разрушение православной империи разделяет со всей ленинской и иностранной гвардией, слетевшейся со всех концов земли терзать и крушить Россию.

Все революции кровожадны. Потрясенные своей жестокостью, мы как-то забыли, например, беспрецедентную жестокость революции французской, до сих пор называемой, как и наш переворот в Октябре, «Великой». Это они, «первопроходцы», топили целые барки с набитыми в трюмах священниками, выдελывали в Медоне в кожевенной мастерской из человеческой (разумеется, контрреволюционной) кожи «превосходную зам-

шу» и гильотинировали мальчиков тринадцати-четырнадцати лет, а женщин и мужчин связывали вместе за руки и за ноги (это называлось «республиканской свадьбой») и бросали в море...

Через двести лет этот опыт повторили в России.

Был ли Иосиф Сталин кровожаднее других? Мы уже не говорим о кровожадности Ильича, ради захвата власти объявившего целью своей политики превращение войны отечественной в гражданскую. Но вот некоторые «рядовые» высказывания творцов «русской» революции. «Мы должны увлечь за собой девяносто миллионов из ста. С остальными нельзя говорить, их надо уничтожать». Это хозяин Ленинграда — Зиновьев. А вот запись в дневнике Бухарина: «Что расстреляли *собак* (это он о своих друзьях-соратниках Зиновьеве и Каменеве) — страшно рад». А вот приказ, отданный товарищем Тухачевским в двадцать первом году (тогда еще и в помине не было тотальной власти у Сталина) по поводу взбунтовавшихся из-за продразверстки тамбовских крестьян. «Леса, где прячутся *бандиты* (то есть крестьяне) очистить ядовитыми газами, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось». Или еще интересное высказывание знаменитого детского писателя Чуковского — письмо к Сталину в мае сорок третьего года. «Друг детей» доносит вождю (с фамилиями и номерами школ), что есть еще, увы, в нашей стране социально опасные дети, и надо бы провести во всех школах «тщательную чистку» да построить для таких деток «трудовые колонии с суровым военным режимом» и направлять в такие колонии начиная с семи-восьми лет. Комментарии, как говорится, излишни. Да и сам ГУЛАГ в его классическом воплощении явился вдохновенным детищем бывшего одесского мошенника-наркоторговца, миллионера и будущего генерал-лейтенанта и орденоносца Нафталия Френкеля. Это его идея о создании лагерей не только самокупаемых, но и с огромной рентабельностью легла в основу его же людоедской практики, когда с сатанинским цинизмом он заявлял, что эки его интересуют только первые три месяца, пока они способны работать. «Труп заключенного мне безразличен»...

Много их было? явных и тайных двигателей — погромщиков России. Но когда все уже было сдвинуто, опрокинуто и перевернуто, когда над страной пронесся смерч и разгромленная империя стала добычей воронья... надо было начинать заново строить, а для этого революцию прекращать. Любой ценой. Ценой укрепления единовластия. Ценой репрессий всех явных, и скрытых, и потенциальных, и мифических врагов уже строящегося нового государства. Жестоко... и часто бессмысленно жестоко... И на это должна была быть личная воля.

И Божие попущение.

Попробуйте, люди русские, люди православные, сможете ли построить царство свое земное без Меня?

Бывший ученик семинарии дерзал.

Несмотря на то, что не мог не знать: «Без Меня не можете творить ничего!»

У масонского Временного правительства воли оказалось ровным счетом на то только, чтобы опрокинуть ненавистный им и их хозяевам царский трон, послужить трамплином к разрушению империи. Старую Россию благополучно рухнула. И вот из-под глыб неожиданно для всех снова начинает прорастать держава. Сталин оказывается государственным, строителем «единой-неделимой», собирателем русских

земель, устроителем ее земного могущества. Он слишком хорошо знал, как разлагает государство подпольная и явная революционная работа всевозможных пятых колонн, — сам помогал крушить царство. И не мог допустить, чтобы создаваемая им новая государственность подвергалась все той же гнилой червоточине. И вместо того чтобы двигать революцию дальше, в Европу, кончает с революционным зудом ленинской гвардии, а вместе с зудом и с нею самой и начинает строить могучее государство с приоритетом... нет, разумеется, «не прав человека», с приоритетом обязанностей человека перед государством для решения его, государства, а следовательно, и всего народа, насущных государственных задач. И народ за ценой не постоял. (Как он и никогда не стоял за ценой и не торговался с государством.) Потому что цель была поставлена для народа не шкурная. Нужно было не просто поднимать страну из руин. Чтобы не стать легкой добычей хищного Запада, нужно было в считанные годы крестьянскую страну превратить в мощную промышленную державу. И вот на глазах у изумленного старого мира новая Россия вдруг стала восставать из пепла.

«Но ведь это невероятно! — волновался Юра. — При наличии одного только ГУЛАГа, какой народ пошел бы на смерть “За Родину, за Сталина”»? Если бы Сталин в течение двух-трех пятилеток не заложил и не создал основы могучей советской промышленности, если бы страну по-прежнему раздирали политические дразги, неизбежные при сохранении троцких и К°, Россия могла бы распрощаться со своей независимостью уже во время Второй мировой войны. Цена этих бравадных пятилеток, этой бешено растущей промышленности одновременно с раскрестьяниванием и созданием новых коллективных хозяйств была такой же великой и трагической, как и цена будущей Победы. Народ ее заплатил и... и не проклял товарища Сталина.

В конце концов, почему победил Сталин? Он посмел стать монархом. Красным монархом. Без монархии Россия развалилась бы в считанные годы. Но — в этом и трагизм, и возмездие — красная монархия без Христа сумела продержаться всего лишь семьдесят лет.

«Без Меня не можете творить ничего!»

Нет, конечно же, Юра не стал апологетом Сталина. Просто он отказался принимать новый миф о Сталине — как параноике и самодуре.

«А может быть, — размышлял Юра, — Сталин и вообще, как это не ужасно парадоксально звучит, — это *лучший* на тот период для России выход из “февраля”? Ведь “февраль” девяностых недвусмысленно являет нам угрозу и самому историческому бытию России.

Но миллионы невинно убиенных...

Но, может быть, самое непоправимое — расхристианивание народа»...

Юра не мог подвести все эти противоречия под общий знаменатель.

Чтобы оценить всю катастрофичность двадцатого века, его переломность на исторических путях человечества требовался какой-то иной, высший, религиозный взгляд на историю, ее смысл и ее конечные судьбы. Такого взгляда у него не было. Сталин, оппозиция, генерал Власов, народ и те, что поддерживали Сталина, и те, что были против него, — все были по-своему правы и не правы. У каждого была своя правда, и эти правды не сходились в одну.

В результате Юра написал абсолютно нетенденциозную книгу, он старался быть объективным, хотя по-человечески и не всегда мог избежать личных симпатий или оценок.

Ему удалось издать книгу небольшим тиражом, денег за это он, правда, почти не получил. Жили они в основном на Ирину зарплату, она пока еще работала, но не в ресторане Союза журналистов, им обоим это было неловко, хотя и по разным причинам. Ему — потому что женился на простой официантке, ей — оттого что ее престижный муж не зарабатывал денег и она вынуждена была по-прежнему трудиться в одном из новых частных ресторанов, где платили хорошо, но уносить какую бы то ни было еду домой категорически запрещалось. С маленькой Лизой приезжала временно сидеть недовольная дочкиным браком молодая бабушка.

Его книга прошла незамеченной, не вызвав никакого, так сказать, общественного резонанса. Обществу было не до книг. Однако кое-кто из друзей-приятелей, полистав некоторые странички, остались очень недовольны, обвинив Юру в апологетике вождя и заклеив его почему-то красно-коричневым и даже, к его ужасу, антисемитом. Хотя еврейской темы Юра (очевидно, из подсознательного страха) не касался совсем, позиция же генерала Власова в отличие от германской была более лояльной, если не сказать, что он вообще не делал из еврейского вопроса — вопроса. Тем не менее Юра получил оба ярлыка, так и не поняв за что, и очень огорчился.

Может быть, пытался осознать логику друзей-приятелей Юра, они сделали такой вывод, исходя из его якобы «апологетики вождя»? Сталин почему-то считался антисемитом, хотя и в его правительстве, и на многих высших государственных постах, как известно, во все времена евреи оказывались если не в подавляющем большинстве, то в почетном представительстве, а уж его вклад в образование государства Израиль и вообще трудно переоценить. С другой стороны, если бы он хотел уничтожить, как считают некоторые, всех евреев, он не стал бы перемещать их (более двух миллионов), спасая от немцев, во время войны с западных территорий во внутренние районы страны, не стал бы открывать для них наши границы с уже оккупированной Польшей. Бывший израильский премьер-министр Менахем Бегин писал: «...ни один еврей не должен забывать... благодаря Советскому Союзу сотни тысяч евреев были спасены от рук нацистов...» Обвинять Сталина в антисемитизме за тридцать седьмой год странно, поскольку репрессии были направлены не против евреев, а против, условно говоря, ленинской гвардии, революционной старой элиты, все еще пытавшейся раздуть угли угасающей мировой революции (кто ж виноват, что эта элита во множественном числе была еврейской?).

Логическая цепочка, по-видимому, выстраивалась таким образом: Сталин — антисемит. Поскольку Юра апологизирует вождя, стало быть, Юра — антисемит также. По определению.

В конце концов, он смирился: считают — ну и пускай. Это их проблемы.

Ирина не вникала в литературные переживания мужа, все внимание ее было направлено на предстоящие роды. В отличие от него, она не особенно угнеталась и материальными трудностями, ее главный выигрыш в жизни — сам Юра, все остальное, думала она, как-нибудь образуется.

Вообще-то, «как-нибудь образуется» — это, пожалуй, самая здоровая жизненная позиция, она никогда не обманывает, потому что, как кто-то сказал, «никогда не было, чтобы никак не было». Что из того,

что она будет волноваться, заботясь о завтрашнем дне, заставляя нервничать свое еще неродившееся дитя, с голода они не помрут и этого пока довольно.

Русское «авось» не подвело. Ирина родила еще одну девочку, назвали ее Варварой. А через месяц приехал Юрин брат из Парижа с женой. Разумеется, они поселились в гостинице, но дома у Юры побывали и пришли в некоторое смущение. Их вообще многое смущало в России, тем не менее эйфория от пребывания на родине была так велика, что уезжали они со слезами на глазах и с мыслями еще раз вернуться.

Виктор Александрович прочел Юрину книгу и, несмотря на некоторую разность в политических оценках, решил издать ее во Франции. Интерес к России на Западе еще не иссяк, предприятие удалось, и Юра получил гонорар, достаточный, чтобы поменять их маленькую квартиру с доплатой на трехкомнатную, разумеется, там же в новостройке. Цены на квартиры еще оставались в пределах разумной досягаемости, что-то даже осталось на жизнь.

Ирина, по-видимому, совсем успокоилась и уже не ревновала Юру ни к бывшей жене, ни к возможным новым увлечениям. Двое детей в российской семье вполне достаточное основание для стабильной супружеской жизни, хотя, конечно, всякое могло произойти, но Ирина думала только о хорошем. О том, например, как ей крупно повезло с мужем, большинство ее приятельниц уже успели развестись, а некоторые и не по одному разу. Ну что ж, что не гребет лопатой, не в этом счастье, зато — писатель, а не какой-нибудь... со стриженным затылком и золотой цепью на жирной шее, опять же — родственники за границей, и не где-нибудь, а в самом Париже, куда ее тоже пригласили с Юрой, и он обещал ее взять! И Лиза росла красоткой, отец ее обожал, и, глядя на их взаимную любовь, Ирина расцветала от счастья. И Варька, слава Богу, родилась здоровой, она уж насмотрелась всякого в родомах. Конечно, Юра не мог устроить ее в специализированный за большие деньги, но все и так обошлось наилучшим образом, и врач оказалась хорошей, и акушерки не зверствовали, и родила без осложнений, сказывался ее молодой возраст и отсутствие вредных привычек. Когда же они переехали в новую трехкомнатную квартиру, если бы она подозревала о существовании Фауста, то вместе с героем Гете могла бы воскликнуть: остановись, мгновенье! Настоящее было так прекрасно, что ничего лучшего нельзя было и пожелать.

Часть шестая

1

Совершенно неожиданно Юре стукнуло пятьдесят. Ему напомнили об этом юбилейном событии из Союза писателей, прислав поздравительную телеграмму, где он значился как «один из замечательнейших и интереснейших писателей Санкт-Петербурга».

— Ну, спасибо, — скептически произнес юбиляр, выбрасывая разорванные клочки телеграммы в помойное ведро. — Вспомнили. Оценили. Поздравили.

А что ж, и в самом деле, спасибо. Больше его никто в этот день не поздравил и не позвонил. Друзья постепенно рассеялись. Семейный

корабль в очередной раз пошел ко дну. Ирина по-прежнему хранила гробовое молчание, хотя он и предложил, раз уж она настаивает на разводе, разменять квартиру, чтобы ей с дочками было где жить. Но Ирина не торопилась, неизвестно чего выгадывая или выжидая.

Хочешь не хочешь, но пятьдесят лет не шутка. Можно было бы, конечно, напиться, но пить в одиночестве не хотелось. Он вдруг позвонил Галине и напросился в гости.

По дороге купил бутылку французского сухого (теперь ему нравилось все французское) и три (он долго выбирал цвет) белые розы.

Они встретились как два собрата по несчастью, как два потерпевших кораблекрушение товарища, ни в чем уже не упрекая и не обвиняя друг друга, а только с сострадательной ласковостью и пониманием глядя друг другу в глаза.

— Ты не меняешься, — сказал Юра, вручая ей цветы. — Все такая же роскошная.

— Как тебе не стыдно? Спасибо... У меня полголовы седой.

— Серьезно? А я не заметил. Алексей дома? — спросил Юра, снимая обувь и переодеваясь, кажется, еще в свои тапочки.

— Нет. Он теперь редко бывает. Проходи.

В квартире, похоже, ничего не изменилось. Те же бордовые с золотистым узором поистрепавшиеся у плинтусов обои в прихожей, та же вешалка с крючками для одежды в виде обезьяних головок, тот же старый на вешалке Галинин плащик... Она повела его на кухню. И на кухне все осталось прежним, до боли знакомым. Полочка, которую он прибавал лет десять назад, все так же кривовато висела на стене и в тысячный раз, наверное, он подумал, что надо бы ее, пожалуй, как-то поправить. На широком подоконнике, как и всегда, горкой лежали газеты, журналы, рукописи, недочитанные книги. Тети Клавины (бабушкины) часы с кукушкой по-прежнему бесперебойно отстукивали минутами и часами время, которое теперь почему-то словно слетело с катушек и мчалось неизвестно к какому концу и независимо от мерных постукиваний совсем уж по-сумасшедшему.

— Что, и кукушка выглядывает? — с интересом спросил Юра, завороченно глядя, как стрелки приближаются к заветной цифре.

— Выглядывает. А что ей?

— Здорово!.. Здорово у тебя тут, — снова повторил Юра, вздыхая. Все-таки это был его дом, который он так неразумно... А впрочем, ерунда, все меняется, ничего вечного нет! И он стал инстинктивно разглядывать печатную продукцию на подоконнике.

— А чем Алексей сейчас занимается? — спросил он, листая какую-то брошюру.

— Не знаю. Он мне не говорит. — Она налила воду в вазу и, обрезав стебли, поставила розы на круглый стол, покрытый все той же когда-то сиреневой в цветочек, а теперь сероватой от старости клеенкой.

— Трудно тебе с ним?

У Галины моментально навернулись слезы.

— Не спрашивай, а то заплачу.

— Неужели до такой степени... — ужаснулся Юра.

— Он ведь курить стал... траву. Я не сразу поняла, думала, выпивает. А когда поняла... Сказала, что с собой покончу, если он еще раз... Обещал. Только ведь такое средство можно один раз использовать. Второй раз не подействует, а третий — это уже балаган.

— Наверное, это я во всем виноват, — после паузы произнес Юра.

— Теперь это бессмысленно обсуждать. Есть хочешь?

Он вытащил из сумки вино.

— У меня день рождения сегодня. Юбилей, — усмехнулся он.

— Ой, в самом деле, прости! Я ведь совсем забыла. И подарка у меня...

— Ерунда. Мой самый большой в жизни подарок — это ты.

— Ну... — она хотела сказать, что самые большие подарки мы почему-то не ценим, но промолчала. Все слова стали лишними, как и выяснения отношений. Важна только голая правда. А она состоит в том, что и его и ее жизнь потерпела катастрофу. Но и об этом говорить не хотелось. С близким человеком можно и помолчать.

— Если бы ты тогда меня потерпела... — начал Юра.

Но Галина прервала его на полуслове.

— Это все уже лишнее, Юрочка... Значит, так надо.

— Кому?..

Она не ответила.

— Борщ будешь? Свежий.

— Давай.

Она выложила на стол из холодильника кое-какую закуску, налила борщ, поставила разогревать второе. Он откупорил бутылку, разлил по фужерам.

— Ну, — сказала она, — за тебя. Будь здоров и по возможности счастлив.

— Спасибо. И ты.

Она сделала несколько глотков и отставила фужер, потом смотрела, как он, склонившись над тарелкой такой же, как в юности, лохматой головой, с удовольствием хлебает борщ, и вдруг рассмеялась. Он поднял на нее недоуменные глаза.

— Знаешь, что я вспомнила? Помнишь, как Алексей залил тебе брюки борщом? Мы куда-то собирались, кажется на какой-то просмотр, по-моему, в Дом кино, ты надел свой парадный костюм и попросил добавки, а Алексей с благими намерениями схватил половник, и половина половника с борщом оказалась у тебя на коленях. Ты бы видел свое лицо!.. — смеялась Галина.

— Да, я помню, — улыбнулся Юра. — Мы собирались на «Покаяние» Абуладзе. Начало перестройки.

— Господи... какое было странное время. ...Как это все казалось тогда важно, значительно... судьбоносно... Какая эйфория... Странно, мы этого не сознавали, но ведь мы действительно были тогда культурной столицей мира, я имею в виду всю страну... И — словно все в черную дыру провалилось, и на поверхности оказалась одна попса... Теперь это называется свободой. Интересно, не правда ли?.. Вот задача-то для современного философа. Гламур и попса оказываются синонимом свободы!..

Он оставил свой борщ и печально смотрел на бывшую жену.

— Знаешь, о чем я не решаюсь тебе сказать... спросить... вернее, предложить...

Галина испуганно на него взглянула, интуитивно догадываясь, что он хочет ей предложить.

— Юрочка... если это то, о чем я думаю... то это, ты и сам понимаешь... — сказала она.

Юра вздохнул.

— Помечтать-то можно...

— Мы же с тобой друзья? Самые близкие... Ближе тебя никого и нет. А все остальное... мне уже трудно себе представить.

— Ладно, давай, что там у тебя на второе?

Галина положила ему курицу с гречкой. Он подлил вина.

— Чего ты не пьешь? Не нравится?

— Да нет, я же, ты знаешь... выпью, конечно. За что? — Галина подняла бокал.

— Знаешь, давай, за что? Чтобы у наших детей все было хорошо.

— Все хорошо не бывает, — вздохнула Галина, — но — пусть.

Они выпили за детей до дна, и она сказала.

— Между прочим, я прочла твое сочинение про Власова.

Юра насторожился.

— И что?

— Все же мне не совсем понятно твое отношение к вождю.

— А чего непонятного? Я старался быть объективным. Знаешь, есть такая серия «pro и contro»...

— Да знаю я все, — перебила его Галина. — Страна нуждается в своих героях. Но почему для измученной страны героем становится Иосиф Джугашвили, а не, скажем, Николай Александрович Романов, вот в чем вопрос. Это я так, мысли вслух...

— Николай Александрович Романов — это уже почти такая же удаленность в исторической перспективе, как и Михаил Федорович Романов, а главное, удаленность в духе...

— Вот-вот, главное, в духе...

— А Иосиф Джугашвили — свой, он еще осязаем, его можно «пощупать», еще живы люди, которые... и прочее.

— Я понимаю этот соблазн для народа снова найти объект для поклонения, нет, даже не для поклонения, для самоуважения, для обретения точки опоры, когда все прочие опоры выбиты из-под ног. Но почему опираться нужно на сомнительного, мягко выражаясь, в достоинствах политика, а не, скажем, на Сергия Радонежского или Серафима Саровского? Вот в чем, по-моему, главный вопрос. Это означает только то, что народ ничего не понял в нашей общей трагедии и не покался, что все жертвы напрасны и жертвы еще впереди. В конце концов, знаешь... хоть это и негуманно звучит, но мне как-то не очень жаль репрессированную «ленинскую гвардию», которая, поубивав русскую аристократию, с большим удовольствием уселась на ее место...

— Да этой пресловутой ленинской гвардии было всего около семи процентов из общего числа!

— Ну вот, и я о том же. А одних только верующих в тридцать седьмом расстреляно... не знаю, десятки тысяч! Не считая остального народа. Для чего? Все должно иметь свои причины и цель. Для чего через двадцать лет победившей революции устраивать геноцид народа, ты можешь разумно объяснить? Ну не вампир же он в самом деле, это глупо.

— Знаешь, тридцать седьмой год — это все еще для меня самого загадка. По идее, Большого террора не должно было быть. По всему раскладу. В тридцать третьем-четвертом все уже устаканивалось. Коллективизация в общем и целом завершилась. И власть вроде бы гото-

вилась к «замирению» с народом. Многие источники, начиная с Троцкого, говорят о том, что Сталин начал осуществлять контрреволюцию в стране, то есть разруливать внутреннюю политику в сторону традиционных русских и, не смеяся, пожалуйста, демократических ценностей... Его Конституция предполагала свободу альтернативных выборов всем без ограничения слоям населения, включая бывших кулаков и попов! Озлоблять и запугивать народ накануне неминуемой войны с Германией, в близости которой никто не сомневался, плодить внутренних врагов, готовых встречать немцев с цветами, — этого Сталину было не нужно...

— Юра, опомнись! О каком «замирении» ты говоришь!.. Не успела закончиться коллективизация, наступил голодомор, потом убийство Кирова и новая волна репрессий!

— Ты еще повтори, что голодомор был устроен специально!

— Да мне без разницы: специально или не специально!

— Вот! Ты рассуждаешь не как историк, а как... зашоренный обыватель!

— Ну, спасибо!

— Пожалуйста!

— Да у меня все родственники репрессированы! — возмутилась Галина.

— У меня тоже! И что?!

— Ничего! Нашел, кого оправдывать! Параноика и людоеда!!

— Послушай, Галина... — тихо сказал Юра дрожащим голосом. — Я никого не оправдываю! И ты не смеешь, — возвысил он голос, — приписывать мне вещи... которые я вовсе не имел в виду! Я не хочу оправдать, — снова повторил он, — я хочу понять! Почему это произошло! Ты в состоянии различить эти две вещи? Ты вообще способна услышать, о чем идет речь?!

— Я постараюсь, — подавляя возмущение, ответила Галина.

Юра машинально потер лоб, как делал это всегда, когда собирался с мыслями.

— Мы не знаем, что случилось тогда, на июньском Пленуме партии, когда ряд первых секретарей различных регионов страны потребовали от Сталина полномочий на осуществление чистки... Все это время господствовало мнение, будто бы Сталин единолично и совершенно волюнтаристски и бесконтрольно правил страной. На самом деле шла очень тяжелая борьба с не желавшей расставаться с властью и жаждавшей крови, революционно настроенной партократией, от которой он и потерпел в результате сокрушительное поражение. Для них ведь как стоял вопрос? Либо с принятием Конституции они теряют власть, либо, благодаря Большому террору, проваливается Конституция, проваливаются альтернативные выборы с сохранением тем самым их неизблемых властных позиций. А для Сталина?.. Возможно, первые секретари сумели убедить его, что по всей стране действительно готовится восстание против власти, фактически новая гражданская война, и это накануне войны с Гитлером, и потребовали чрезвычайных полномочий для НКВД, которые им в результате и были даны. Сталин тогда еще доверял Ежову... И началось... В течение всего нескольких дней уже готовы были списки на местах... значит, они уже заранее подготовились. И если центр с подачи регионов утверждал так называемые «лимиты» на определенное число репрессируемых по регионам, то на

местах эти лимиты перевыполнялись в десять-пятнадцать раз! НКВД закусил удила! Ситуация вообще вышла из-под контроля!

Началась та самая дикая вакханалия, в результате которой грохнули около семисот тысяч человек за полтора года! И полтора миллиона посадили в ГУЛАГ. Вот этого Сталину было не нужно совсем! Не он был инициатором массовых репрессий! Это была месть «ленинской гвардии» Сталину за «термидор!»

— Нет, это какой-то кошмар! Как ты можешь?!.. У меня давление поднимается...

Галина встала из-за стола, достала из шкафчика темный пузырек с каплями, налила полстакана воды, стала отсчитывать капли.

— Ну, извини... — сказал Юра обиженно.

Галина выпила лекарство.

Юра молча сидел, выпятив по-детски губы и ковыряя вилкой остатки курицы.

— Скажи, пожалуйста, — снова ровным голосом спросила Галина. — Не вдаваясь в причины и инициаторов репрессий, Сталин, как глава государства, несет за это ответственность?

— Конечно. Что за глупый вопрос!

— Я просто хочу понять твою точку зрения. Ну и кому же это было нужно, по-твоему?

— Вот! Вот это и есть главное! — Встрепенулся Юра. — Во всяком случае, Никита Сергеевич рвался пострелять из всех сил. И пострелял вволю. А потом стал главным разоблачителем. И всех дружков-стреляльщиков реабилитировал... И таких Никиток в то время!.. Вот тебе пример. Крестьянское восстание в двадцать первом году зимой в Западной Сибири. С чего началось? Забрали весь хлеб. Понимаешь? Весь! Оставляя людей на голодную смерть. Кто не захотел отдать все до последней горсти зерна, раздевали догола, ставили в яму, заливали холодной водой и замораживали... В тридцать седьмом этого комиссара-ленинца, командующего замораживанием мужиков, расстреляли. А в пятьдесят шестом, как «невинно пострадавшего» в годы «сталинских репрессий», реабилитировали!.. И таких «невиновных» было страшно много! Я вот про коллективизацию тоже сперва ничего не понимал. Для чего нужно было воевать с мужиками...

— А теперь понял?

— Теперь — да.

— Ну — и?

— Если тебе интересно... Все дело в том, что до революции товарный хлеб, то есть хлеб на продажу, в основном производили крупные помещичьи хозяйства. Мелкий собственник в наших условиях проедал практически все, что выращивал, сам. Страна в двадцать седьмом году столкнулась с катастрофической нехваткой хлеба. Единоличники крестьяне уже не могли прокормить страну, вот и все. А поскольку время было революционное, и вообще времени на раскачку не было, все делалось не за десятилетия, а за год, за два... да и кто бы из крестьян добровольно разорил свое хозяйство и отдал все в колхоз! Потому насилие — как основной метод, а еще и революционные перегибы верных ленинцев на местах, как у нас водится...

— Да-а, Юрочка... — протянула Галина. — Если бы я тебя так хорошо не знала...

— То — что? Тоже зачислила бы в красно-коричневые?

— По крайней мере, я не удивлюсь, если тебя писательская братия туда зачислит. Получается снова: хороший царь и плохие бояре, — усмехнулась Галина. — Ладно, давай оставим. Это слишком взрывоопасная тема и... я не хочу с тобой ссориться. Ты что-нибудь сейчас сочиняешь? — спросила она миролюбиво. — Менее возбудимое для общественного сознания?

— Сочиняю... Уже заканчиваю. О Колчаке.

— Удивительно... как тебя раскачивает из стороны в сторону. То Сталин, то Колчак... Я тебе не говорила, что прадед Алексея воевал в армии Колчака?

— Нет. Ты мне вообще ничего о его родных не сообщала.

— Так я ведь и сама мало что знаю. Однажды бабушка Алешиного отца кое-что рассказывала из своей биографии... Что этот ее второй муж, бывший флотский офицер, будто бы привез Колчаку какую-то икону из Москвы Николая... Расстрельного, кажется, так...

Юра вдруг заволновался.

— А она не называла случайно его фамилии?

— Ну, я не помню... может быть, и называла, да только тогда все это пропускалось мимо ушей... погоди... Успенский... Усольцев...

— Устрялов, — подсказал Юра.

— Да, может быть...

— Потрясающе! — воскликнул Юра. — Так это твой родственник привез эту икону Колчаку?!

— Ну, это не мой родственник, это прадедушка Алеши...

— Потрясающе! — Юра вскочил со стула и в волнении заходил по кухне. — Ты представляешь, какая история!.. Нет, это потрясающе!.. В октябре семнадцатого большевики начали бомбить Кремль, выбивая оттуда защищавших его мальчишек-юнкеров. И вот кто-то из солдат начал стрелять в надвратную икону над входом в Никольскую башню. Метили в лик Святителя, но все пули почему-то уходили в стороны, выбивая в кирпиче как бы терновый венец, так что чело Николая Чудотворца, присыпанное красноватой пылью, казалось окровавленным. На другое утро какой-то неизвестный московский художник, оказавшийся у разграбленного Кремля, увидел эту потрясающую картину и зарисовал окровавленный лик Святителя. А позже написал икону — Николу Кремлевского, или Расстрелянного. Вот эту-то икону и доставил из Москвы адмиралу Александру Васильевичу офицер Устрялов, а местные иерархи благословили его этой иконой на служение России в качестве Верховного правителя. Представляешь?... — Юра замолчал, потом снова уселся за стол, но долго еще его чувства и мысли, казалось, были захвачены теми далекими событиями, о которых он только что поведал бывшей жене.

— Действительно, потрясающе, — отозвалась Галина. — А где сейчас эта икона, неизвестно?

— Я читал, она находится у одного дельца, который просит за нее какие-то немислимые деньги, так что...

Рассказ Юры произвел на Галину сильное впечатление, и она вновь пожалела о своем молодом эгоистическом нелюбопытстве. Ведь прояви она чуточку интереса, и история рода ее сына приподняла бы свою глухую завесу. Кто знает, быть может, эта общая их историческая и родовая беспамятность и рождает протестный нигилизм у их несчастных детей, ничем и никак не связанных со своей великой историей и славными предками.

— А Алешина бабушка ничего не рассказывала о судьбе своего мужа? — спросил Юра.

— Кажется, его расстреляли...

— Ну что ж, это естественно...

— Чаю налить? Есть кекс. Твой любимый. С изюмом.

— Налей.

— Ну и почему же они все-таки не победили? — спросила Галина, ставя на плиту чайник.

— Кто?

— Белые.

Юра снова отстранился от тарелки.

— Знаешь Шульгина? Василь Василича? Депутат трех Государственных дум, монархист, привезший вместе с Гучковым царю в Псков текст об отречении?

Галина пожала плечами.

— Не помню.

— Так вот, этот Василь Василич писал, что когда белые из «почти что святых» стали превращаться в «почти что бандитов», как и те, против кого они воевали, их дело было проиграно. Но дело даже не в этом...

— А в чем?

— Троцкий называл еще одну причину, пожалуй, главную: больше всего они боялись, что белые выбросят лозунг за возвращение царя. Но белые — в основном — тоже были за революцию, только без большевиков. Между прочим, так называемые европейские союзники Колчака условием своей военной помощи требовали от него доказательств его приверженности к республиканскому правлению и демократическим ценностям, представляешь?! Отсюда я делаю вывод, что главной мишенью врагов России оказывалось ненавистное им русское самодержавие, русский царь. В этом все дело... Если бы высшие военачальники и государственные деятели вместо «коленопреклоненных» молений Государю о его отречении выполнили свою присягу, то искусственно и искусно устроенный петроградский бунт был бы подавлен, Первая мировая война выиграна и все вообще пошло бы совсем по-другому... Знаешь, о чем я тебя все время хотел спросить... Кто этот твой американский друг?

Галина усмехнулась.

— Ну, у тебя и заходы! Как тебе сказать... Если коротко — моя первая любовь...

— И последняя, — прибавил Юра. Галина ничего на это не возразила. — Не знаю почему, но я тебя ужасно к нему ревную.

— Вот новости!.. — рассмеялась Галина. — Да Бог с тобой, Юрочка!.. Мне цыганка еще когда нагадала: не мой это суженый! Так и вышло... А потом я встретила тебя. Ты очень хороший, — вдруг сказала она с чувством. — И я тебе благодарна... Ты был хорошим мужем и отцом для Алеши.

— Поэтому ты меня и попросила... — иронично отозвался Юра.

— Так... давай этот вечер воспоминаний мирно завершим каким-нибудь грузинским тостом, а то как бы нам из друзей не превратиться опять в разводящихся супругов... Ты мне лучше скажи, что, Ирина, не собирается мириться?

— Да там теща такая... И по-моему, у нее уже кто-то есть...

— Быстро. И не жалко двоих детей без отца оставлять. Впрочем... я и сама не лучше была... Во Францию не собираешься?

— Пока не зовут, а что?

— Да так, я подумала...

— Что?

— Милый друг Юрочка, не пора ли научиться брать инициативу в свои руки, а не ждать, пока ее проявит слабый пол?

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что теперь ты можешь предложить Наталье руку и сердце.

— Да ты что!.. Как это?.. Да зачем я ей нужен?! И как ты вообще себе это представляешь? Звоню и говорю: вот такая оказия, и вторая жена меня выгнала, может, вы меня подберете? Так?! — Юра сказал это с таким жаром, что стало ясно, он и сам обдумывал этот вариант, хотя и не верил в его реальность.

— Нет, не так. Звонишь и говоришь: очень соскучился, мечтаю видеть тебя и сына, хочу приехать. Она: ах, как я рада! Ты приезжаешь. Восторги любви. Она, разумеется, счастлива. Потом ты говоришь, что, к сожалению, твоя семейная жизнь не сложилась, вы оказались разными людьми и прочее. Ну а потом сообрази по обстановке и в удобный момент делай предложение.

Юра смотрел на нее, вытаращив глаза, не понимая, шутит она или говорит всерьез.

— Ты что это?.. Ты что, серьезно?

— Конечно.

— Ну... не ожидал от тебя... такой дипломатии!.. — покрутил он головой. — Вот женщины!.. Только ты мне скажи, на что я ей нужен?

— Ты уже об этом спрашивал. Почему такая заниженная самооценка? Ты русский писатель! А не какой-нибудь там... — она вспомнила новое словечко, — менеджер по продаже носовых платков.

— Нет, но... я же не могу сидеть на ее шее. Где я буду работать?

— Послушай, Юра, ну что за детский сад?.. Писать книжки, издавать русско-французский журнал, переводить, экскурсоводить! Да мало ли!.. У тебя брат там. Помогут. Что ты как маленький?

У Юры загорелись глаза. Он вдруг помолодел, словно скинул с себя десять лет жизни. А что? А почему бы и нет? Почему он должен ставить на себе крест в пятьдесят лет! Черт возьми, может быть, настоящая жизнь еще только начинается! О, окрыляющая надежда, как она веселит и распрямляет усталую душу! Еще несколько минут назад он ощущал себя почти стариком, казалось, все кончено, ждать больше нечего, полтинник! Впереди только старость и вероятное пьянство. А что же еще остается неудачнику? И вдруг — счастливая, вовремя подсказанная мысль! Он словно наглотался свежего воздуха, голова его прояснилась, он снова почувствовал себя молодым, бодрым и сильным. У него опять было все впереди!

— Ну... Галина, — начал вдохновенный новыми перспективами Юра, — если ты меня благословляешь...

— Благословляю. Поезжай с Богом.

— А как же ты? — спохватился вдруг Юра.

— А что я? Мне на роду так написано. Чтобы одной. Грехи испуать, — улыбнулась Галина.

— Ну, какие там у тебя грехи... — великодушно отпуская ее Юра. — Какие у нас с тобой грехи! — весело воскликнул он, заключая ее в объятия. — Запомни, — зашептал он ей в ухо, — я твой друг до гроба.

Слышишь, Галка? Самый верный и преданный друг и брат. Если что — только свистни. О'кей?

Она прятала голову у него на груди, скрывая слезы.

Повернулся ключ в замке. Хлопнула входная дверь. В прихожей завозился Алексей.

— А где мои тапки? У нас гости? — громко спросил он.

Галина вышла к сыну.

— Да, гости... неожиданные. Вон другие тапки.

— И кто же нас навестил?

— Отец.

— Отец?!... Который? — скривился Алексей.

Галина ничего не ответила и только смотрела на сына строго и осуждающе.

— Здравствуй, Алеша, — сказал Юра, выходя из кухни. — Отец — это я. Надеюсь, ты не будешь отрицать. У тебя и в паспорте записано: Мельников Алексей Юрьевич, моя фамилия и мое отчество, и живешь ты в моей, то есть нашей квартире, и воспитывал я тебя, мама знает, с двух лет. Ну а то, что потом случилось... я виноват. Очень виноват. И перед мамой, и перед тобой. Если можешь — прости. Ну а не можешь... когда-нибудь потом... может быть...

И тут случилось невероятное. Алексей, уткнувшись лицом в стенку, вдруг заплакал. Сползая по стене вниз на пол, уже не сдерживаясь и никого не стесняясь, он громко рыдал об утраченной безмятежной, скомканной и навеки испорченной своей юности, о пропавшей без вести глупенькой Вере, о несчастном, одиноко гниющем в Кавказских горах безголовом Вовке и о неизвестно живом ли «предателе» Сашке, который так хотел жить, ну а кто же из нас не хочет! И о других, таких же, как они, замученных и убитых, позаброшенных и забытых Родиной и отцами мальчишках. И еще о том, что никому этого не расскажешь и не объяснишь и что между теми, кто все это прошел и всеми остальными лежит пропасть, которую неизвестно какой любовью можно преодолеть, — нет такой любви на земле! Нет, никогда у него не будет уже такого чистого доверчивого отношения ни к отцу, ни к матери, ни к кому, потому что все ложь, все лицемерие, все один нескончаемый обман, и с него довольно! Он больше не желает участвовать в этой всеобщей мировой лжи, лучше он будет курить травку и танцевать, пока не слетит с катушек, а слетит, ну и наплевать, чем быстрее, тем лучше! И вообще, лучше бы это ему отрезали голову, потому что он не может больше на все это смотреть! Ему больно на это смотреть! Ему противно на все смотреть!.. Он задыхался, захлебываясь в рыданиях.

Галина и Юра стояли ошеломленные, в полной прострации, не зная и не понимая, что делать, чем помочь, как спасти сына от него самого. А он, отплакав и не получив утешения, ввалился в свою комнату, запер за собой дверь и, как одинокий раненый зверок, стал сам зализывать свои раны.

Как объяснить маленькому ребенку, что на земле нет справедливости, нет правды, что правда и справедливость только у Бога. Как растолковать, что зло в мире неистребимо и будет только увеличиваться и расти. Почему же вы, скажет маленький ребенок, взрослые и умные, бросили в пучину зла маленьких и слабых детей, а сами остались в стороне со своей взрослой мудростью и всезнанием? Почему не научили нас, не предупредили, кто правит бал в этом мире, почему не защи-

тили нас, почему рассказывали лживые сказки о победе добра над злом? И пусть взрослые, у кого еще есть совесть, мучаются своей виной, как мучаются теперь Галина и Юра. Потому что если страдают дети, то в этом виноваты взрослые...

Часть седьмая

1

На юбилейном архиерейском соборе в числе более тысячи прославленных новомучеников и исповедников российских, пострадавших в годы безбожной Советской власти, был прославлен и Галинин дед, расстрелянный в тридцать седьмом году протоиерей Афанасий Преображенский. Не сразу узнала Галина эту потрясающую новость, а узнав, решили они вместе с сыном на новогодних каникулах поехать разыскивать дедовы следы в Новгородскую область, село Николино — место его последнего служения перед расстрелом.

Большим «Икарусом» они доехали до Новгорода, потом пересели на один из местных автобусов и по разбитым дорогам покатались дальше в диковатую русскую глубинку. Зима выдалась теплая, бесснежная, по обеим сторонам дороги вместо белых пустынных степей и сказочных берендеевых лесов тянулись унылые серые пейзажи: заваленные автомобильными шинами и металлоломом канавы, покалеченные будто недавно прошедшей неизвестной войной деревья, непаханные, умирающие от заброса поля и, как погребальные кресты на погосте — то там, то здесь, — скелетные останки храмов... Дома-развалюхи со стелющимися по земле заборами, не крашенные, не латанные, отвыкшие, как солдатские вдовы, от мужской хозяйской руки, доживали они свой век инвалидами, перемежаясь кое-где новыми каменными постройками разбогатевших предприимчивых граждан. И повсюду — помойки, помойки, годами неубираемый мусор из несгораемой и негниваемой перестроечной пластиковой тары. О, бедная земля наша! О, мати — сыра-земля! О, кормилица! Доколе будешь покорно терпеть пропивший твою и свою красоту народ? Доколе будешь смиренно ожидать избавления? Дождешься ли?..

Они въехали в деревню в быстро сгущающихся сумерках. Автобус остановился у сельского, из серого кирпича магазина с железными решетками на окнах, прямо напротив большой побеленной и уже вновь облупившейся церкви, и покатил дальше. Галина и Алексей вышли из автобуса, огляделись. Значит, вот здесь, в этой самой Покровской церкви, построенной новгородцами еще в шестнадцатом веке, и служил ее родной дед, отсюда его забрали в последний путь, а... семья? Что стало с ними? А вдруг кто-то, быть может, еще чудом — жив?..

Не сговариваясь, они вместе зашагали к церкви, обнесенной деревянным, кое-где повыбитым штaketником. Вокруг церкви, как и полагается, — погост, могилы с крестами, вечные жилища усопших почти в таком же примерно состоянии, как и временные — живых. Правда, кое-где прибрано, поставлены новые деревянные кресты... Они подошли к огромным железным дверям, оказавшимся на запоре.

Что делать? Идти к батюшке в дом? А если он живет не здесь? Если он приезжает служить из Новгорода?.. Галина уже жалела о своем легкомыслии. Надо было сперва как следует все разузнать, теперь придется расплачиваться за ее нетерпение.

Они вернулись в безлюдный магазин. Из продуктов — хлеб, подозрительно синеватого вида сосиски, растительное масло, конфеты, сахар, мука и множество разнообразных напитков: от пива до всевозможных местных и привозных, но одинаково, должно быть, самопальных водок и такого же, вероятно, качества вин. Над каждой бутылкой красовалась наклеенной горкой акцизная бумажная марка — гарантия неотравленной продукции, от которой тем не менее не один местный мужик, а то и баба отправлялись в мир иной.

Поздоровавшись с местной продавщицей, Галина спросила, живет ли в их деревне батюшка и где? Не расположенная к беседе угрюмая, лет сорока, баба не заинтересовалась, по всему виду, издавек заезжими гражданами. Не глядя на Галину, она нехотя ответила, что да, живет, и указала дом. Ну, слава Богу, не придется возвращаться обратно, да и неизвестно, можно ли было бы им и вернуться, ведь наверняка местный автобус ходит не более одного-двух раз в день.

По зимней, как по осенней, распутице, они помесили грязь в направлении «поповского» дома. Калитка оказалась заперта, но огонь в окнах горел, и это усталых путников обнадежило. Но как войти? Напуганные нелюбезностью продавщицы, они даже не спросили, как зовут местного батюшку, и решили просто покричать.

— Батюшка!.. Батюшка!..

Вместо батюшки выскочила здоровенная лохматая дворняга и принялась как сумасшедшая лаять, стараясь выскочить за забор. Галина с Алексеем невольно отпрянули от калитки.

На шум вышла женщина. Матушка — догадалась Галина.

— Матушка, мы к вам, — сказала она, обрадовавшись явлению человека. — Мы из Петербурга, к вам.

Женщина, привязав пса, подошла к калитке.

— Вам кого? — спросила она, тоже не совсем как бы и ласково.

— Понимаете, мы из Петербурга. Здесь в тридцатые годы в этой церкви служил мой дед, протоиерей Афанасий Преображенский, он недавно прославлен... как новомученик, вот мы и решили с сыном... приехать, чтобы посмотреть все, увидеть своими глазами... может быть, какие-то воспоминания, следы... родственники... Понимаете? — Она вглядывалась в лицо женщины, пытаясь увидеть, насколько ее слова воспринимаются адекватно. По всей видимости, матушка все поняла, потому что открыла засов и тихо сказала:

— Проходите. Отца Николая нет, он в Старой Руссе, скоро приедет.

— А вас как зовут?

— Матушка Лидия.

— Меня Галина, а это Алексей.

Вошли в сени, сняли грязную обувь, переоделись в свои привезенные домашние тапки и только потом переступили порог.

Дом был самый обычный, деревенский. Из холодных сеней дверь вела прямо в большую кухню, из нее — в крошечную спальню за занавеской и парадную комнату, вроде гостиной, из которой, в свою очередь, разбегались двери в еще две отдельные каморки.

— Устали с дороги? Замерзли?.. Нюша! — крикнула матушка куда-то в глубину дома. Выскочила некрасивая девочка лет пятнадцати. — Ставь чайник, дочка. А вы садитесь, отдыхайте пока, — снова обратилась она к гостям.

— Да, матушка, вы не беспокойтесь... — начала Галина. — Мы не голодные... Мы с собой привезли... — и Галина стала выгребать продукты и гостинцы из сумки и ставить все на стол.

— Сейчас ведь еще пост... — как бы напомнила матушка, глядя на выставляемую Гапиной снедь.

— Да мы знаем, это на Рождество.

— А вы сами-то как планируете? Останетесь на праздник?

— Если не прогоните, хотелось бы...

— Чего ж прогонять? Места хватит, как-нибудь устроимся.

Через четверть часа, помолившись, пили душистый травяной чай за большим поповским столом с какими-то очень вкусными постными пирогами (Нюшиного изготовления), вареньем и медом. Кроме Нюши за столом уселось еще двое ребятишек примерно семи и пяти лет.

— Это все наши приемыши, — объяснила матушка. — Своих Бог не дал. И не то чтобы мы с батюшкой как-то специально решали брать чужих деток, а как-то так, само собой вышло. Сначала вот она, — матушка кивнула на дочь, — появилась. Потом Шурка, он с отцом сейчас... Нам тут спонсоры машину старенькую подарили, так отец никак пока не освоит, а Шурка ездит, как будто он в машине родился, каждый винтик знает... Ну а эти двое, родные братики Тиша и Гриша, мамаша их совсем спилась, в прошлом году в канаве утонула, — просто рассказывала попадая. Белоголовые кудрявые дети улыбались, хитро-лукаво поглядывая на гостей, не чувствуя, по-видимому, никакого дискомфорта от рассказа матушки, словно и не о них шла речь. — А вообще-то мы с батюшкой сами из Питера. Я университет заканчивала, батюшка — Герцена, исторический. А здесь уже двадцать лет. Сначала дико казалось, потом ничего, привыкли. Народ здесь непростой. Знаете такое библейское определение — «жестоковыйный»? Вот, нечто вроде того... Нет, в храм не ходят. Два раза в жизни: крестить и отпевать, — все! Правда, крестить сейчас все меньше приходится, народ совсем рожать перестал, может, где по стране и рожают, а у нас в основном мрут. Каждый день почти батюшка по всему району мотается отпевать. Вот он им и говорит: как же это вы совсем не молитесь? Ведь вы в море ходите, у нас Ильмень-то морем зовут, каждый год тонут. Пришли бы, помолились Николаю-то Чудотворцу, ведь ваше озеро совсем скоро приватизируют, уже на части все поделили, что есть-пить будете, детей чем кормить? — Матушка махнула рукой. — Русский мужик все пропил. А то у нас недавно икону украли. Список с чудотворной Старорусской, семнадцатый век, огромная икона, почти два на три метра, как они ее уволокли? Не иначе бесы помогали... Нет, не нашли, какое там... у нас милиция только за деньги помогает, кто платит. У них один ответ: нет бензина. У нас храм шестнадцатого века, крыша течет, денег нет, я говорю: мужики, вы ж русские, хоть по рождению — православные, возьмитесь, залатайте во славу Божию, куда там! Вы, говорят мне, деньги с нас каждое воскресенье стрижете, сами и латайте! Это ж надо так высказаться, стрижете! А уж деньги-то у нас... Три старухи, слава Богу, если придут, да полстарика... Чем спасаемся? Да вот батюшка каждую неделю в Старую Руссу ездит, лекции на курорте читает, что-то там продаем — крестики, иконки, да сюда людей на экскурсию привозят, свечи-записки, так-то редко кто жертвует, у простого народа денег не густо, а богачи — те лучше в кабаке да

за границей прогуляют... О душе мало кто думает... А летом полегче, дачники, Москва, Питер, не все, конечно, но, бывает, что и приходят в храм, особенно на праздник... А так — свое хозяйство, без этого не прокормишься: куры, козы, огород... так-то не голодаем, конечно... Слава Богу за все. Иногда приезжаем в город... Ой! Царица небесная, как там люди живут?... Нет, у нас красота, у нас... сейчас, конечно, время не то, а летом!.. благодать. Был бы на земле рай, если б не человек, — со вздохом закончила матушка.

Подъехала машина, радостно загавкал пес. Накинув платок, матушка вышла на крыльцо встречать мужа. Через несколько минут в комнату вошел невысокий, плотного телосложения, с умным, добрым лицом отец Николай.

Галина и Алексей подошли под благословение.

— Вот, отец, наши гости, — представила Галину и Алексея матушка. — Родственники протоиерея Афанасия. Из Питера.

— Что ж, очень рады. Родственники, значит? — он внимательно посмотрел на Галину.

— Я — родная внучка, а это мой сын — соответственно правнук.

— Да вы садитесь, садитесь, пейте, я вот тоже сейчас к вам присоединюсь. — И он пошел мыть руки.

— Вам, матушка уже, должно быть, доложила, ездим с сыном на заработки, — пошутил отец Николай, присаживаясь к столу. — Такое у нас с ним послушание. Сейчас народ немножко очухиваться стал от безбожия. Но каша в головах невероятная. И опять наша пресловутая интеллигенция все путает. Везет экскурсоводша в наш храм отдыхающих захожан, те слушают матушкину лекцию, ставят свечи, пишут записки, все, как полагается, а через пятнадцать минут та же экскурсоводша ведет, извините, весь кагал прикладываться к знаменитому местному «камню-шептуну», яко неразумных язычников. И прикладываются ничтоже сумняшеся! Как вам это понравится? Вы, простите, кто по профессии? — обратился он к Галине.

— Я филолог, — ответила Галина и почему-то покраснела.

— Ну, это не страшно... Матушка у меня вон тоже филолог, однако всему здесь выучилась, и на клиросе петь, и коз доить... А вы, молодой человек?

Молчавший до сих пор Алексей, слегка охрипшим от долгого безмолвия голосом, произнес.

— Я на четвертом курсе исторического в университете.

— Ты смотри, мать, — коллега! — весело удивился отец Николай. — Ну-ну... Значит, прямые потомки отца Афанасия... — еще раз уточнил батюшка. — А я ведь уже и икону вашего деда заказал, обещали к Пасхе привезти. Да-а... неисповедимы пути Господни!..

В комнату вошел невысоконый и до того тщедушный паренек, что Галина никак не могла определить его возраст, на вид — лет четырнадцать, но, судя по тому, что он водит машину, уже по меньшей мере восемнадцать.

— Знакомьтесь, наш старший сын и главный помощник, Шура. Не знаю, чтобы я без него делал. Он и в алтаре, и по хозяйству, и куда поехать, что привезти — все он. И музыке учиться сестру свою Нюшку возит, голос у нашей доченьки оказался соловьиный. — Он одобритительно посмотрел на мгновенно зардевшуюся девушку. — В армию осенью повестка пришла, так чудеса — только поглядели на него да и

сразу отпустили. А мы и рады. Садись, Шура, не стесняйся, это наши гости из самого Санкт-Петербурга! — произнес отец Николай с подчеркнутым уважением. — Когда-нибудь мы с тобой туда съездим!

— Да, да, приезжайте, — поспешила с приглашением Галина. — У нас можно остановиться, будем рады.

— Спасибо, Галина. У нас ведь матушка тоже питерская, родная сестра там живет с семейством, а только мы с ней, как уехали сюда, больше не видались. Она нас вроде как за сумасшедших держит. Ну, в самом деле, нам с матушкой тридцати еще не было, как это — бросить Ленинград и в эдакую глушь, к медведям, к алкашам — как не сумасшедшие?

— И... не жалеете? — задала Галина глупый вопрос.

— Галина... как вас по батюшке?

— Сергеевна.

— Галина Сергеевна... а батюшка ваш жив?

— Н-нет... погиб... Его арестовали, после войны... Умер в лагере от туберкулеза. Так написали в справке о реабилитации. Я... знаете, что хотела... У меня фотография есть отца Афанасия с семейством... — Галина торопливо раскрыла сумочку и вытащила, завернутую в целлофановый пакет фотографию. — Вот, посмотрите. Это примерно двадцать второй год. Вот матушка Ирина... а это их детки... семь человек. Это мой отец, здесь ему... не знаю, годика три... Я думала, может, еще можно найти какие-то ниточки... может быть, кто-то из них жив... из детей, я имею в виду... я не знаю...

— Матушка, — обратился отец Николай к жене, — ты приготовь там для гостей, что положено. А мы с Галиной Сергеевной чуток поговорим. Ну, все поели? Молимся! — И, встав из-за стола, он звучно запел «Благодарим Тя, Христе Боже наш...», перекрывая своим внушительным баритоном негромкие голоса Богом слепленного своего семейства.

После чая каждый занялся своим делом: малыши уносили со стола посуду, Нюша мыла ее в раковине на кухне, Шурка вышел во двор ставить в гараж машину, матушка стелила гостям постели в освобожденной для них комнате (всех четверых детей она сгрудила временно вместе). Странно, подумала Галина, никто из детей не выразил протест, не закапризничал, все приняли родительскую волю как закон.

— Вот что, Галина Сергеевна... — начал отец Николай, когда они остались одни. — Я хочу, чтобы вы съездили, если хотите, даже завтра, Шурка вас отвезет, к одному старцу. Он живет не так чтобы далеко, но как бы прикровенно, в пустыньке... вам понятно? — Галина кивнула. — Дотошный народ православный, который все на свете знает, помаленьку ездит к нему, но старцу за восемьдесят, а келейница его, матушка Людмила, уж больно люта, иной раз и не пустит, так что посетитель ни с чем и уедет. Я напишу вам записку для отца Феодорита, он вас примет. В тридцатые годы он, еще совсем мальчишка, сослужал отцу Афанасию, так что... может вам что и откроется.

— Спасибо, отец Николай! — с чувством воскликнула Галина. — Спаси, Господи!..

— Ну, вот и порешили. Спать ложитесь пораньше, а завтра Бог даст с раннего утра и отправитесь. Я бы и сам с вами поехал, но не могу, два прихода у меня сейчас, разрываюсь. Священник, как на грех, запил.

— Как это?.. — удивилась Галина.

— А так. Или вы думаете, враг рода человеческого только вас, мирских, искушает? О-ох, Галина Сергеевна! Тут такое подчас творится... соблазн сеять не хочется, а то можно бы порассказать. Сами-то вы как себя мните, прихожане вы или захожане? — спросил отец Николай с улыбкой.

— Ох, батюшка... боюсь, что все-таки захожане, — честно призналась Галина.

— Негоже внукам отца Афанасия быть захожанами... Ну да ничего, молитвами священномученика Афанасия Господь управит. Славный у вас сынок.

— Да, это теперь так, а раньше...

— Что ж, без искушений никто в царство Божие не восходит, терпение надобно нам иметь. Самого Господа сатана искушал, а как сказано в Евангелии: «ученик не выше учителя», «Меня гнали и вас будут гнать». Ладно, Галина Сергеевна, простите меня, грешного, я ведь могу так до утра празднословить. Ложитесь отдыхать, утро вечера мудренее.

Галина, хоть и устала за этот день, долго не могла заснуть. Не спал и Алексей, оба слышали, как за тонкой перегородкой тихо молился отец Николай, под этот молитвенный шепот дыхание Алексея постепенно успокоилось, он заснул, а Галина все еще ворочалась с боку на бок, невольно прислушиваясь ко всем звукам спящего дома: вот тикает будильник, отсчитывая все меньше и меньше минут для сна, вот заскрипела половица — кто-то из детей отправился в туалет, вот залаяла собака, вот кто-то проехал на автомобиле с включенной на всю мощь современной «музыкой» — бум-бум-бум! «Господи, и здесь нет покоя», — подумала Галина. Наконец все стихло, под самое утро она стала засыпать.

Их пожалели будить в самую рань, вместе с малышами они встали около восьми. Отец Николай уже ушел в храм, матушка хлопотала с завтраком, Ньюша собиралась в школу. После завтрака матушка Лидия вручила Галине записку к отцу Феодориту, стали складывать в машину рождественские гостинцы затворникам. Наконец, помолившись на дорогу, отправились.

Галина села на переднее сиденье, Алексей сзади. Ехали молча по едва различимой в сумерках дороге, сначала по шоссе, потом свернули на проселочную.

— Долго еще? — спросила Галина.

— Не-ет, скоро. Хорошо — снега почти нет, а так бы ни в жизнь не доехать. Только уж к лету, как просохнет.

— Как же они живут? Без связи с внешним миром? — уточнила Галина.

Шурка пожал плечами.

— А чего им? Картошка есть, мука есть, сухарей насушат...

— А ты... общался с отцом Феодоритом?

— Н-ну... — неуверенно ответил Шурка.

— И — какой он?

— Он-то?.. Хороший... чудной. Старый очень.

— А чем — чудной? — продолжала выпытывать Галина.

— Ну, как... Не знаю... сами увидите.

— А матушка Людмила?

Шурка поежился.

— Злющая.

— Злющая? Почему?

— Отец говорит: для смирения.

— Для чьего смирения?

— Должно — приезжих.

Больше Галина не любопытствовала, мальчик прав: скоро все сами увидят.

— А ты, Шура, кем хочешь стать? — снова спросила Галина, наблюдая, как он лихо ведет машину по бездорожью.

— Я-то?.. — он замялся. — Не знаю...

— Наверное, мечтаешь водить большие машины?..

— Не-ет... — улыбнулся Шура. — Вообще мечтаю — диаконом. Только отец говорит, голос у меня не годится, силы нет. У диакона голос должен быть громкий.

— А почему дьяконом, а не священником?

Шура засопел и ничего не ответил.

— Дьяконом бы хотелось... — повторил он. — А вы не знаете, можно как-нибудь голос... ну, чтобы усилить?

— Честно говоря, не знаю... Но я тебе обещаю, я постараюсь что-нибудь выяснить. И тогда сообщу.

Как-то вдруг они оказались в красивом сосновом бору на берегу небольшого полузастывшего озера. Две избушки — банька у самого края озера и жилой домик — повыше — обе дымили трубами. На громко тарахтевший в лесной глуши мотор не выскочила, не залаяла собака, только кот юркнул в приоткрытую на крыльце дверь. Следом за исчезнувшим котом появилась женщина в монашеской одежде с нестарым, но угрюмым и не предвещавшим ничего хорошего лицом. Она подождала, пока Шурка приблизится к крыльцу и, не ответив на его приветствие, мрачно спросила:

— Кого еще притащил? Говорила ведь: старец болен, никого не принимает, чего таскаться зря.

— Матушка Людмила, у меня письмо...

— Давай, — она протянула руку. — Ну?!

— Отец Николай сказал лично отцу Феодориту в руки, — вздохнул Шурка, предчувствуя бурю.

— А я тебе говорю, дай сюда! Я сама знаю, что передавать отцу Феодориту, что не передавать! Мал ты еще со мной спорить! Ишь, выискался, от горшка два вершка! Давай, говорю, или проваливай! Буду я каждого нехристя до отца Феодорита пускать, чести много! — кричала матушка так, чтобы слышали оставшиеся у машины Галина с Алексеем.

— Они не нехристы, они из Петербурга, — сказал Шурка примирительно.

— А по мне хоть из самой Америки! — матушка плюнула на крыльцо и растерла плевком. — Невидаль какая — из Петербурга! — передразнила она Шурку. — И в Петербурге шантрапы полно!

— Ну и чего вы всегда шумите? Я, что ли, их по своей воле привез? Скажу отцу Николаю, что вы не пускаете, сами потом будете каяться.

— Ах ты, щенок! Если я и буду каяться, не твоего это ума дело! Ясно? Отец Феодорит лежит — не встает, незачем ему глаза мозолить! Сказала: не пушу — не пушу!

Галине надоело слушать вопли монахини, она подошла к крыльцу и, поздоровавшись, негромко сказала:

— Матушка Людмила, вы нас простите, если отец Феодорит болен, разумеется, мы не будем настаивать на свидании, но у нас действитель-

но... для нас очень важна эта встреча. Вы передайте только, что я — внучка священномученика отца Афанасия Преображенского... Если можно.

Монахиня искоса зыркнула на Галину и, вдруг потупившись, на удивление тихо и мирно произнесла:

— Проходите.

Гости не стали ждать вторичного приглашения, опасаясь, как бы глумливая монашка снова не передумала пускать их в дом, и, отстукивая грязь с обуви, вошли в жарко натопленную избу.

— Снимать не надо, — предупредила она Галину, расстегивавшую молнию на сапоге. — Вытрите только как следует, — она подавала тряпку.

Но Галина все-таки сняла сапоги, уж слишком не хотелось шлепать в грязной обуви по чистому полу. Вслед за ней остальные тоже снимали башмаки.

— А ты, — оборотилась монахиня к Шурке, — смотри у меня! — и поднесла к его расплывшейся физиономии крепкий коричневый кулак. — Давай свое письмо, огарыш, не бойся, не проглочу. — И она с достоинством удалилась за занавеску.

Пока монахиня отсутствовала, гости с благоговейным вниманием рассматривали их общее со старцем жилье. Стараниями матушки изба сияла чистотой, печь побелена, крашеный пол вымыт, домотканые половички постелены, посуда на полках отдраена до блеска, клеенка на столе свежая, красный угол заставлен большими и маленькими иконками, в основном бумажного производства. Вкусно пахло дровами и ладаном. Тишина стояла до звона в ушах, и только кот, сидя по-хозяйски на табурете, недовольно щурил на пришельцев свои зеленые глаза, словно ворчливый дед бурча под нос: ходят тут всякие, жить спокойно мешают.

— Идите, — сказала вернувшаяся на кухню монахиня Галине, — отец Феодорит зовет. Только не рассиживайтесь больно, батюшка плох. А ты, огрызок, марш в сарай, дров мне накопи, неча без дела болтаться, — приказала она Шурке.

— Если благословите... — начал весело паренек.

— Я тебя сейчас благословлю, кочергой! — прикрикнула на него матушка. — Ступай вон!

Увернувшись от оплеухи, Шурка выскочил на крыльцо. Сырой, повесенному праздничный ветер разрывал серую мглу небес, и в сияющие лазоревые просветы било набатом холодное январское солнце, заливая светом и опушку соснового леса, и ледяную озерную гладь, и самого Шурку, оглашенно застывшего на крыльце и тянувшего носом воздух: красота!.. Полюбовавшись на красоту Божьего мира, он вприпрыжку побежал к сарайчику исполнять матушкино «послушание».

С замирающим сердцем Галина и Алексей вошли в комнату отца Феодорита. Он лежал на кровати на высоко взбитых подушках в облачении схимника и смотрел на вошедших черными как уголь, чуть подернутые пеплом глазами. В комнате было полутемно (единственное маленькое окошко, полузадернутое шторкой, выходило на запад) и также белоснежно чисто. В отличие от кухонных здесь висели старые, настоящие иконы, теплились разноцветные лампадки, и от этого полумрака, тишины и светящихся огоньков на душу спускался, обволакивая и убаюкивая ее, неземной, надмирный покой.

— Здравствуйте, батюшка. Благословите. — Галина подошла к кровати и, опустившись на колени, сложила руки для принятия благословения.

— Бог благословит тебя, Галина, — ответил батюшка, осеняя ее головой крестом.

Галина поцеловала руку схимника и оглянулась на Алексея, как бы приглашая его последовать ее примеру.

— Это мой сын, Алексей.

Отец Феодорит благословил и Алексея и, помедлив, немного задержал его голову в руках.

— Садись, батюшка, на стул, — почему-то сказал отец Феодорит Алексею. — А мама пусть садится рядом со мной, — он указал на кресло, стоявшее у его изголовья и покрытое белым чехлом.

«Как это странно он выразился», — подумала Галина, но размышлять было некогда, все потом. Она не успела ни о чем спросить, как отец Феодорит уже начал сам отвечать на ее вопросы.

— Отцу Афанасию я прислуживал мальчишкой, алтарником. Мне было лет пятнадцать-шестнадцать... Батюшка был из непоминающих...

— Это — как?... — недоуменно спросил Алексей.

— Я тебе потом объясню, — шепотом остановила его Галина.

— Декларация митрополита Сергия двадцать седьмого года разделила церковь, Алеша. Большинство епископов и мирян не приняли той Декларации, подчинившей церковь безбожному государству, и прекратили помянуть его имя за Богослужением, — тихо и медленно продолжал повествовать батюшка. — Потом стали сажать тех, кто не согласился с Декларацией, потом независимо от этого — всех подряд... Один человек в лагере рассказывал мне во время войны, как в Прощеное воскресенье в одном из московских храмов в двадцать девятом году митрополит Сергей просил прощение у народа... так искренне, с такой печалью и болью, что всем стало его жаль... и даже те, кто не причащался у митрополита и его клира, подошли к нему под благословение... Он все понимал... он мог бы сказать народу: все попытки примирения с властью, все уступки ей бесполезны... Власть ведет церковь к уничтожению, церковные люди страдают не потому, что они совершают политические преступления, но за одну только веру... Он мог бы отказаться от союза с властью, распустить свой синод и идти на Голгофу... как пошли многие сотни тысяч... Но он выбрал другой путь... Он согласился подтвердить ложь, что в тюрьмах и лагерях сидят за политические преступления, что гонений со стороны власти нет, что уничтожение церкви есть дело самого народа...

Из глаз батюшки привычно и тихо катились слезы, он их не замечал. Все молчали.

— Я читала об одном поразительном факте, — прервала, наконец, молчание Галина. — Когда митрополит Сергей получил телеграмму о смерти в тюрьме архиепископа Иллариона, он заплакал. Но когда его попросили отслужить панихиду по усопшему, он отказался, мотивируя тем, что нет разрешения от властей. Представляете, какой ужас! Власть должна разрешать или не разрешать молиться церкви! Власть лишила церковь права на молитву! Это... катастрофа!

Снова помолчали. Слишком тяжело было обо всем этом говорить.

— Сатану перехитрить невозможно... С сатаной невозможно идти на компромисс... Сатане всегда нужно говорить твердое «нет» и идти умирать... Многие так и делали...

— Батюшка, — начала Галина, — а как же вы?... Вы говорили, что тоже были в лагере...

— Божией милостью был... Отца Афанасия арестовали в последний раз в тридцать седьмом году. Храм закрыли, как говорилось, по просьбе трудящихся, клуб сделали. Народ — кто постарше — посетовал, поплакал, а молодежь — вся к свободе и прогрессу двинулась. Энтузиазм был огненный. Весело было старый мир-то крушить. Аж дух захватывало. Суды в школе устраивали над... прости, Господи, Иисусом Христом. Какие-то вины ему представляли и присуживали... расстрелять. — Батюшка перекрестился. — Помню последнюю Пасху перед батюшкиным арестом. Утром после литургии народ крестным ходом вокруг храма идет, а парни... озорники... уж не знаю, когда они на крышу залезли, сверху на своих мамаш и папаш мочатся... Было и такое на святой Руси... А меня уж в тридцать восьмом подгребли. Тогда и старосту нашего арестовали, и еще тройку-пяток крепких мирян за то, что на дому молились... Без малого двадцать лет с перерывами в местах отдаленных... В перерывах-то и монашество принял... Слава Богу за все... Каких людей зато повидал! Господи!..

— Батюшка, а что с семьей отца Афанасия стало — не знаете?

— Матушку никуда не брали на работу, уж она просилась — на любую, лишь бы прокормиться с детками, хоть как. С огорода жили, да кто Христа ради подаст — младшеньких побираться по деревням отправляла. А тут вскоре — война, немцы. Старики говорили: по грехам. Каялись, молились. Молодежь вся на фронт ушла. Да почти все и полегли. Бои здесь шли страшные... Матушка ваша, говорят, перед самой войной умерла, могилку-то ее вам отец Николай показал — нет еще?... А деток по детским домам разобрали... А старшие еще при отце Афанасии разбегались, кто куда...

— А вы здесь как?

— Здесь я на покое. Матушка Людмила меня опекает, спасибо ей. А вы внучка отцу Афанасию — по отцу, по матери?

— По отцу. Отец — Сергей Афанасьевич. Педагогический техникум закончил перед войной. Это, я думаю, он свое происхождение как-то скрывал, иначе бы его до идеологической работы не допустили. Потом, правда, он все же решил стать священником, но в сорок восьмом его арестовали, через несколько лет он скончался в лагере. Я, вот, если позволите... — Галина торопливо раскрыла сумочку и передала батюшке фотографию отца Афанасия с семейством.

Отец Феодорит приблизил фотографию к лицу, и слезы из его угольных очей побежали быстрее. Он медленно и широко перекрестился.

Глядя на него, заплакала и Галина.

— Может, кто-то из семьи еще жив... — сказала она, вытирая платком глаза.

— Богу все возможно, деточка. Да нам не все знать дано.

— Батюшка, я что еще хотела спросить... — у нее столько было вопросов! Когда она ехала сюда — вопросы роились в голове как пчелы, но вот — она сидит пред лицом старца и тоже святого человека и не знает, о чем самом важном его спросить. Вроде все и так ясно. Ясно, что все ее родные давно сгинули, погибли, а если кто и остался в живых... об этом она никогда не узнает. Спрашивать о себе — уже не стоит. О сыне... боязно, вдруг что услышишь нехорошее? И она почему-то спросила:

— Батюшка, а почему нас все ненавидят... русских?

Отец Феодорит помолчал.

— «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое, а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Если Меня гнали, будут гнать и вас...» Это относится ко всем, кто следует за Христом.

— Но разве русские сейчас следуют за Христом?.. Вы же видите, за чем или, вернее, за кем следуют теперь русские... куда все идет?..

Батюшка ничего не ответил и прикрыл глаза. Она его утомила? За чем она спрашивает? Разве она сама не знает? Разве она не читала пророчеств? Разве еще сто лет назад не говорили отцы: если не покается народ... Не покался. Но, может, еще есть надежда?..

— Читайте Евангелие... — прошелестел одними губами отец Феодорит. — Там все... Трезвитесь и бодрствуйте... Не угашайте светильника, как неразумные девы... И наблюдайте времена и сроки... жатвы... Живите по заповедям и будьте готовы в любой момент предстать пред Господом. Этого довольно, чтобы спастись.

— Но как же другие? Народ, дети — гибнут в грехах...

Батюшка снова помолчал.

— Когда Антоний Великий, основатель вселенского монашества в четвертом веке задавал подобные вопросы Господу, Тот ответил ему: Антоний, *себе внимай!*

— Но это же эгоизм!

— А батюшка Серафим говорил по-другому: стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся.

«Да, это правда, — подумала Галина, — мы все спасаем человечество... большевики хотели осчастливить народ и погубили народ. Батюшка Серафим спасал себя и — скольких он и спас, и до сих пор спасает!..» И вслух спросила:

— Батюшка, а вам здесь не страшно? Вон у отца Николая бандиты недавно чудотворную икону из храма украли...

— Все в Божьей воле, — тихо ответил старец. — Сказано, ни один волос не упадет...

Дверь отворилась. Тихонько вошла матушка Людмила и встала у порога немым укором, давая понять пришельцам: пора. Пришельцы укор приняли, Галина поднялась с кресла.

— Спаси вас, Господи, отец Феодорит. Здоровья вам и долгих лет жизни. Простите нас, грешных, и благословите на дорогу.

Крестя Галину, старец прошептал:

— Не печалься, матушка, сын у тебя хороший, не осрамит род ваш. Послужит Господу... Иди сюда, Алеша, наклони голову...

Перекрестив Алексея, старец надел ему на шею крест и поцеловал в лоб.

— Храни, Господь.

Галина ужаснулась, как это отец Феодорит узнал, что на Алексея и впрямь нет креста. Сколько раз она ему покупала и просила носить... а теперь вот сподобился получить от самого старца, теперь уж, надо полагать, не снимет.

Умнячив сердце матушки Людмилы горкой наколотых дров и привезенными к Рождеству гостинцами, попив с сухариками чайку на дорогу, они отправились восвояси. Матушка проводила их до машины и даже расцеловалась с Галиной, подарив ей и Алексею на прощанье по бумажной иконке на «молитвенную память».

— Молитесь обо мне, грешной рабе Божией Людмиле, — сказала матушка, — и я о вас буду молиться. А ты, непутевый, — оборотилась она к Шурке, — кланяйся отцу с матерью, благодари за гостинцы, что не забывают нас, грешных, пусть приезжают, всегда рады. Ну, и все, езжайте с Богом! Что-то мне погода нынче не нравится... — и она еще долго стояла и крестила и отъезжающих и машину, пока они не скрылись окончательно из глаз.

Тогда она еще раз взглянула на небо, вздохнула, перекрестилась, утерла слезу и пошла в дом.

Всю обратную дорогу ехали молча. Погода и в самом деле переменялась. Ветер снова нагнал туч, они сгустились, затягивая плотным белевым полотном горизонты, опускаясь все ниже и ниже над головой, пока не повалил густыми хлопьями снег. На их счастье (по молитвам отца Феодорита и матушки Людмилы), они успели выехать на шоссе.

2

Весь следующий день Галина с Алексеем отсыпались и отдыхали, набираясь сил для ночной Рождественской службы. (Все остальные члены семьи отца Николая исполняли свои домашние «послушания», как обычно.) «До звезды» ничего не ели. После постной трапезы (отварной рис с сухофруктами) отец Николай спросил, желают ли они исповедаться и причаститься на праздник? Галина сказала, что, да, конечно желают. Алексей испугался, но отказываться было неловко, и он тоже ответил: да. Галина внутренне ликовала.

Семейных, включая семилетнего Тишу, отец Николай исповедовал в своей комнатке дома, загодя. В церкви всегда суета в большой праздник, исповедовать домашних, тем более гостей, хотелось не наспех, внимательнее и подробнее. Первой пошла исповедоваться матушка, она недолго пробыла в батюшкиной келье (малые искушения: осуждение, раздражение, подзатыльники детям, какие еще грехи могли быть у матушки, живущей почти что святой жизнью, думала Галина). За матушкой последовал старший сын Шурка, тот подзадержался подоле, вышел с красными глазами, скорее всего, получил взбучку от отца, хотя, Галине казалось, более послушных и трудолюбивых детей просто не бывает в природе. Нюша выскочила через две минуты, улыбаясь матери кривоватыми зубками, всем видом показывая, что у нее, мол, как у ангелов, почти все в порядке. Семилетний Тихон крепился изо всех сил, чтобы не зареветь прежде времени: увы, у него с братом не всегда складывались идиллические отношения, но как старший он нес ответственность за все мелкие шалости, ссоры и даже драки, и теперь боялся, как бы отец не лишил за все его проделки рождественского подарка. Но и Тихон вышел от батюшки утешенным и счастливым. Брат его Гриша по малолетству причащался без исповеди, но, чувствуя важность момента, переживал за Тихона и смирно, не разговаривая, сидел на диване, теребя плюшевого кота.

Чем ближе подходила очередь Галины, тем большая охватывала ее паника. Когда же она исповедовалась последний раз? Она уже и не помнит. А грехов!.. Она никак не могла сосредоточиться, с чего начать: отношения с сыном? с Юрой? и... тем, сто лет назад уехавшим в Америку ее возлюбленным? Кто виноват, что ее семейная жизнь потерпела крах? Что больше, после первого аборта, она так и не смогла никого родить? Что мужа своего она горделиво отвергла, что сын ее в резуль-

тате семейных нестроений прошел через ад чеченской войны и только по милости Божией стал, кажется, выправляться в нормального человека? Неужели во всем этом виновата она?! Как странно... А ведь она считала себя хорошей, во всяком случае, правой... А ее отношение к матери?... Ужас! Ужас! Ни разу не приехала к ней до смерти! Не простила детских обид. Не помолилась ни за здоровье, ни за упокой!.. Голова шла кругом. Она вошла к батюшке, потерянная, в хаосе непроясненных обрывочных мыслей, и разрыдалась.

Больше часа не выходила она из комнаты отца Николая. Все домашние, благополучно исповедавшись, давно разбрелись кто куда. Матушка с Нюшей готовили на кухне праздничную трапезу для разговения после ночной службы. Шурка ушел в храм, малышей уложили поспать перед всенощной. Алексей недоумевал, о чем можно столько времени исповедоваться? Неужели за целый час нельзя перечислить свои грехи? А сам он — что же? Что он будет сейчас говорить? Он решил честно признаться, что исповедуеться в первый раз и — будь что будет.

Наконец Галина вышла заплаканная, но какая-то тихая и умиротворенная, как после отбушевавшей грозы умиротворяется, замирает вся природа, как бы погружаясь в самое себя, в свою глубинную суть, как погружается в самое себя непраздная молодая женщина, вынашивающая во чреве нового человека для Бога...

— Иди, — сказала она тихо Алексею. — Не бойся.

Алексей вскочил и бодро вошел в крошечную каморку отца Николая. В ней помещалась только узкая кровать, письменный стол со стулом и огромное количество больших, малых и совсем малюсеньких икон. Они висели по стенам, над письменным столом, в красном углу, над кроватью, стояли на столе, лики святых были все незнакомые, пожалуй, он узнавал только Господа и Божию Матерь...

— Батюшка, — преодолевая вдруг напавший на него непонятный страх, так что мгновенно пересохло во рту, сказал не своим голосом Алексей, — я вообще-то первый раз. Не знаю, что говорить.

— Ну что ж, вот и хорошо, что в первый раз! — весело воскликнул батюшка. — Будем вместе думать и вспоминать... Заповеди знаешь?

— Заповеди? — напрягся Алексей. — Знаю... не убей, не укради, не прелюб... — он вдруг запнулся, внезапно вспомнив о Вере, и удушливая волна стыда и краски залила его лицо. Он замолчал и невольно опустил голову.

— В твоём возрасте, к сожалению, это частый грех, — сказал батюшка. — Люди отвыкли от чистоты и воздержания, им кажется это чем-то недоступным и, главное, ненужным. Высочайший дар Божий людям — благодатная супружеская любовь низведена до уровня животной случки, физиологической потребности. Большинство и оправдывает свою нечистоту «естественными потребностями». Но Бог ожидает от нас совершенства. «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный», — говорит Христос. И это не метафора, это призыв для каждого человека, кто способен услышать, к святости. Заметь, Господь не призывает нас к монашеству, это особый дар и подвиг, и многим дано его понести, но супружеские отношения допускаются и благословляются только супругам... ты понимаешь?

— Да, — кивнул Алексей. — Я и хотел жениться, но она... погибла.

— Прискорбно. Ты молишься о ней?

— Н-нет... — растерянно произнес Алексей. — А разве... А как о ней надо молиться?

— Она крещена?

— Я не знаю...

— Это возможно выяснить? У родителей?

— Нет, — снова покраснел Алексей. — Я не знаю ее родителей. Она приезжая.

— Я дам тебе молитвы, которыми мы молимся, если человек некрещеный или мы не уверены, крещен он или нет. И ты должен молиться о ней до конца своей жизни, вымалывать ее у Бога, ведь она наверняка ушла без покаяния?

— Наверняка, — прошептал Алексей.

— И ты в большой мере в ответе за ее посмертную судьбу, понимаешь?

— Да...

— Хорошо. Я знаю, ты служил в Чечне. Никого не убивал? — и батюшка пристально посмотрел ему в глаза.

— Н-нет... никого... Я ведь почти сразу попал в плен...

— А у самого никогда не было помыслов о самоубийстве?

— Н-нет... То есть... да. Были! — вспомнил Алексей, как на протяжении нескольких месяцев его держали под арестом и водили на допросы и как он по малодушию порезал себе стеклом вены на руках. Все это теперь сумбурно вспоминая, он пересказал батюшке.

— Каешься? — спросил отец Николай.

— Каюсь...

— Видишь, Алеша, любой вред, который мы сознательно или бессознательно наносим своему здоровью, является грехом самоубийства, только замедленного. Сам знаешь, многие сейчас пьют, курят, принимают наркотики. Если ведаешь за собой эти грехи, кайся Господу.

О ужас, когда же это кончится? Куда ни повернись, везде грех! Сколько же он нагрешил за свою короткую жизнь! А он еще удивлялся, в чем это мать исповедуется целый час!

— Да, я тоже... одно время... после армии курил траву и выпивал... мама очень переживала... — с тяжелым вздохом признался Алексей.

— А как насчет пятой заповеди, помнишь ее? — продолжал пытаться батюшка.

— Нет, не помню...

— Я напому. Четыре первые заповеди об отношении человека к Богу и шесть — к ближним. И первая из этих шести — отношение к родителям. Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле. Вот это и есть пятая заповедь.

Алексей молчал.

— У тебя очень хорошая мама. Не обижай ее. Ты ведь теперь один у нее защитник. Женщине трудно одной. Недаром ведь верующий народ русский кому в первую очередь всегда помогал? Вдовам и сиротам. Одинокая женщина все равно что сирота. Ясно?

— Да, — снова едва слышно проговорил Алексей. Ему ужасно хотелось рассказать отцу Николаю, как он любит одну девушку, а она об этом даже не догадывается и даже, может быть, увлечена другим, и что же ему теперь делать? Но он постеснялся спрашивать о таких интимных вещах, тем более что отец Николай заговорил теперь о тех заповедях для человека, которые относились к Богу...

— Ну, вот, теперь ты немножко просветился, — с улыбкой сказал батюшка. — Это самое начало, конечно, но теперь от тебя зависит, захочешь ли ты пойти узким, спасительным путем, живя по заповедям,

или, как все, как большинство, вернее, широкой дорогой — прямиком в геенну огненную. И запомни, милый, третьего пути нет. Или с Богом или с Его противником, сатаной. Человек свободен и потому постоянно выбирает, до самой смерти выбирает: одно или другое. Ясно?.. А теперь наклони голову.

Отец Николай накрыл его епитрахилью.

— Батюшка! — воскликнул вдруг Алексей, выныривая их-под епитрахили и с ужасом заглядывая отцу Николаю в глаза. — Я забыл! Я забыл еще один грех! Я... знаете, я трус!.. Я струсил... тогда... в плену!.. Они, когда нас повели на казнь... сказали ему: снимай крест, а Вовка не снял и... ему отрезали голову... А я снял... заранее снял, понимаете? И спрятал в карман, хотя меня никто и не просил снять, и вообще потом отпустили, потому что... я еще в школе случайно спас одну чеченскую девушку, а она оказалась потом женой их командира... Вот... — Алексей замолчал под тяжестью содеянного когда-то и только теперь вдруг осознанного им греха, навалившегося на его совесть мукой непереносимой.

— Как же мне теперь... Ведь это... предательство... трусость... — повторил он еще раз со стыдом и чуть не плача.

— Это хорошо, что ты сейчас вспомнил об этом и каешься... — задумчиво произнес батюшка. — Видишь ли, Алексей, человек слаб и немощен, и Господь это знает. И чтобы укрепить в вере и мужестве всех малодушных, а с другой стороны, не дать нам впасть в отчаяние, нам дан пример в Евангелии. Апостол Петр, горячо любивший Христа, как ты, может быть, помнишь, после Его ареста трижды в течение одной ночи отрекся от Него. Тоже по трусости и малодушию. Хотя накануне клялся Господу в верности, «если и все отрекутся, я не отрекусь» и прочее. Видишь, это бывает даже и с вернейшими учениками Христа... Но Петр раскаялся и Господь простил его, и впоследствии Петр, как и все апостолы, за исключением Иоанна, мученически погиб за Христа. Более того. Если бы и Иуда покаялся, Господь и его бы простил. Но Иуда не поверил в бесконечное милосердие Господа и в отчаянии повесился. Посему святая церковь учит нас: нет на свете такого греха, кроме самоубийства, которого Господь не простил бы искренне кающемуся человеку, понимаешь?

Алексей кивнул.

— Это все? Или еще что-нибудь вспомнишь?

— Все. Кажется, — облегченно вздохнул Алексей.

Батюшка снова накрыл его епитрахилью.

— Господь и Бог наш Иисус Христос благодатию и щедротами Своего человеколюбия да простит ти, чадо Алексею согрешения вольные и невольные. И аз, недостойный иерей, властью Его, мне данной, прощаю и разрешаю тя от всех исповеданных грехов твоих во имя Отца, и Сына и Святого Духа. Аминь. Целуй Евангелие и крест.

Алексей машинально выполнял команды. Неужели это все? Неужели он исповедался? И получил прощение? И теперь чист? Какое облегчение! Какая радость! Ему захотелось запрыгать, как маленькому Тишке.

— Спасибо, батюшка, — с чувством произнес Алексей.

— Во славу Божию. Иди и впредь не грешь, как заповедал Господь исцеленному им прокаженному. — Батюшка взглянул на часы. — Ну вот, пора и собираться на службу. Иди с Богом.

По случаю Рождества вся церковь была уставлена срубленными Шуркой в лесу елочками, и крепкий еловый дух встречал каждого вхо-

дящего на праздничное богослужение. В храме уже толпилось с десяток старух, не спеша подходили и другие жители поселка: редкие — исключительно по праздникам — «захожане», как именовал их отец Николай. Покупали, ставили свечи, писали записки и, не зная, что еще делать, молча, а кто и с разговорами становились кучками и поврозы, ожидая начала службы. Шурка в новом золотом стихаре носился по храму, исполняя данные отцом поручения. Хор — матушка с Нюшей и еще двумя пожилыми женщинами уже стояли на клиросе, матушка перебирала ноты, а Нюша открыто глазела на прибывающий народ и исподтишка — на приезжего в их дом красивого молодого человека.

Наконец служба началась.

Впервые в жизни Алексей отстоял все Богослужение до конца. С непривычки болели спина и ноги и, глядя на божьих одуванчиков в цветастых платочках, стоявших недвижным монолитом, он изумлялся их выносливости и терпению. Он уже несколько раз входил и выходил из храма, скучал, переминаясь с ноги на ногу, то вдруг пытался заставить себя вникнуть в слова молитвы священника или поющего хора и раздражался от того, что ничего не может понять, кроме «Господи, помилуй». Но всему приходит конец. Заканчивалась и литургия. Народу в храме значительно поубавилось. К причастию выстроились, не считая семейства отца Николая, все те же старушки, да он с матерью. Ему стало вдруг почему-то обидно. А где же молодые? На дискотеках? Где мужчины? С бутылками в подворотне? Почему одни нищие жалкие старухи приходят к Господу? Он снова вспомнил чеченцев. О, у этих-то с мужчинами все в порядке, все как один — воины Аллаха. Где же воины Христа? Ему вдруг стало ужасно жаль Господа. Вот он висит на кресте и призывает всех: придите, едите, вот Тело Мое за вас ломимое во оставление грехов, вот Кровь Моя Нового Завета, за многих и за вас изливаемая во оставление грехов... Он, принесший для нашего спасения самую великую жертву Богу за всех, Он долготерпеливо ждет, Он тихо призывает... и кто же откликается на Его Божественный зов? Десять старух да случайно затесавшиеся в этом убогом месте они с матерью, он, ничего не смыслящий в вероучении церкви, ничего не знающий о вере своих отцов. Он, в сущности, наплевавший на своих святых предков...

Неожиданно для Алексея отец Николай заговорил по-русски. Алексей и не знал, что в церкви проповедуют, и стал внимательно слушать. Отец Николай говорил о том же, о чем, как ни странно, думал и Алексей. Что Бог-Спаситель явился в мир тихо и незаметно, и что ему сразу же не нашлось места в человеческом общежитии, родился Он в хлеву рядом с животными, и сразу же Его попытались убить (история с царем Иродом и вифлеемскими младенцами). Что спасение рода человеческого от греха и смерти для вечной жизни с Богом было предвечно предрешиено в совете Пресвятой Троицы, что Господь добровольно принес эту жертву ради любви к своему созданию — человеку. Что Господь всегда долготерпеливо ждет нашего покаяния, никому Себя не навязывая и только смиренно ожидая нашего добровольного к Нему обращения, свободной нашей любви и веры... и так далее. Более всего Алексея поразила мысль о том, что где Господь — там свобода. Он-то всегда думал, что наоборот, Бог — это ограничение, несвобода, запрет. И когда служба уже после проповеди и целования креста окончательно завершилась и они все вместе вернулись домой, Алексей, улучив минутку, спросил у батюшки: какая же это во Христе свобода, если

в церкви одни сплошные запреты. Батюшка улыбнулся и сказал: свобода во Христе есть свобода от рабства греху. Человек после грехопадения оказался настолько связан, поработен своими страстями, что много нужно слез, молитв и покаяния, чтобы хоть немного освободиться от их оков. Святым это удается.

— А что делать не святым? — спросил Алексей.

— Стремиться к святости. С Божьей помощью одолевать хотя бы самые грубые грехи. Господь сказал: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный». Вот цель для каждого христианина.

— Это невозможно... — прошептал Алексей.

— «Невозможное человеку возможно Богу», — снова ответил отец Николай евангельскими словами. — Все дело в нашей решимости.

— А почему наша решимость так легко направляется на грех и так трудно на то, чтобы быть с Богом, исполнять Его заповеди?

— Этому много причин, Алеша. Во-первых, современный человек не просвещен. Он не знает, где добро, а где зло. Более того, в наше время эти фундаментальные различия вообще смешались, вернее, их нарочно смешали. Так что первая причина — наше неведение. А вторая — наша общая человеческая падшая природа, порча, зараженность грехом. Еще апостол Павел сокрушался: бедный я человек! То, что не хочу, то делаю, а то, чего хочу, — того не делаю. Посему наша свободная воля и есть тот главный рычаг, благодаря которому мы можем выбирать: хотим ли мы жить по заповедям с Богом или предпочитаем...

— Отец, у нас все готово, ждем тебя, — обратилась к нему матушка. — Пойдем, Алеша, к столу, после договорите с батюшкой.

По случаю праздника и присутствия почти столичных гостей все принарядились. Даже круглолицая конопатенькая Нюша в новом, подаренном ей матушкой к Рождеству платье выглядела сегодня привлекательнее обычного. Она металась из кухни в общую комнату, заставляя стол скоромными закусками и горячим мясным, полыхая румянцем, каждый раз вспыхивая огнем, стоило ей взглянуть или случайно сойтись взглядами с Алексеем.

А он вдруг почему-то представил себе Маняшу и Леонида, гуляющими по Елисейским Полям, и ему стало не по себе. «Ревность — это зависть к чужому счастью, — сформулировал для себя Алексей. — Ну и пускай, — подумал он. — Взять да и нарочно жениться на такой Нюше — некрасивой, доброй и преданной, а что?..»

Перед трапезой родители и дети одаривали друг друга подарками. Галина и Алексей тоже получили подарки: Евангелие и копию украденной чудотворной иконы Старорусской Божией Матери.

Младших детей, накормив, отправили спать, взрослые тоже не засиживались за столом: праздник праздником, а завтрашних дел никто не отменял: с утра у батюшки отпевание, у матушки — хозяйство. В начале четвертого отправились на покой.

Галина и Алексей решили на другой день ехать.

* * *

Бывают времена, когда раствор зла в обыденной человеческой жизни становится столь густым, что сердце человеческое, живя в нем, каменеет. И, порой казалось Галине, не гуще ли этот замес сегодня, когда столь же невыносимое и невозможное для сердца человеческого зло

становится и возможным, и выносимым, и предела для этой «выносимости» уже кажется и не существует.

— Бог зла не сотворил... — вспоминала Галина разговор с отцом Николаем в Рождественскую ночь. — Зло есть следствие нашей свободной воли. Но отпавший от Бога человек почему-то всю ответственность за зло все равно возлагает на Господа. Это по меньшей мере странно. Это как все равно что насильник, истязавший и убивший жертву, после заявляет: не я виноват, кто-то другой или что-то другое, «среда заела», помните? Как в позапрошлом веке учили революционеры наши замечательные демократы, благие намерения которых вымостили для России дорогу известно куда... Или вот еще частый вопрос: почему Бог зло допускает?! Войны, страдания невинных детей и все прочее. Тоже очень любопытная игра ума... Я делаю безобразия, а отвечает за мои безобразия опять же почему-то Бог. В которого я, в принципе-то, даже вовсе и не верю, ибо если бы я верил, я бы этого безобразия не творил, имея страх Божий в душе... А тут, видите ли, вопро-о-с. Эдакое каиново вопрошание к небесам. Как Бог посмел! Почему Бог не обрубил мне руки, прежде чем я взял в эти руки топор и раскроил череп своему ближнему?.. Великая мысль, конечно... Да потому что ты, мил-человек, свободен!.. Тебе сказано: не убий. Не твори злое. А если делаешь сие по причине свободы, изволь отвечать... Мы не сознаем всей меры ответственности за полученный нами дар свободы, мы вообще по большей части живем бессознательно, яко твари бессловесные... Но тварь бессловесная пребывает в детерминированности, несвободе, с нее и спроса потому нет, а мы — образ и подобие... Другое дело, что и природа наша человеческая искажена первородным грехом... Тут ведь три воли действуют в нашем грешном мире: благая Божественная, злая сатанинская, а человек между ними — все время мечется, выбирает... Как Федор Михайлович справедливо заметил: Бог и дьявол борются, а поле битвы — сердце человеческое... да, лучше не скажешь... Много нынче соблазнов... «Надобно прийти соблазнам, — говорит Господь, — но горе тому, через кого входит соблазн в мир. Лучше бы тому человеку и на свет не родиться...» Вот ведь как жестко сказано. А сколько сейчас сеятелей соблазнов! У!.. Несть им числа. И в вашей, интеллигентской среде... Кому много дано — с того много и спросится... А что ж они творят эти журналисты-писатели-режиссеры, кому служат, почем продаются!.. Соблазнились люди золотым тельцом... Что там страна, народ, Родина — детей родных готовы продать, убить и растлить за деньги! Страшнее войны, страшнее голода идет сейчас растление душ... Когда это было — порок возводится в добродетель, грех превозносится и пропагандируется!..

— Все притчи евангельские, — продолжал отец Николай, — говорят о том, что Господь несправедлив, но милостив. Вспомните притчу о работниках, нанятых хозяином работать в винограднике в первом часу, во втором и так далее до одиннадцатого часа — посмотрите, все получили одинаковую плату, независимо от того, кто сколько потрудился. И те, кто потрудился больше, «справедливо» возроптали. Вспомните притчу о блудном сыне, когда отец встречает его, покаявшегося, с такою великой радостью и надевает перстень ему на палец, и дает лучшие одежды, и приказывает заколоть тельца для праздника в честь его возвращения, вызывая тем непонимание, ревность и зависть сына старшего. Я на тебя столько работал, а ты!.. Даже козленка ни разу для

меня и моих друзей не заколол и прочее. Почему такая зависть, и раздражение, и злоба? Потому что люди привыкли давать и получать награду по справедливости. Но справедливость — мера человеческая, у Бога — другая мера — любовь... А даже и великий старец Силуан, день и ночь плакавший о погибающем в грехах мире, и тот однажды искусился «несправедливостью» Бога, сказавшему ему: что ты плачешь, разве ты не знаешь, что Я спасу каждого, кто хоть однажды от всего сердца призовет Имя Мое? И великий старец Силуан вдруг возревновал, подобно тем виноградарям и тому старшему сыну. Как! Если все грешники так легко получают спасение, зачем же наши великие труды: пощения, молитвы и слезы? Если так просто уравнивается аскеза и грешная, в свое удовольствие жизнь, где справедливость?! Вот первая мысль, хоть и святого, но человека: где справедливость? Да... у Бога справедливости нет, есть непостижимая Божественная любовь и милость... И это многим трудно принять... «Не знаете, какого вы духа», — ответил Господь своим ученикам на их предложение свести с неба огонь на грешников, не принявших Христа... Потому что те, которые имеют в себе дух Христов, не могут желать гибели никому... Почему Господь говорит: мытари и блудницы идут впереди в царство небесное?.. Почему покаянная молитва грешного мытаря принимается более, чем «праведного» фарисея?.. И Господь отвечает Силуану удивительно. «Тех я только спасу, а вы будете моими друзьями». — Сказав это, отец Николай прослезился. — Удивительный ответ!.. Тех я только помиую, поскольку Бог есть любовь и зла не сотворил, а вы, те, кто ради любви ко Мне претерпели всю муку и страдания, и великий труд, и многие скорби, вы — самые близкие Мне, родные, вы друзья Мои... Вы представляете себе, что значит — быть другом самому Господу?!.. О!.. Как говорил батюшка Серафим: если бы люди знали, что значит быть с Богом в раю, они предпочли бы спасения ради всю свою земную жизнь провести в зловонной яме с поедающими их червями... да. Но мы — малoverы. Мы те, про кого сказано: в последние дни люди будут спасаться только скорбями и болезнями. И надо учиться благодарить Бога за все, паче же всего за болезни и скорби. Человеку трудно за скорби-то благодарить, человек, утративший рай, счастья жаждет, так сказать, онтологически, а только не хочет он, бедный и заплутавший, понять, и чем дальше, тем более не хочет, что счастья, а вернее блаженства, вне Господа нет и быть не может...

— Две тысячи лет силы сатанинские пытаются попортить орудие нашего спасения — Крест Христов и погубить христиан. Разными способами. И ересями, и расколами, и революциями... Вы скажете, а при чем здесь революции? А при том, что, разгромив христианские монархии и установив республики, к власти пришли те силы, которые и привели людей к «свободе» — от Христа и соблазнили их «правами человека» — для греха. То есть к тому, что заповеди Христовы вынесены теперь за скобки всех традиционных устоев общественной жизни, ее морали и нравственности. В спальне своей или на кухне ты можешь веровать во что желаешь, но на публике изволь быть толерантным, то есть не смей говорить об истине!.. Причем молчать предлагается почему-то только христианам. Попробуйте мусульманину закрыть рот, да он и палец тебе откусит и, между прочим, будет совершенно прав. А что мы читаем в Евангелии? «Кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда придет во славе Своей и Отца и святых Ангелов». И если «демократический» Запад стесняется

Христа и перестает быть христианским, он вскоре и сам перестанет быть. Ибо, христиане — по слову Господа — «соль земли», и «если соль потеряет свою силу, она будет годна только на поправление людям»...

— А что у нас в стране?... Предтечи антихриста распалили адский огонь, в пламени которого погибла вся великая матушка-Россия. Мы и понятия не имеем, каким был народ до несчастья... Наши недруги теперь, как пигмеи над великаном, как только не насмеваются над нами. Что ж... наша болезнь, наша боль им в радость и превозношение... пускай. И над Христом смеялись, и били по ланитам, и плевали в лицо... И над царем с царицею, над ангельскими их детьми... И что? Где теперь Царственные Мученики и где, прости, Господи, ульяновы-ленины?... Но если раньше надобно было как можно больше народа — носителей православного духа уничтожить физически, то теперь убивают духовно, растлевают и развращают едва успевшие народиться на свет Божий души... А Господь и об этом сказал: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить. Бойтесь того, кто может и душу и тело погубить в геенне». Сейчас все силы сатанинские ополчились на Россию... Потому что одни мы остались со Христом... Одни стоим у Креста Его на Голгофе. И сами, яко разбойники, на кресте страдаем. Но со Христом и воскреснем!.. Вот чего мир не может вместить. Они думают, расчленив Россию, присвоив ее богатства, поправ Крест Христов, станут наконец полными владыками мира. Слепые вожди слепых! И в расчлененном виде, на гноище и в рубище, там, «где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я посреди них», а где Господь, там и церковь, там и воскресение, и спасение, и жизнь вечная, аминь!..

ГОГОЛЬ КАК НАСТАВНИК ПИСАТЕЛЕЙ XXI века

Сегодня, когда мы отмечаем 200-летие со дня рождения великого Гоголя, со всей очевидностью вырисовывается его роль как учителя художников слова, как мудрого наставника писателей XXI века.

Прежде всего, автор «Миргорода» выступает как создатель незабываемых *характеров* и в своей «лепке» их оказывает неоценимую помощь сегодняшнему творцу новейших героев и персонажей. Вспомним, как выявляются все возможности, присущие Хоме Бруту в повести «Вий», как поворачивает писатель своего бурсака разными гранями характера, обнаруживая и его молодечество, и его мужество, и решимость, и страх, овладевший его душой, и его стоическое философствование. Обратим при этом внимание на то, как убедительно мотивирует автор гибель своего Хомя, этого весельчака и гуляку, который вроде бы не боялся ничего на свете, даже чертей и ведьм. Но перед церковным чтением наслушался Хома странных историй, возбудивших его воображение, почувствовал свою незащищенность и одиночество, не устоял перед искушением обещанного золота сотника и соблазном увидеть Вия, что и привело его к краху.

Воскресим в своей памяти эпизодический образ панночки, нарисованной в «Майской ночи» Гоголя. Обратим внимание на ту выразительность, с какой писатель передал ее внешнее очарование, ее загадочный облик: редкостную бледность, похожую на полотно, длинные и густые ресницы, полупущенные на глаза, неизъяснимо-трогательное звучание ее голоса, частые повторы просьбы, посулы всяческих наград, щедро переданных автором, ее грустный, сквозь слезы, рассказ о сво-

ей печальной судьбе, загадочные синие пятна на белой шее — следы железных когтей ведьмы-мачехи; чудно светящееся и сияющее лицо. Разумеется, это фольклорный образ, введенный к тому же в структуру повести-сказки. Конечно же, это видение, навеянное причудливым сном. Но заметим, какая сопровождает его изобразительная сила, пластичность, какая эмоциональная одухотворенность образа, вызывающего сердечное волнение парубка. И сам автор покорен таинственной красотой девушки и привносит в текст свои восклицания: «как чудна, как прекрасна!»¹.

Но в повести «Вий» возникает другой образ панночки, уже умершей, но не менее очаровательной. И когда философ Брут взглянул на нее, «трепет пробежал по его жилам, перед ним лежала красавица, какая когда-либо бывала на земле». Гоголь нашел какие-то удивительные краски для воссоздания образа этой внешне гармонической красоты. «Чело прекрасное, нежное, как снег, как серебро, казалось, мыслило; брови — ночь среди солнечного дня, тонкие, ровные <...>, щеки, пылавшие жаром тайных желаний; уста — рубины, готовые усмехнуться»². Правда, шел слух, что эта панночка зналась с нечистым, а старый Дорош был убежден даже, что «она была целая ведьма!». Впрочем, и сам Хома признал в ней ведьму, отчего горько заныла его душа. Тем не менее нарисованный Гоголем портрет умершей не утрачивает своей притягательности, красоты и пленительности. Такова сила словесного искусства художника.

Примечательно, что этот образ панночки по-своему воскресил современный писатель. Валерий Попов узнал

его в облике ослепительной красавицы, восседающей в Отделе культуры: снова «черные очи, сахарные зубы, алые губы»³, завораживающая улыбка и гортанный южный голос. Так и назвал Попов одну из глав блистательной повести «Грибники ходят с ножами» — «Панночка». Правда, рожденный фантазией Гоголя образ ныне претерпевает множество новых превращений и трансформаций: то она служит нянькой у академика Порай-Лошица, то рабочей в санатории «Волна», то учится студенткой университета, то оказывается инструктором обкома ВЛКСМ, то становится искусительницей в любви, то руководительницей творческой молодежи, едущей в Будапешт (где повествователь свободно гуляет, «как Хома Брут перед смертью»), то работницей издательства, а потом директором его, то цензором-рецензентом, наконец, «умом поехала, на религиозной почве». Так гоголевский образ обрел свою новую жизнь и метаморфозы, рожденные новой действительностью.

Свое новое существование получили и герои прославленного «Тараса Бульбы», когда в годы Великой Отечественной войны Борис Горбатов в повести «Непокоренные» воскресил в новых жизненных обстоятельствах семью старого Тараса. Правда, центральный герой произведения ныне носил иную фамилию — Яценко, и сыновей у него на этот раз не двое, а трое. К тому же в первой части повести Тарас стремится устраниваться от происходящего в городе, занятого гитлеровцами, повторяя фразу: «Нас это не касается». Но логика происходящего за пределами дома побуждает старого Тараса сформулировать новое требование: «Не покоряться!». Призывом к своим детям завершается первая часть произведения («Где же вы, сыновья мои? Где вы?»), и этот возглас отзывается в начале второй части, где прослежены судьбы и Тараса, и его сыновей — Степана, Андрея и Никифора. Повторение в произведении имен Тараса (Бульбы) и Андрея (Андрия) подчеркивает, что писатель воскрешает традиции на новой основе. Уместными оказались у

Б. Горбатова и романтическая патетика Гоголя, и прием контраста в обрисовке сыновей, и эстетика героического, и поэтика стилистических повторов. Правда, отдельные критики в 1943 году отказали писателю в праве использовать гоголевские реминисценции. Но включение интертекстуальных элементов в ткань повести «Непокоренных» только усилило выразительность повествования и оказалось вполне уместным. Сила горбатовских образов оказалась помноженной на драматизм и экспрессию гоголевских картин, дав прекрасный эффект.

Образ Тараса Бульбы, исключительно масштабный и емкий, эпический и героический по своей эстетической сути, может быть для современного художника слова примером воплощения положительного героя, воссозданного на фоне значительных по своему величию и драматизму исторических событий. При этом, рисуя смерть своего героя в пылающем костре, когда его распинают на стволе дерева, Гоголь ассоциирует образ с распятием Христа, обогащая повесть значимыми христианскими мотивами. Точно так же, изображая мученическую смерть Остапа, сопровождаемую терзаниями и пытками, писатель вкладывает в его уста обращение к далекому, но всевидящему Отцу: «Батько, где же ты? Слышишь ли ты?»⁴ И вновь рождается ассоциация с евангельским восклицанием Христа: «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?»⁵ Перед нами поучительные примеры сращения новейших художественных образов с христианской традицией, что представляется весьма актуальным в наши дни.

Создавая характеры, Гоголь всегда намеревался передать повторяющиеся, устойчивые внутренние свойства человека: его жизненные ценности, привычки, интересы, сочетая при этом индивидуальную определенность человека и типические черты его. Наделяя своих персонажей неповторимыми чертами, писатель обычно (исключая Чичикова) показывает их в статике,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

вполне сложившимися, укорененными в тогдашних социальных отношениях, передавая все многообразие хороших и особенно дурных, порочных свойств, детерминированных средой и действительностью.

При этом Гоголь стремится к созданию общезначимого, социально-исторического и вечного характера-типа. Таковы его Городничий и Хлестаков, Манилов и Плюшкин, Ноздрев и Собакевич. Гоголь учит воплощать в литературе такие типы, как Башмачкин или Держиморда, чьи имена с самого своего возникновения становились нарицательными. Их широкая обобщенность сочетается с редкостной оригинальностью. Этому служило постоянное наблюдение автора над встреченными характерами и ситуациями. Так, в основу недоразумения с Хлестаковым легли происшествия, случившиеся с ревизором в Устюжне, литератором П. Свиныным, с М. Глинкой, с А. Пушкиным, с кн. Шаховским, с Пашенко и другими. Гоголь предпочел вывести на сцену не авантюриста, не обманщика, не самозванца, не актерствующего игрока, не случайного проезжего, который не воспользовался ошибкой, и сделал акцент на непреднамеренности случившегося, возникшего на почве всеобщего страха. По словам К. Федина, Хлестаков «сделался непревзойденным эпитетом для всяческих свистунов, бахвальщиков, пустозвонов, не брезгающих и смошенничать и словчить»⁶. С Хлестаковым связано особое явление — *хлестаковщина*, проявления которой мы не раз наблюдали в XX и встречаем в XXI веке.

А. И. Герцен записал в дневнике 1843 года о деятелях из правительственных кругов: «Нет определенных воззрений, нет определенных целей, и вечный тип Хлестакова, повторяющийся от вольного писаря до царя»⁷. Много позже В. Г. Короленко в работе «Самозванцы гражданского ведомства» отметил: «История Хлестакова в тысячах живых снимков повторяется ежегодно, ежемесячно, чуть не ежедневно по лицу русской земли...»⁸

Политическую хлестаковщину высмеял писатель М. Кольцов в памфлете «Хлестаков у Гатчины»⁹. В 1959 году в журнале «Искусство» появилась карикатура Кукрыниксов «На дружеской ноге» (мотив и подпись взяты из «Ревизора»). В 1973 году в «Комсомольской правде» был напечатан фельетон «Новые похождения Хлестакова», где высмеивались показуха, очковительство, вранье, рожденные новыми временами¹⁰.

То же самое можно сказать о *маниловщине*. По словам Д. С. Лихачева, она была «в высшей степени свойственна высшему чиновничье-бюрократическому слою России <...> Гоголь изобразил маниловщину верхов через ее отражение в провинциальной среде»¹¹. Этому искусству воплощения подлинно типических характеров следует учиться писателям XXI столетия. Не лишним будет и дерзновение на создание вечных типов.

Гоголь является наставником писателей нового века и в области *сюжетостроения*. В своих произведениях различных периодов он намечает и реализует неодинаковую последовательность изображаемых событий. Чаще всего время в них линейно, и события передаются хроникально. Так, поэтическая «Сорочинская ярмарка» предваряется лирическим зачином, в котором изображена природа и торжествуют краски, звуки и пленительная нега. Появление сказочных персонажей (веселого парубка, чудесных красавиц-дивчин, злой мачехи и простоватого отца) определяет завязку действия. Далее следует его развитие, одним из центральных эпизодов становится «странное происшествие» с красной свиткой, а другим — любовная встреча Хиври, грозной сожительницы Черевика, с поповичем Афанасием Ивановичем. Это свидание проходит параллельно встрече Параски и Грицько. Радостной пляской Черевика и его дочери и счастливым сговором завершается повесть, за развязкой которой следует лаконичное лирическое заключение автора.

По-иному строится «Вечер накануне Ивана Купала». Центральной частью

повести становится быль, рассказанная дьячком и введенная в структуру произведения. Сюжет последнего соткан из украинских народных легенд и преданий о празднике Ивана Купала.

В «Ночи перед Рождеством» параллельно разворачиваются две сюжетные линии: одна повествует о фантастическом единоборстве кузнеца и черта, а другая строится как бытовая сказка о любовниках, заключенных в мешок. Но эти сюжетные линии время от времени пересекаются, поскольку кузнец приходится сыном Солохи, а она — истинная ведьма — ведет любовную игру с чертом. Благодаря такому сюжетостроению бытовое начало повести срастается со сказочным. Иначе и быть не может, ибо дело-то происходит в ночь под Рождество!

«Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» внешне тематически напоминает роман В. Т. Нарезного «Два Ивана, или Страсть к тяжбам». Однако Гоголь отказывается от сложной интриги авантюрного романа. Он строит сюжет на истории дружбы двух соседей-помещиков, характеры и облик которых резко контрастны, равно как и привычки, манеры, темпераменты обоих. Но стоит появиться самому незначительному спору о безделице, как два прежних друга превращаются в заядлых врагов, которые терзают и разоряют друг друга. Как отмечает А. М. Докусов, Гоголь показал себя в этой повести «блестящим мастером сюжета», который строится как будто бы на фактах, кажущихся «невероятными, анекдотическими», но по существу в основе сюжета лежит «злой дворянский гонор». «Все нарастающая напряженность и драматизм во многом достигаются чрезвычайным нагромождением событий»¹², которые на самом деле событиями, заслуживающими серьезного внимания, не являются. Поэтому самые незначительные факты, положенные в основу сюжета, раскрывают жалкие характеры, обитающие в застойном, патриархальном городе обывателей. Грустная концовка повести дополнительно обнажает пустоту и пошлость нелепо устроенной жизни.

Еще более оригинален и неповторим сюжет «Ревизора». Воспринятый цензурой как безобидный и забавный анекдот, сюжет комедии на самом деле носит социальный характер и отказывается от внешней занимательности. Любовная интрига отошла здесь на задний план, личные столкновения оказались не стоящими внимания, приезжий из столицы не является мошенником и плутом. Все внимание в сюжете перенесено на «отцов города», одержимых страхом, и это решительно перестроило привычный сюжетный ход пьес о ревизорах. Действие обрело внутреннюю динамичность и стремительность развития, и это несмотря на то, что сам «ревизор» не присутствует на сцене ни в I и ни в V актах. Гоголь освободил пьесу от экспозиции и сразу начал ее с завязки, создав последнюю одной фразой. Однако в пьесе, по-видимому, есть и вторая завязка — шестое явление, связанное с появлением Бобчинского и Добчинского (согласно мнению Н. Л. Степанова) и даже третья завязка, приходящаяся на II акт (суждение Е. Холодова). Что же касается экспозиции, то она — чудесным образом — следует здесь за завязками. Интрига из активной превращается в пассивную, ибо персонажи подчиняются обстоятельствам (точка зрения Ю. Манна). Развитие действия проходит сравнительно медленно и спокойно, пока «сороки короткохвостые» не внесли в жизнь города переполох. Кульминацией сюжета является сцена вранья (В. Кулешов). Другие исследователи полагают, что высшая точка сюжета приходится на прием Хлестаковым посетителей: здесь Хлестаков переживает свой апофеоз. Но с этим мнением не согласен Н. Степанов, усматривая кульминацию в V действии, в эпизоде торжества Городничего и сватовства Хлестакова. Поразительно, но и развязок в сюжете «Ревизора» тоже три. Сначала — кажущаяся развязка (отъезд Хлестакова), затем реальная (приход Почтмейстера) и, наконец, окончательная развязка — появление жандарма, после чего наступает гениальная «немая сцена», в ко-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

торой таится завязка нового, возможного действия. Как видим, сюжетостроение «Ревизора» обнаруживает редкостное мастерство Гоголя. Сколько в таком построении таится возможностей для современных авторов и в области драматургии, и в сфере прозы!

Вот рассказ Михаила Веллера «Ревизор», повествующий об инспекции в сумасшедшем доме. Трагикомизм ситуации состоит в том, что «дурдому для полноты счастья вечно не хватает только инспекции»¹³. Здесь за коротким предупреждением следует завязка (приезд инспектора), развитие действия (проверка пищеблока и ведомства сестры-хозяйки), сюжетный сдвиг, похожий на гоголевскую ситуацию (обед в приличном ресторане), новый сюжетный поворот (продолжение осмотра неутомимым инспектором, беседа с жалобщиками), кульминация (сбор средств) и неожиданная развязка (ревизор оказывается мнимым, бывшим психом). Немой сцены в рассказе нет, хотя на областной конференции психоневрологи держались за головы и лежали вповалку. Примечательно, что фабула Гоголя оказалась уместной в рассказе, но сюжет в нем принципиально иной, традиционный, поскольку ревизор оказался привычным плутом, давно промышляющим взятками и воровством, который давно уже на этом промысле построил «однокомнатный кооператив». Гениальное гоголевское сюжетостроение еще ждет своего художественного претворения и обогашения.

Гоголь ввел в русскую классику множество условных форм, значимых в его *фантастическом реализме*. То это карнавальное нарушение привычного устройства жизни в «Ночи перед Рождеством», когда неожиданно месяц пропадает с небесной сферы, кузнец Вакула совершает свой чудесный полет в поднебесье, звенят веселые колядки, нарушая привычный ритм обычного существования и внося в него хаос, предшествующий Рождеству. То это безудержная фантастика «Вия» с пребыванием человека в магическом

кругу перед зрелищем ужасного. То это загадочные превращения в повести «Портрет» и таинственное отмщение покойного Башмачкина своим притеснителям. То это чудесный гротеск «Носа», когда майор Ковалев лишается своей законной и значимой принадлежности физиономии, а некий Нос, метонимически отделившись от своего носителя, становится чиновником, служащим по ученой части и наделенным чином чуть ниже генеральского. И возникают приключения гротескной фигуры в отнюдь не романтическом, даже низменном мире, носящем абсурдный характер. Наконец, это фантастическое по своей видимости приобретение Чичиковым покойников, осуществляемое в процессе сделки с истинными «мертвыми душами» небокочитителей.

Этот фантастический реализм Гоголя может быть удачно использован современными художниками слова. Более того, он успешно уже претворяется в нашей прозе. Достаточно вспомнить роман-пунктир А. Битова «Улетающий Монахов» с присущим его герою ощущением призрачности своего существования. Или упомянем значительный в творчестве А. Битова «Пушкинский дом», этот «петербургский роман», где действуют двойники и происходят чудесные приключения автора «Трех пророков». Можно обратить внимание и на замечательную повесть Михаила Кураева «Капитан Дикштейн», герой которого выглядит оборотнем и — по аналогии с Чичиковым и Хлестаковым — выдает себя не за чубатого кочегара с мятежного кронштадтского линкора, а за некоего Игоря Ивановича Дикштейна. Не случайно жанр этой книги определен как «фантастическое повествование», которому предпослан эпиграф из гоголевских «Мертвых душ» («Зато какая глушь и какой закоулок!»). Не зря таким притягательным кажется герою сон, «где жизнь была не менее причудливой, чем та, что досталась ему наяву»¹⁴.

Автор «Ревизора», «Женихов» и «Мертвых душ» является наставником

писателей XXI века и в сфере *комического*, будучи признанным гением смеха. В ранних «Вечерах на хуторе близ Диканьки» у Н. В. Гоголя передана такая атмосфера жизни, в которой царит безудержное веселье. Здесь много смешных положений, анекдотических ситуаций, шуток, фарсовых эпизодов. Вот попович, спрятанный Хиврей, с грохотом низвергается на пол, и перепуганные гости прячутся не только в печку, но и под женский подол. А Черевик с испугу несется, надев на голову вместо шапки горшок. Таков элементарный, верхний слой *комического*. Но уже в «Вечерах...» вместе со смехом начинают звучать интонации грусти. Это оттого, что рядом с исполненными здоровья парубками появляются черты, ведьмы и прочая нечистая сила, олицетворяющая злое начало жизни. Кроме того, в рассказе о Шпоньке и его тетушке удручают утробные интересы владельцев хутора, и это тоже привносит чувство грусти.

Когда же писатель переходит к повестям «Миргорода» и «Петербургским повестям», в комическом мире автора начинает преобладать юмор в особом, гоголевском его понимании. Белинский определил этот юмор как «комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния»¹⁵.

Изображение чиновничьей жизни обостряет комизм гоголевских произведений, ибо она, по словам того же критика, таит в себе «окиян-море комического»¹⁶. Здесь основной краской на гоголевской палитре становятся *ирония* и *сарказм*. Не случайно Гоголь просил исполнителей «Ревизора», «Женитьбы» и «Игроков» не стремиться заранее делать свои роли и ситуации уморительными. Румынский писатель Ливиу Ребряну говорил о «Ревизоре»: «Смех у него с привкусом горечи. Чем громче мы смеемся, тем больше отдаем себе отчет, что нужно смеяться громко, для того чтобы не плакать»¹⁷.

В пору обращения к «Мертвым душам» доминантой в сфере комического у Гоголя становится *сатира*, протекающая из сознания противоречиво-

сти официального положения, притязаний — и деятельности, реальной значимости помещиков-существователей, каждому из которых отдана специальная глава поэмы. В подобном же сатирическом свете изображен и Чичиков. И Гоголь акцентирует внимание не на смешном, а на страшном, не на благообразном, а на мерзком, стремясь пригвоздить «подлеца». Здесь уместными оказывались гипербола и гротеск, приемы овеществления и опредмечивания. При этом психологизма писатель сознательно избегает, поскольку у «мертвых» нет душ и, значит, психической жизни. Однако сатира адресовалась и к зрителям, и к читателям гоголевских времен. Удачно определил этот феномен Акакий Церетели в стихах о Гоголе:

Поэт, мечтатель и задира,
Смеясь, он слезы проливал,
Писал он на слепых сатиры,
И высмеянный прозревал¹⁸.

И опять-таки этот комический мир Гоголя поучителен для писателей нового столетия. Наследников его сатиры уже немало, а век хапуг и рвачей дает для нее богатейший материал. Так, Н.Эрдман в своей недавно возвращенной из небытия сатирической комедии «Мандат» выводит ловкого приспособленца к новым временам Павла Гулячкина, который восклицает: «Лавировать, маменька, надобно, лавировать. Вы на меня не смотрите, что я гимназии не кончил, я всю эту революцию насквозь вижу». В очерке В. Полякова «Наши знакомые (Почти по Гоголю)» автор дает слово незабываемому Хлестакову сегодняшних дней: «Басню “Лиса и Бобер” знаете? Моя идея. Что? Точно. Михалкова. Лиса — Михалкова, Бобер — мой. “Двенадцать стульев” знаете? Три стула — мои. Я и сам тоже люблю пописывать, но больше под псевдонимами... Вера Панова — я, братья Тур — тоже я... Иногда полностью подписываюсь “Корней Чуковский”, а иногда сокращенно — “Корнейчук”».

А вот слово получает Манилов: «Федор Петрович, неужели не знаете? Не

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

человек, а солнышко... майский день... именины сердца. Я взял его на работу, назначил начфинком, а он унес двадцать пять тысяч. Ну, кто бы мог подумать! Очаровательный человек, чужой копейки не возьмет, а государственные взял...»¹⁹

В повести «Колесо фортуны» Е. Шатько рисует подпольный парк вращающихся колес, на которые накручиваются какие-то ленты судеб каждого человека с необходимыми базовыми данными и прорицаниями. «Останавливать нельзя — главное вращение сбой дает! У нас синхрон! Обратная связь. Инварианты! Гены! Плазмы!»

В юмористической повести «Вещественные доказательства» М. Семенова не люди, а вещи рассказывают о действиях шайки взятчиков и хапуг.

Сатирическая повесть Ю. Алексеева «Бега» изображает газетчиков и кинодеятелей провинциального городка, сращенных с торгашами, ворочающих большими деньгами. Связующим звеном между искусством и бытом является Гурий Белявский, весьма динамичный, оборотистый и преуспевающий. Он многолик, как Хлестаков: он и корреспондент газеты «Художественные промыслы», и консультант по бегу и реквизиту в киногруппе «Держись, геолог», и гранильщик столичного асфальта. Он состоял в елочной комиссии Дома композиторов и отдыхал в лечебнице тяжких травм под Хостой. Он — во всем, он — везде, ну как незабвенный Иван Александрович!

Как видим, многие строки авторов «вооружены» гоголевской сатирой. Двадцать первый век дает для продолжения традиций Гоголя еще больше свежего материала. С высоты памятника на Малой Конюшенной в Петербурге великий мастер смеха, бытописатель будничной жизни, творец нового эпоса и высокой общественной комедии, историк прошлого и зоркий провидец будущего смотрит на своих

продолжателей и окрыляет их верой в достойное будущее нашей словесности в наступившем XXI веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 6 т. М.: Гослитиздат, 1950. Т. 1. С. 74.
2. Там же. Т. 2. С. 166, 167.
3. Попов В. Комар живет, пока поет: Повести. М.: Эксмо, 2006. С. 209.
4. Гоголь Н. В. Указ. соч. Т. 2. С. 139.
5. Мф. 27: 46.
6. Федин К. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худ. лит-ра, 1973. Т. 9. С. 18.
7. Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем: В 22 т. / Под ред. М. К. Лемке. Пг.: ГИС, 1919–1925. Т. 3. С. 97.
8. Короленко В. Г. Полн. собр. соч.: В 51 т. (не закончено). Харьков, 1922–1929. Т. 3. С. 363.
9. Кольцов М. Изб. произв.: В 3 т. М., 1957. Т. 1. С. 181–185.
10. См.: Роговер Е. С. Русские драматурги XIX века: Пособие для абитуриентов. — СПб.: Образование, 1996. Вып. 1. С. 64.
11. Лихачев Д. С. Социальные корни типа Манилова // Проблемы теории и истории литературы. М.: МГУ, 1971. С. 297–308.
12. Докусов А. М. Мастерство сюжета Н. В. Гоголя в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» // Там же. С. 283.
13. Веллер М. Ревизор // М. Веллер. Легенды Невского проспекта. СПб.: Пароль, 2003. С. 312–320.
14. Кураев М. Капитан Дикштейн // М. Кураев. Питерская Атлантида. СПб.: Лениздат, 1999. С. 142.
15. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: АН СССР, 1953–1959. Т. I. С. 284.
16. Там же. Т. IV. С. 331.
17. См.: Русская литература. 1959. № 2. С. 198.
18. Церетели А. Лирика. М.: Худ. лит. 1965. С. 124.
19. Поляков В. Наши знакомые (Почти по Гоголю) // В. Поляков. Смеяться, право, не грешно: фельетоны, монологи, маленькие пьесы. М., 1953. С. 74–81.

Ирина Волкова-Китаина

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ЖИТЕЙСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

(И. С. Тургенев. *Сочинения: В 15 т. М.; Л.: Наука, 1967. Т. 14. С. 64–85*)

Г О Г О Л Ъ

Меня свел к Гоголю покойный Михаил Семенович Щепкин. Помню день нашего посещения: 20 октября 1851 года. Гоголь жил тогда в Москве, на Никитской, в доме Талызина, у графа Толстого. Мы приехали к нему в час пополудни; он немедленно нас принял. Комната его находилась возле сеней направо. Мы вошли в нее — и я увидел Гоголя, стоявшего перед конторкой с пером в руке. Он был одет в темное пальто, зеленый бархатный жилет и коричневые панталоны. За неделю до этого я видел его в театре, на представлении «Ревизора»; он сидел в ложе бельэтажа, около самой двери — и, втянув голову, с нервическим беспокойством поглядывал на сцену, через плечи двух дюжих дам, служивших ему защитой от любопытства публики.

* * *

Увидев нас со Щепкиным, он с веселым видом пошел к нам навстречу и, пожав мне руку, промолвил: «Нам давно следовало быть знакомыми». Мы сели. Я рядом с ним на широком диване; Михаил Семенович на креслах возле него. Я пристально вгляделся в его черты. Его белокурые волосы, которые от висков падали прямо, как обыкновенно у казаков, сохранили еще цвет молодости, но уже заметно поредели; от его покато́го, гладкого, белого лба по-прежнему так и веяло умом... Помнится, мы с Михаилом Семеновичем ехали к нему как к необыкновенному, гениальному человеку, у которого что-то тронулось в голове... вся

Москва была о нем такого мнения. Михаил Семенович предупредил меня, что с ним не следует говорить о продолжении «Мертвых душ», об этой второй части, над которою он так упорно трудился и которую, как известно, сжег перед смертью... Впрочем, я и не готовился ни к какой беседе — а просто жаждал видиться с человеком, творения которого я чуть не знал наизусть.

Дня через два проходило чтение «Ревизора» в одной из зал того дома, где проживал Гоголь... Я выпросил позволение присутствовать на этом чтении. К великому моему удивлению, далеко не все актеры, участвовавшие в «Ревизоре», явились на приглашение Гоголя; им показалось обидным, что их словно хотят учить! Ни одной актрисы также не приехало. Сколько я мог заметить, Гоголя огорчил этот неохотный и слабый отзыв на его предложение... Известно, до какой степени он скупился на подобные милости. Лицо его приняло выражение угрюмое и холодное; глаза подозрительно насторожились. В тот день он смотрел точно больным человеком. Он принялся читать — и понемногу оживился. Щеки покрылись легкой краской, глаза расширились и просветлели. Читал Гоголь превосходно... Я слушал его тогда в первый и последний раз.

* * *

В последних числах февраля месяца следующего 1852 года я находился на одном утреннем заседании... — и вдруг заметил И. И. Панаева, который

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

с судорожной поспешностью перебегал от одного лица к другому, очевидно, сообщая каждому из них неожиданное и невеселое известие, ибо у каждого лицо тотчас выражало удивление и печаль. Панаев, наконец, подбежал и ко мне... промолвив: «Гоголь помер в Москве».

Уже после того, как я дописывал по этому событию последнюю строку, я вспомнил, что первое-то мое свидание с Гоголем происходило гораздо раньше, чем я сказал вначале. А именно: я был одним из его слушателей в 1835 году, когда он преподавал (!) историю в Санкт-Петербургском университете. Это преподавание, правду сказать, происходило оригинальным образом. Во-первых, даже когда он появлялся на кафедре, — он не говорил, а шептал что-то весьма несвязное, показывал нам маленькие гравюры на стали, изображавшие виды Палестины и других восточных стран, и все время ужас-

но конфузился. Мы все были убеждены (и едва ли мы ошибались), что он ничего не смыслит в истории — и что г. Гоголь-Яновский, наш профессор (он так именовался в расписании лекций), не имеет ничего общего с писателем Гоголем, уже известным нам как автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки». На выпускном экзамене из своего предмета он сидел, повязанный платком, якобы от зубной боли — с совершенно убийственной физиономией — и не разевал рта. Спрашивал студентов за него профессор И. П. Шульгин. Как теперь вижу его худую длинноностую фигуру с двумя высоко торчавшими — в виде ушей — концами черного шелкового платка. Нет сомнения, что он сам хорошо понимал весь комизм своего положения: он в том же году подал в отставку... Он был рожден для того, чтоб быть наставником своих современников, но только не с кафедры.

Владимир Василик

К ВОПРОСУ О КАНОНИЗАЦИИ ИОАННА ГРОЗНОГО

Мы действительно живем в Смутное время. Лишним доказательством этого является заглавие данной статьи. Что было невозможным ни в царствование Феодора Иоанновича, ни во времена Алексея Михайловича, ни при Александре III, ни в правление последнего царя св. страстотерпца императора Николая — в лучшие времена Святой Руси и императорской России, — теперь пресерьезно обсуждается в наше бесцарственное, демократическое и свободомысленное время. Может быть, тогда этот вопрос не мог вставать потому, что тогда действительно был царь на престоле и царь в голове, а сейчас этого нет? Из-за Иоанна Грозного находится под угрозой единство Церкви, его сторонников называют раскольниками, а те не остаются в долгу, называя своих противников русофобами и цареборцами. Если бы среди православных царствовало подлинно церковное сознание и проистекающее из него согласие, то было бы ясно: Грозного канонизовать нельзя хотя бы ради церковного мира, как «знамение пререкаемое», тем более существуют сотни куда более бесспорных кандидатур для канонизации как из древних, так, в особенности, недавних подвижников благочестия, исповедников, мучеников за веру. Вспомним, почему афонские отцы отказывались канонизировать св. Силуана Афонского: «Таких, как он, у нас десятки. Если канонизировать его, то надо прославлять всех их». Еще ждут своего прославления митр. Гурий (Егоров), о. Николай (Гурьянов), воин Евгений (Родионов) и многие другие. Между тем известные круги настырно проталкивают для канонизации, мягко говоря, более чем спорную фигуру. Возникает законный вопрос: что ими движет — ревность к благочестию или непонятные политические мотивы?

Как известно, основанием для канонизации, согласно церковно-каноническим правилам, служат: нетление мощей, мироточения от них, чудеса и исцеления или пред мощами, или по молитве к святому, но прежде всего — его праведная жизнь. Начнем с нетления. В советское время гробница Иоанна Грозного вскрывалась и, как известно, М. М. Герасимов восстановил по черепу прижизненный портрет царя. Никаких следов нетления мощей экспертами обнаружено не было. Также не засвидетельствовано мироточения от них; насколько известно, комиссией по канонизации не установлено никаких фактов чудотворений ни от мощей Иоанна Грозного, ни по молитвам к нему. Если прославлению последнего царя предшествовали многочисленные факты его чудесной помощи и представительства, то ничего подобного с Грозным мы не наблюдаем.

Что касается сообщений о мироточении от самочинно написанных икон Иоанна Грозного, то они ничем не доказаны и комиссией по канонизации даже не рассматривались.

Защитники канонизации приводят следующий аргумент: нимб на царском изображении в Грановитой палате. Но подобная аргументация являет лишь их искусствоведческое невежество: в византийской и древнерусской традиции нимб мог равно обозначать и сияние святости, и блистание царской власти, к святости не обязывающей. Если следовать такой логике, то надо срочно канонизировать императора Василия Болгаробойцу (†1025), ослепителя 14 000 болгар (кстати, православных), потому что он на одной из миниатюр изображен с нимбом.

Тем не менее главным основанием канонизации становится сама жизнь святого. Для того чтобы ее анализировать с точки зрения святости, необхо-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

димом разобраться с источниками. Историческая справедливость требует признать, что дела с ними обстоят не так просто. Действительно, есть серьезные основания подозревать в тенденциозности и переделках «Историю царя Ивана Васильевича» князя Андрея Курбского — талантливого полководца, советника Грозного, члена Избранной Рады, затем — перебежчика, изменника и предателя, при этом все-таки борца против латинской ереси и защитника православия на Западной Руси. Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов провокаторскую деятельность Курбского, которую признают современные историки. «Грозный при всем своем видимом могуществе ничего не мог поделать с эмигрантом Курбским, тогда как беглый боярин, используя подозрительность царя, не раз подталкивал его к действиям, которые несли гибель тысячам его подданных и подрывали военную мощь Руси». Естественно, его «Историю» необходимо прочитывать в контексте информационной войны. Однако при сравнении с другими документами в его сообщениях зачастую удается вычленить зерно исторической истины. Так, его сообщение о мученической кончине митрополита Филиппа в общем соответствует житийной канве и летописным повествованиям, хотя он и добавляет маловероятный факт, что будто бы митрополит угрожал царю и опричникам проклятием. Конечно, Курбский не упускает случая дополнительно очернить ненавидимого и преданного им царя, но при этом он все-таки пользуется подлинной фактической основой, временами ретушируя ее.

Безусловно тенденциозными являются памфлеты иностранцев, служивших в опричнине, — Таубе, Крузе и Штадена, но тогда у патриотически настроенного человека возникает вопрос: если опричнина являлась своеобразной спецслужбой средневековой России, то что в ней делали иностранцы, как и для чего они туда попали? Ответ ясен из плодов деятельности вышеупомянутых личностей: вначале они убивали и грабили русских людей, а потом их же и оклеветали вместе с

царем, взявшим их на службу, которому Таубе и Крузе изменили в 1571 г., подняв мятеж, то есть являлись и убийцами и провокаторами. Но тогда неминуемо возникает вопрос о духовном состоянии царя, который привлекает таких приближенных: «Скажи мне, кто твой слуга, и я скажу, кто ты». По крайней мере, на святость, которая все-таки подразумевает прозорливость, это не тянет. В свете памфлетов Таубе и Крузе также неминуемо встает вопрос о действительном состоянии любимого детища царя Иоанна IV — опричнины, в которой могли столь удачно действовать подобные авантюристы и провокаторы и которая успешно использовалась для дискредитации России за рубежом, следовательно, для ее дипломатической изоляции и военного поражения. Однако мемуары иностранцев также могут быть верифицированы более достоверными документами, в частности синодиком. Так, иностранец Шлихтинг говорит о казнях жен и детей казненных новгородцев числом до 80 человек. Синодик подтверждает его сведения (см. ниже).

Другой пример: Таубе и Крузе сообщают о сопротивлении татар опричникам в Торжковской темнице, когда пришлось вызывать стрельцов и расстреливать их. В синодике содержится лаконичная запись: «отделано из пищалей 15 человек».

Имеются также русские источники — во-первых, летописи эпохи Грозного. Прежде всего, поражает их скудость. Эпоха Иоанна IV явилась упадочной для русского летописания, дошедшие до нас официальные летописные памятники 1564—1568 гг. разительно отличаются от предшествующей эпохи, на них чувствуется жесткая рука внешней и внутренней цензуры. После 1568 г. официальное летописание вообще прекращается. От него значительно отличается Псковский летописец первой редакции, составленный при участии священномученика Корнилия и старца Вассиана, правдиво передающий атмосферу всеобщего страха и ожидания беды. Новгородская вторая и третья летописи при всех недостатках и внутренней цензуре дают нам ценнейшие свидетельства об оп-

ричном разорении Новгорода после его погрома в 1570 г.

Более поздние памятники — летописи начала XVII в., в частности Московский летописец, Пискаревский летописец, при некоторых преувеличениях дают в общем правдивую картину русской жизни — картину террора и разорения. По оценке Пискаревского летописца, опричнина была введена «по злых людей совету» и явилась «наказанием за наши грехи».

Однако наиболее важен для нас синодик опальных, который по приказу Иоанна Грозного был написан после 1581 г., после гибели его сына Ивана Ивановича, и разослан для поминовения всех казненных в наиболее крупные монастыри. Страшен этот мартиролог. Он составлялся на основе отчетных данных — «сказок» опричников. Сквозь церковный язык то и дело проскальзывает сыскной и пыточный жаргон: постоянно встречается типичное выражение «отделано». Большая часть жертв — безымянны, часто указывается лишь количество убитых, например: «по скаске Малюты отделано в Новгороде 1490 человек». Анонимность говорит только об одном: эти лица были убиты без всякого подобия какой бы то ни было юридической процедуры, это были даже не казни (казнь предполагает суд), это были убийства, совершавшиеся с особой жестокостью: в синодике постоянно упоминается об отсечении рук, а в одном месте говорится, что 26 человек «ручным усечением живот свой скончаша». По сталинским учебникам и статьям апологетов Грозного может создаться убеждение, что он казнил бояр и князей, на самом деле это далеко не так, в синодике проходит вся Россия: тут игумены и иноки, протопопы, серебряники, пушкарри, огородники, рыбаки, повара, а большая часть упомянутых лишь цифрами, по-видимому, просто крестьяне (о многих сказано «отделано в селах») или посадские люди.

Защитники Иоанна Грозного укажут, что число казненных и убитых составляет не более четырех тысяч, в то время как в средневековой Англии только за бродяжничество в XVI в. было повешено около 90 000 человек. Одна-

ко и четыре тысячи человек для двенадцатимиллионной Московской Руси конца XVI в. — не малая цифра; переводя на наши реалии, это почти 50 000 человек, для наших времен (как и для московских) это — население небольшого города. Истреблялись целые семьи, под корень — с детьми и внуками. Приведем хотя бы несколько примеров. «Петра Блеклово з женою да снохою, да со внуком». «Хозю Тютину з женою да пять детей». «Ивана Выродкова и детей его, Василия, Никиту, дочь его Марью, Алексея, да два внука, да Ивановых братьев Дмитрия, Ивана (всего — 9 человек)». Особенно страшно читать список казненных членов семей опальных новгородцев: «Анфимию (княже Андрееву жену Тулупова), Анну дочь его, Анфимью Румянцова с сыном — Алексия и три дочери, Прасковью, Анну, Орину». Спросим свою христианскую совесть: как мы отнесемся к гибели этих совершенно невиновных православных христиан и христианок, большей частью — детей, часто — младенцев? Будем ли мы измышлять им небытные вины и измены, чтобы спасти святость Грозного? Или просто отмахнемся привычным советским: «Лес рубят — щепки летят»? Не напоминает ли вам, уважаемый читатель, царь Иван Васильевич другого царя — детоубийцу Ирода? Важно и то, что Грозный возрождал давно забытый в христианском обществе языческий и ветхозаветный принцип коллективной ответственности и кровной мести и таким образом уподоблялся кровомстителю Ламеху, мстившему за свои обиды в семьдесят раз всемеро (Быт. 4:24).

Из защитников канонизации Грозного никто не задумывался над следующими фактом: почему он, единственный из русских великих князей и царей, решил составить особый синодик из имен опальных и казненных? Известно, что многие князья и цари (в том числе и святые) приговаривали к смерти своих подданных, но почему только Ивану Васильевичу пришлось в голову за них специально молиться? Почему св. Александр Невский не поминал за упокой изменников-чудь или псковичей, повешенных им, или ос-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

лепленных мятежных новгородцев? Почему св. Дмитрий Донской не жертвовал на помин души Некомата и Ивана, казненных по его указу в 1377 г.? Почему ни Иван III, ни Василий III не велели служить панихид о казненных ими боярах? Не указывает ли сам факт синодика на большую совесть Грозного и тем самым — на факт несправедного убийства помянутых в нем? Более того, известно, что многие из казненных Грозным отличались благочестием и достойным образом христианской жизни; так, князь Михайло Репнин не мог потерпеть попраiania образа Божия — плясания в дьявольских личинах — и за это был убит, и таким образом явился мучеником за благочестие. Приведем другой пример — князь Дмитрий Шевырев был посажен на кол и пел канон Иисусу. Не целесообразнее ли тогда с подлинно церковной точки зрения поставить вопрос о канонизации жертв террора Грозного, разумеется, не всех (среди них были разные люди, в том числе организаторы и вдохновители опричного террора), но достойных того?

Для характеристики личности Иоанна Грозного следует напомнить, что он неоднократно лично участвовал в пытках и казнях. Так, он лично заколол своего конюшего Ивана Федорова, предварительно заставив его надеть царские одежды и сесть на трон. Во время пыток спасителя Москвы боярина Михаила Воротынского он своим железом подгребал под него уголья. При избиении изборских военнопленных в 1575 г. он самолично участвовал в убийствах. При этом царь вовсе не был воинственен и смел, еще в своем первом послании Курбскому он жаловался: «аки пленника всадив в судно, вы повезли меня од Казань», а в 1580 г. отказался принять вызов на поединок со стороны Стефана Батория. Пусть читатель судит сам, насколько человек с такими нравственными качествами достоин канонизации.

Что касается якобы малого количества жертв, то необходимо помнить, что четыре тысячи казненных — это лишь верхушка айсберга тех жертв, которые понесла Россия в правление Грозного, в немалой степени — по его

вине. Его правление в начале семидесятих годов ознаменовалось небывалым голодом, охватившим, как минимум, 28 городов Новгородской и Тверской земли. Правительство не принимало против голода никаких мер. По свидетельству Штадена, «у царя по дворам в его подклетных селлах, доставлявших содержание дворцу, стояло много тысяч скирд необмолоченного хлеба в снопах, но и он не хотел продавать его для своих подданных». У нас нет никаких оснований сомневаться в свидетельстве Штадена: если бы правительство взяло меры, летописи и писцовые книги не пестрели бы сообщениями о голоде, разорении и запустении.

Про Бориса Годунова можно сказать много нехорошего: и вероятный убийца царевича Димитрия, и гонитель бояр, и «зять палача и сам в душе палач», но даже он в аналогичной ситуации 1603 г. сделал все возможное, чтобы облегчить народные страдания, и первым делом он бесплатно раздал все дворцовые запасы. Возникает законный вопрос: возможно ли канонизировать Иоанна Грозного, если он не выдерживает сравнения с далеко не святым Борисом Годуновым в ключевом для святости моменте — милосердии, конкретно — помощи голодающим (что для правителя является также государственным долгом)? Читатель, знающий Евангелие, может сам догадаться, где место тем, к кому обращены слова Спасителя: «Голоден был и не накормили меня» (Мф. 25:42).

А вот свидетельства о нищелюбии Грозного. Во время лютого голода 1570 г. многие голодные в отчаянии решились искать убежища в Новгороде, где был царь. Отметим, многие из них были разорены опричниками. Иван Грозный решил вывести в городе бродяжничество и приказал выгнать всех нищих за ворота. Большая часть этих несчастных погибла от голода и холода.

После голода и во многом благодаря ему в 1570 г. пришла чума. Именно большая смертность от чумы способствовала появлению в летописях преувеличенных цифр новгородского погрома — 60 000 человек: в народном сознании новгородские казни и чума слились в некоем ужасающем един-

стве. Справедливости ради отметим: опричные власти активно боролись с чумой следующим образом, мягко говоря, не очень православным. Дома, в которых умирал от чумы (или, как говорили, от «знамения») хотя бы один человек, немедленно заколачивались и с мертвецом замуровывали всю семью. Через окошко вся улица кормила обреченных на смерть. Священникам запрещалось исповедовать заболевших чумой, а в случае послушания их сжигали «с теми же людьми з больными». Пусть читатель сам спрашивает свою совесть, насколько это совместимо с понятиями о святости или даже простой человечности. Наш долг лишь подчеркнуть, что источник этого сообщения — наш родной, русский (Новгородская летопись), не злонамеренные инсинуации злохулильных иностранцев, и Иоанн Грозный не мог не знать о характере таких мер хотя бы в силу установленного им жесткого порядка.

Помимо человеческих потерь следует выделить чудовищные нравственные потери. Традиция частых, а особенно массовых, казней для Руси в отличие от западного и мусульманского мира до Грозного не была характерна: Сигизмунд Гербенштейн особо отмечает, что москвитяне казнят редко и неохотно. Массовые казни, беззакония деформировали русский характер, внедрились в него жестокость, своекорыстие и во многом подготовили трагедию Смутного времени.

Естественно, святой должен быть верным сыном Церкви, почитать ее служителей, благоговеть пред ее святыней. Между тем только по синодику устанавливаются имена двенадцати священнослужителей и монашествующих, казненных в его время. Казнь или убийство священномученика Корнилия — вне сомнений: его имя содержится в синодике. Что касается убийства св. митрополита Московского Филиппа (Колычева), то его имя отсутствует в синодике по вполне понятной причине: царь не мог отказаться от официальной версии его смерти от угара. Однако Псковская летопись и житие св. Филиппа донесли до нас правдивый рассказ о его убийстве. Святитель Филипп был задушен Малю-

той Скуратовым за нежелание благословить царя на неправедный карательный поход на Новгород. А вот как Грозный и его слуги относились к церковной святыне: в Новгороде «кромешники» дочиста обирали церкви. В Вишерском монастыре опричники в поисках сокровищ разломали раку св. Саввы Вишерского.

Самое главное, Иоанн Грозный как носитель русского начала, хранитель Святой Руси — публицистический миф. На самом деле по своим действиям он типичный западный абсолютистский государь, строивший свое поведение по стандартам макиавеллизма и политического театра. Как иначе объяснить его картинный отъезд в Александрову Слободу, затем разделение страны на два лагеря (исконный макиавеллистский принцип «разделяй и властвуй»), натравливание одних сословий на других (в противоположность исконным древнерусским принципам социального мира и единства), ряд провокаций (например, письма якобы от короля Сигизмунда виднейшим московским боярам с предложением перейти на польскую службу, переодевание конюшего Ивана Федорова в царские одежды и т. д.)?

Характерно и то, что героя обороны Москвы в 1572 г. Михаила Воротынского он запытал до смерти, а управление земщиной вверил бездарному князю Мстиславскому, против которого сфабриковал дело о связях с крымским ханом и, более того, заставил его признаться в измене. Это — типичный макиавеллистский прием: уничтожать сильных и чистых, а управлять слабыми и замаранными.

Грозный вполне впитал в себя западные абсолютистские идеалы. В его публицистике — письмах Курбскому на чисто отсутствует идея ответственности правителя не только перед людьми и законами, но и пред Богом. Основная максима его — «холопей своих жаловать вольны, а и казнить вольны» практически ничем не отличается от высказывания Людовика XIV «Государство — это я».

Его устройство опричнины во многом ориентировано на западные стандарты: как отмечали историки, «кро-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

мешники» напоминают швейцарскую гвардию Людовика XI или «сорок пять» Карла Валуа. Даже внешняя деталь — собачьи головы — связана с доминиканским орден: доминиканцы полушутя-полусерьезно называли себя *Domini cani* — «псы Господни». Это не случайно, поскольку причина и мыслилась как некий религиозный духовно-военный орден — замкнутый в себе (опричники обязывались не водить с земщиной хлеба-соли) и совмещающий духовную жизнь (монастырские бдения) с военной службой (карательные набеги на собственную землю). Отметим, как Иван IV хранил заветы предков, верность православному образу жизни и святости. Если св. Александр Невский бил Тевтонский орден и его «псов-рыцарей» как только мог и не пустил их на Русь, то его потомок Иоанн Грозный пытался на Руси завести орденские порядки, римско-католические по своей духовной сути.

Как ядовито, но точно заметил Н. И. Костомаров: «Ивану Васильевичу охотнее прощали тайный разврат, чем сношения с Англией». Это тоже своеобразный момент истины: насколько Грозный был национальным царем, показывает его отношение к английской компании. Английская компания была зачислена в опричнину в конце шестидесятых годов после усиленных просьб англичан. Земским судьям было запрещено вмешиваться в дела компании, их ведали только опричники. Англичане имели право торговать беспощадно по всей Руси (в то время как русских купцов беспощадно грабили опричники). Англичане могли чеканить русские деньги из иностранных серебряных талеров. Мы видим, как машина террора связывается с машиной народного ограбления. Более того, Грозный был первым русским правителем, предоставившим концессию иностранному капиталу в России: он предоставил англичанам права строить и перестраивать мануфактуры на севере России; таким образом, он явился своеобразным предком нынешних ельциных, гайдаров и чубайсов.

Причин подобных льгот много. В их числе и поиск политического убежи-

ща в Англии на случай катастрофы. В переговорах с английским послом Дженкинсоном Иван Грозный предложил королеве Елизавете договор об обоюдном предоставлении политического убежища друг другу. В 1575 г. он стал готовиться к бегству практически: свои сокровища он отправил на север, в Вологду, и стал строить корабли для бегства в Англию. Путешественник Джером Горсей своими глазами видел на Северной Двине множество кораблей, построенных английскими мастерами. Его свидетельство подтверждается вологодскими преданиями, сохранными в вологодской летописи XVIII в.: «Царь Иван Васильевич промышлял в Поморские страны, и того ради строены лодьи и другие суда многие к путному шествию: и тогда были вологжанам великия налоги».

Заметим, какой контраст представляет Грозный по сравнению с последним царем — страстотерпцем императором Николаем, который в начале Первой мировой войны перевел на родину все капиталы из-за границы, а после революции даже под угрозой гибели не покинул России и не выторговывал у Временного правительства разрешения уехать в Англию. Примечательно также, что для Елизаветинской ярко протестантской Англии Иван Васильевич был *persona grata*, а св. император Николай для гораздо более умеренной викторианской Англии — *persona non grata*. Не случайно народ связывал царские планы с деятельностью царского лекаря Елисея Бомелия, «волхва», который будто был заслан из-за рубежа и «отвел царя от веры» и «много множество роду боярского взусти убити цареви, последи же и самого приведе наконец еже бежати в Англинскую землю и тамо жениться, а свои было бояре оставшии побитии». Конечно, мнение о всецелом влиянии на царя «немчина» лекаря — преувеличение народной молвы, но показательное само народное понимание того, что царь является предметом заграничных манипуляций и провокаций.

Для Иоанна Грозного характерно было презрительное отношение к собственному народу. Неоднократно он

утверждал — в шутку и всерьез: «Мои русские воры. Я не русский, а германец», возводя свою родословную к мифическому Прусу — брату Августа.

Мы не будем касаться сугубо личной жизни царя Иоанна Васильевича, поскольку он все-таки царь всея Руси, венчанный на царство, носитель священного сана, и «копание в грязном белье» является «хамством» в прямом библейском смысле этого слова. Однако исторический факт минимум пяти браков царя без практической необходимости трех последних (при наличии престолонаследников) также не является аргументом в пользу канонизации.

Итак, из приведенного нами выше материала следует, что ни в деятельности, ни в личной, ни в духовной жизни Иоанна Грозного мы не находим никаких оснований для его канонизации, ибо его деятельность и особенности личности находятся в разительном противоречии с евангельскими заповедями, канонами и критериями святости. Его деятельность с 1564 г., во многом протекавшая под влиянием западных образцов и часто являвшаяся объектом западных провокаций, привела к гибели многих тысяч православных невинных людей, пагубно повлияла не только на материальную, но и на духовную жизнь Руси. Пока царь действовал в единстве со всей землей, в том числе и с ее высшим слоем, он одерживал победы и ему покорялись царства. Когда же он стал подозревать поголовно все боярство (а заодно и духовенство), и даже целые города (Новгород и Псков) в измене и решил разделить Русь, то над ней едва не исполнились евангельские слова: «Аще царство разделится, погибнет», о которых, кстати, напоминал Иоанну св. митрополит Филипп, за что и поплатился жизнью. Русская жизнь действительно требовала глубинных преобразований, которые и начинались блестяще в первую половину царствования Грозного, но этот внутренний органический процесс был остановлен и изуродован внешними, случайными и насильственными мероприятиями царя Ивана, что имело во многом катастрофические последствия. На смену стро-

ительству государственной жизни пришел разгром, на место мудрых и светлых мужей уровня Адашева и протопопа Сильвестра явились авантюристы и своекорыстные люди, часто провокаторы, а чаще — просто злодеи типа Малюты Скуратова. Страна заплатила за этот режим тысячами жизней, страшными и позорными поражениями.

Что касается народного восприятия Иоанна Грозного, на которое так любят ссылаться его апологеты, то оно не столь однозначно. С одной стороны, мы действительно встречаем прославление грозного царя, казнившего изменников-бояр, с другой — в песнях однозначно осуждается Малюта Скуратов — злодей, задушивший святого старца Филиппа. Объясняется это просто. В народном сознании сложился стереотип: царь — выше всякой критики, а в злодействах и несправде повинны его злые слуги.

В заключение отметим: поклонники Иоанна Грозного, по сути дела, поклоняются не реальной исторической личности, а кинематографическому герою сталинского времени, сотворенному фантазией талантливого (хоть и весьма тенденциозного) режиссера С. Эйзенштейна, который создал образ сильного, несгибаемого, всегда и во всем правого царя — грозы бояр и покровителя народа. Читатель по приведенному выше материалу сам волен судить, насколько историчен этот герой и насколько русской и православной является позиция его принятия.

Попытка переписывания истории несет в себе весьма опасный соблазн — мифологизирование. Вместо «истории, какую нам Бог дал» со всеми ее смутами и грехами некоторые пишут свою — лакированную, удобную. Тем самым они отказываются от Божественного промысла, лгут на Бога и его пути, какими Он вел Россию к спасению, и лжесвидетельствуют против подлинных святых, таких как св. митрополит Филипп, св. игумен Корнилий, их жизни и смерти. Дело православного и церковного трезвомыслия — отсекасть и пресекать такие соблазны.

Владимир Бовкун

ПОКА Я ЖИВ

(Повесть)

Помяни меня, Господи, когда приидеши в Царствие Твое!
Лк. 23:42

Я гашу электрический свет и, сев ко всем вам спиною, кладу на ладонь свою душонку, крупную, холодную и мутно-прозрачную, будто из дешевого стекла или грязной городской льдины. Мерцающий свет от лампадки Христа Вседержителя проникает ее всю, обнажает пустоты, изъяны и трещины, составляющие ее суть. В электрическом свете — не правда ли? — она выглядела вполне благородно, почти драгоценностью, словно удачный страз или речная жемчужина...

Однако — нет, вы видели? — она вздрогнула!..

И опять неподвижно лежит на ладони. Будто ничего не было. Неужели жива? Или показалось?

Беру сильную лупу. Подношу ладонь к самому огню. Взгляните-ка — в сердцевине, глубоко-глубоко, что-то блеснуло. Вот опять. Смотрите — еще! Да вот же, вот. Пусть слабо, едва заметно, но я же вижу! Друзья, дорогие мои, не смейтесь, я вовсе не выдумываю, какие фантазии, что вы, в самом деле...

Впрочем, как вам будет угодно. Это — мое.

Я откладываю лупу и, взяв нож для бумаги, до боли закусив губу, делаю первый надрез. Ура! Я спасен! Слава Тебе, Господи! Видите эту замечательную капельку? А я к тому же чувствую далекую тупую боль. Милые, дорогие мои, это может означать только одно — она еще жива! Еще бежит по ее бледным капиллярам кровь Иного Мира, ради которого нас здесь, собственно, и затевали!..

Тише, прошу вас, не нужно спорить. Мне некогда — идите курить и ругаться на лестнице... Тогда заткнитесь и не мешайте.

Итак, за дело! Дамы, не падайте в обморок, я при вас только начну. Да, мне не терпится: вы все равно уже здесь и теперь вряд ли скоро уйдете. Глядите, если угодно, через мое плечо, только не сопите так громко и упаси вас Господь что-нибудь говорить мне под руку. Поймите, я не часовщик, не механик, я вообще никакой не инженер. Я смертельно больной человек, которому Царицею Небесной дан единственный шанс... Не напирайте, господа! Это сложнейшая резекция души, а я с ножом для бумаги. Тише, прошу вас! Да уймись же, наконец!..

Все, хватит. Не могу. Пустите плечо. Забудьте. Это всего лишь фокусы и вольты моего воображения. Сядьте на диван, я зажгу верхний свет. Заводная belles lettres на моей ладони сейчас художественно делает вам ножкою...

Попробую так.

Мне стало совсем немого. Дело даже не в голоде, с которым я почти сдружился, но в бессовестности приключений, событий восхитительного, блестящего порядка, которые решительно отказывались со мною происходить. Я жестоко заскучал, впервые ощутив, что сумма голода, безделья и угрызений совести невыносима.

Начальник Центрального вокзала, с помощью которого я решил снова все поменять, одобрительно погладил мой студенческий билет и раздумчиво пожевал толстыми губами, глядя на игрушечный бронепоезд с пушечками, красноармейцами и передней платформочкой с песком. Затем снял телефонную трубку и, жмурясь, сказал в нее что-то узбекское. Минуту спустя в кабинет вошел высокий смуглый милиционер в белоснежной форменной рубашке. Он не произнес ни слова. Начальник вокзала вяло указал на меня и вопросительно поднял густые, словно намазанные брови. Его крупное рябое лицо внушало доверие.

— К тому же я три дня не ел, — как-то само собою вырвалось у меня.

— Цы-цы-цы, — покачал щеками начальник вокзала и широко развел руки. Милиционер взял меня за локоть и молча увлек из кабинета. Спокойствие текло ко мне сквозь его жесткие пальцы, мягко обволакивая волю. Чего-то подобного я, в общем-то, и ожидал, когда шел сдаваться. Начальник на востоке любит принимать решения. А Ташкент — очень восточный город, даже, наверное, для японцев, хотя, судя по традиционным изображениям полушарий, для них востока уже не существует. Впрочем, наверняка за японцев утверждать не берусь. Вдруг у них тоже есть какой-нибудь свой восток, и, быть может, это вовсе не Америка, как мы могли бы скучно предположить.

Чувствую, что в этом месте нужна предыстория. Извольте. Я, семнадцатилетний, бросил Петербург, убежал, порвал все и вся, решив никогда не возвращаться и разыграть краткую, но роскошную жизнь авантюриста, искателя приключений, воина и повесы, дерзкого разбойника или первооткрывателя чего угодно. Начал я с предательства родителей, кражи значительной суммы денег из квартиры доброго товарища и тяжелого бессмысленного запоя. При этом, разумеется, сочинял копеечные стихи, в которых сам о себе, к примеру, отзывался таким вот образом:

Я изнежен, я дерзок и нищ,
Я — стараньями века — бесстыден,
Не вылизывая голенищ,
Близким страшен, врагам — безобиден...

Что бы это ни значило, это было правдой. По какому-то случайному авиационному билету, придуманному во хмелю на последние деньги, я оказался в Ташкенте и при этом был как-то сверхъестественно, изощренно подл. Нет, не придирайтесь к словам — я отнюдь не считаю, что существует какая-нибудь «естественная подлость», однако вам прекрасно известно, что человеческая мораль означает именно рамки дозволенных гадостей. За ними обычно начинается уголовная хроника, которая в моем случае просто немного запаздывала. И хотя пока что одна совесть инкриминировала мне поступки недолгой моей жизни, труди-

лась эта пылая моя сверстница, надо отдать должное, честно и пламенно, из всех своих юных, нерастраченных сил. Смесь ненависти, презрения и жалости к себе закипала едким стыдом, похожим на изжогу, отступавшую исключительно перед чередой ярких впечатлений или алкогольных интоксикаций.

Вот этих-то пестрых каруселей я и желал постоянно, их и искал без усталости, кидаясь во все стороны, как взбалмошный пес. А когда клещи тянули из груди какую-то жилу совсем уже непереносимо, я ловко, как мне казалось, вспоминал о самоубийстве. Странная штука: жжение совести несколько не побуждало меня к исправлению, наоборот, будто подталкивало к очередным мерзостям. Я находил в этом какую-то чудовищную логику: если я мог поступить *так* с близкими людьми, то шадить посторонним попросту не имел права — это было бы для первых как бы дополнительным унижением. Повторяю и настаиваю: я был патологически подл. Добрый читатель, возможно, улыбнется про себя: «Ну, что же так-то уж... Сразу — подл... Вероятно, что-нибудь юношеское, романтическое — шалости, проказы». Нет, никакие не шалости, мой великодушный адресат, позвольте с вами не согласиться. Иллюстрирую для убедительности. Однажды, трое суток не имея в желудке ничего, кроме воды из фонтана, я стоял в ташкентском городском парке рядом с пловом, продававшимся на вес, и, закрыв глаза, вкушал густой запах. Мне не нужен был сам плов: запах превращался в моем организме в нечто вещественное. По крайней мере, так мне казалось с закрытыми глазами. Очнувшись я лежащим на тротуаре; мне терли виски и били по щекам, а после отвели к себе ласковые бритоголовые люди, завернутые в желтые хитоны. В большой квартире они жили коммунально. Накормив меня до икоты чем-то растительным и пряным, они долго показывали аляповатые слайды с Кришной, драконами и пастушками, требовали задавать вопросы и жаловаться на жизнь. Ночью я поднялся с лежанки, вытащил их общественные деньги из примеченной давеча шкатулки и жадно пропил в ресторане гостиницы «Узбекистан» с подвернувшимися музыкантами.

Довольно? Опять вы за свое... Хорошо, тогда другой характерный эпизод.

Примерно месяц спустя я арендовал комнату за тысячи километров от Ташкента, в старой булыжной части Вильно. Квартирною хозяйкой оказалась сухая молчаливая женщина, на половину которой я вошел с бельевою веревкою в руках.

— Мне нужны деньги, — грубо сказал я, — отдайте все. По-хорошему.

Она отложила книгу, посмотрела на мои руки, подняла подбородок и чуть дрогнувшим голосом произнесла:

— Молодой человек. Если бы. У меня. Были деньги. Я бы никогда. Не сдала. *Его* комнату, — она кивнула на стену, с которой меня рассматривал парень в траурной кайме. — Четыре месяца назад умер мой единственный сын. Думаю, ваш ровесник

Я окаменел, стиснув веревку, в этой светлой комнатенке, полной венских ножек, цветочных горшков и фотографических рамок. В голове, как в пещере, звенела беспощадная пустота.

Женщина поднялась с оттоманки, шагнула к платяному шкафу и распахнула передо мною створку, как будто покорно и безразлично рванула платье на груди:

— Можете искать.

Я не двигался. Кажется, не дышал. Наверное, она что-то увидела в моем лице, потому что сказала в сторону:

— Уходите. Не бойтесь, я не заявлю.

Я выбежал из квартиры, ничего не взяв. Даже собственных вещей. Даже паспорта. Слово она сдержала.

Но до Вильно еще три недели. Пока что меня кормят пирожками в буфете на Центральном железнодорожном вокзале Ташкента высокий смуглый милиционер в белоснежной форменной рубашке и офицерантка в кружевном чепше.

2

Поезд состоял из длинных вагонов без окошек с черными провалами посередине. В эти распахнутые чрева грузили коробки, ящики, тюки. Мой милиционер вел меня по залитому солнцем перрону в самый хвост. От горки съеденных пирожков у меня слипались глаза и мысли; я едва волочил ватные ноги, и если бы меня оставили в покое, то тихонько задремал бы прямо на асфальте. Идти еще довольно прилично, поэтому можно на некоторое время отвлечься от шумного, раскаленного ташкентского вокзала и в безмятежной тени зазеркалья немного поразмышлять.

Благородный читатель, ознакомившись с первыми характеристиками героя, может вспылить. Дескать, вокруг и без того полно испорченной молодежи, на которую ежедневно приходится любоваться, если, упаси Господь, не страдать от нее в разных физических смыслах. Какого же рожна, — жмет автора к стене возмущенный читатель, — мне подсовывают еще и в печатном виде похождения никому не известного юного негодяя?

Попробую объяснить.

Одни произведения рисуют низвержение добропорядочного героя под влиянием развратной среды. Другие напротив — описывают возрождение души аморального персонажа вследствие разнообразных положительных воздействий. Романисты вообще безжалостно бросают своих деятелей в волны нравственных взлетов и падений, следующих непрерывно одна за другой. Иногда получается любопытно.

Но я — не совсем персонаж. И история моя не закончена, покуда я жив во всех смыслах этого прекрасного слова. То, что вы сейчас зрите, есть кусочек моей души, вырванный из ее большого тела и протянутый к вам в ступках запекшейся крови. Для исследования, как врачам. И каждый из вас, простивший мне болезнь и поверивший в мою надежду, становится добрым лекарем и ходатаем за меня перед Богом. Не больше и не меньше. Я же со своей стороны, как благоразумный пациент, стараюсь как можно точнее передать врачу то, что чувствую...

Однако пора возвращаться: уже виднеется последний вагон горячо нагретого металла в желтоватых подпалинах солнца. Вблизи он неожиданно оказался самым обыкновенным, пассажирским, с окошками и ступенькою у дверцы. На его вытертом ребристом боку даже не читалась, а скорее смутно угадывалась перспектива: Ташкент — Москва. Итак, славный начальник вокзала помогал растяпе-студенту вер-

нуться через столицу в Петербург. Наши с ним планы несколько разнились — я был согласен пробираться в Европу, однако не представлял, где именно сойду.

Перед вагоном на узлах, сундуках и чемоданах гомонили цыгане. Их дети без остановки бегали, кричали, просили или дрались. На подножке вагона стоял грузный проводник, похожий на начальника вокзала. Он весело торговался по-узбекски с черным худым человеком в стеганом халате и пыльной тюбетейке. Человек этот совал ему деньги, но проводник отталкивал его руку и ехидно что-то выкрикивал, призывая в свидетели цыган, нас с милиционером и даже таких же черных, словно обугленных, товарищей своего оппонента, робко мявщихся поодаль. Наконец человек в тюбетейке всем телом плюнул себе под ноги, схватил деньги зубами и полез двумя руками куда-то глубоко внутрь халата. Мы подошли ближе. Проводник дал милиционеру для приветствия руку. Тюбетейка ловко попал в нее деньгами, лучшую часть которых извлек только что из-за пазухи, и убежал к своим, опасаясь новых осложнений. Меня облепили цыганские дети. Один из них, я уверен, был ненамного моложе меня, только миниатюрнее, но вел себя как совершенный ребенок. Он подпрыгивал, кривлялся вместе с действительной мелюзгой, дергал меня по-всякому и, в конце концов, порвал мне карман. Я лягнул его в коленку.

— Ну, — сказал цыганятам милиционер. Они исчезли.

— Слушай, какой ты студент? — спросил меня проводник.

— Плохой, — нашелся я.

— Молодец! — понравилось проводнику. — Повезу тебя в Москву, так и быть.

На мое счастье, не все цыгане с перрона в тот день кочевали, а лишь одна семья, состоявшая из несчитанных детей разного возраста, двух женщин и ветхого старика. Вагон воспринимался ими общим в самом широком смысле. Как и все, что в этом вагоне находилось. В том числе багаж соседей. Единственным табу они восприняли купе проводника, которому поклонялись как языческому богу. Порою их рабская преданность принимала самые гнусные формы, но об этом после. С первых минут мне досаждал Гришка, получивший пинка на перроне. Он, видимо, меня презирал, страдал от того, что взрослые со мною обращаются как с равным, и более всего, после золотых коронок, желал моего публичного унижения. Из остальных детей я выделял удивительно красивую девочку лет пяти, крохотную, но смышленную, болтавшую, как минимум, на трех языках и танцевавшую все свободное от сна время. Остальные цыганята перемещались так быстро и непредсказуемо, что за все время я так ни разу и не заглянул в их глаза; помню лишь их резкие, отрывистые крики, похожие на вопли морских птиц, и ловкие смуглые ладошки, между которыми волшебным образом исчезали навсегда предметы любых размеров и свойств. К тому же цыганята почти не говорили по-русски. Или не хотели говорить. А может быть, им со мною говорить просто было не о чем.

Молодая цыганка еще на перроне обернулась ко мне пленительную Земфирую. Быстрый любопытный взгляд, оправленная за ушко прядь, высокая смуглая шея — вот, собственно, и все необходимое, чтобы я бесконечно мог видеть себя в ночной степи у огромного костра наедине с ее черными блестящими глазами. Виноват, конечно, Пуш-

кин. Присутствие философического старика-цыгана будто нарочно аукалось с бессарабским сюжетом. Наверное, она не была безукоризненно красива, но какое дело юности до канонов пресыщенных лет?

Кроме цыган моими спутниками оказались четверо уже упомянутых таджиков, сухих, выгоревших, с огромными мягкими тюками какого-то товара, да грязный испитой старик в бумажных штанах и жуткой панаме, помогавший проводнику по хозяйству.

Перед отправлением я почувствовал себя как когда-то, наверное, мой одинокий пассажирский вагончик, впервые подцепленный к совершенно чуждой ему почтово-багажной веренице.

Протекция милиционера, столь очевидная для всех, сыграла мне поначалу не очень хорошую службу. С одной стороны, разумеется, она придавала мне в обществе определенный вес. Но вместе с тем, на взгляд того же общества и по совершенно той же причине, я не заслуживал доверия. Цыгане отвечали мне любезно, но холодно, а таджики и вовсе испуганно поджимали на лавках ноги, словно я их регулярно бил. Мне становилось неловко, я что-то объяснял, краснел и глупо улыбался, чем приводил их в окончательное смятение. Тогда, плуя на правдоподобие, они разом закрывали глаза, не меняя поз и выражения лиц, что должно было означать внезапно навалившийся сон, делавший меня, по их мнению, несуществующим... На самом же деле они никогда не спали, карауля от враждебного мира свой драгоценный груз.

И все же досадные сквозняки ничего не стоили в сравнении с тем густым запахом действительного приключения, который окружил меня столь явно. Изрезанные деревянные лавки, составляющие мебель, клоповые узоры вокруг них, тревожно-ветхий местами пол и отсутствие стекол в окнах — все это выглядело декорациями увлекательного спектакля, в то время как сам спектакль вот-вот начнется. Актеры занимали свои места, раскладывали пожитки и, шелестя на разных языках, готовились к началу представления. Я бросился навзничь на лавку, закинул руки за голову и сладко потянулся. Мне стало легко: я чувствовал, что, по крайней мере на какое-то время, пестрый базар впечатлений перекричит нудное сердце с его жалобами и причитаниями....

3

Я бы с удовольствием живописал пейзажи, виденные мною из окошка: наверняка существовали какие-нибудь милые домишки, сады-огороды, ослики и коровки. Но поскольку скользил по ним равнодушным взором, более предаваясь мечтам, чем созерцанию, то и теперь не нахожу в памяти никаких пейзажей, определенно связанных с первыми днями путешествия. Главное впечатление из ранних — это, безусловно, явление Генриха Францевича на одной из стоянок.

Наш поезд замирал у каждого переезда. Мы сгружали багаж и почту, забирали коробки и ящики; где только можно вручали сумки и какие-то подозрительные свертки. Никаких платформ или других железнодорожных устройств нам не требовалось — машинист руководствовался для остановок то ли опытом, то ли чутьем. Сразу после ощутительного толчка к поезду, подобно грабителям из старых кинолент,

сбегались какие-то люди. Стояли мы по-разному — казалось, сколько хотели; иногда, особенно на узловых станциях, часами.

По указанию дяди Керима (как я вслед за цыганами звал проводника) старик Семен один раз в день кормил меня обедом, который готовил на себя, меня и своего благодетеля, а вечером давал чай с изюмом. Я так и не узнал, столовался я по договоренности с милицией или вследствие доброго ко мне расположения, но, принимая во внимание независимость и некую даже склонность дяди Керима к деспотии, полагаю, что был для него чем-то вроде малозначительного гостя, кормить которого все же дело чести.

Мой второй обед совпал со стоянкою на ничтожном переезде с полуразвалившейся бетонною платформою. Хвосту поезда этой платформы не досталось, поэтому перед моим окном никто не мелькал и не заглядывал при этом с любопытством в кастрюльку, из которой я ел. Внезапно я услышал, как в вагон лезет кто-то непомерно тяжелый. Тяжкие, свайные шаги, сотрясающие весь остов вагона, меня всерьез напугали — я бросил еду и придал лицу самое независимое выражение, на которое только был способен. Свет внезапно померк, мне показалось, что надо мною навис огромный сопящий зверь, тем более что я устоялся для чего-то в пол и в первую секунду никак не мог оторваться. Однако, не выдержав безмолвия, я робко пошел снизу вверх — от великанских ботинок до вполне человеческих, небольших водянистых глаз на круглом румянном лице, высившемся, правда, под самым потолком.

— Едим, значит, — хорошим плотным басом констатировал человек и аккуратно опустил напротив, загородив собою сразу все. — А ну-ка, — качнулся он к кастрюльке и понюхал, — м-да. Так откуда мы родом, дружочек?

В это время из ничего возник дядя Керим в необыкновенном волнении. Он сутулился, улыбался и потирал ладони, влюбленными глазами лаская моего гостя. За его спиною столпились все без исключения цыгане и даже один отчаянный таджик. Сглотнув, я ответил:

— Вообще — из Питера.

— А частности потом. Подходяще, — улыбнулся человек и осторожно встал. — Меня, на всякий случай, зовут Генрих Францевич.

Я совсем сник. Он же неторопливо оглядел других пассажиров нашего вагона и ласково обратился к дяде Кериму, возложив, точно бревно, свою руку ему на плечо:

— Завтра еще Петруша зайдет, глянет на него. Ты только, Керим-ака, не умори мне дружочка своими деликатесами. Если надо чего — не молчи, — и с этими словами, раскачивая вагон, неторопливо удалился.

Я высунулся в окно, чтобы рассмотреть его получше. Генрих Францевич тяжело прыгнул на землю и зашагал вдоль состава. Навстречу ему тащился Семен с огромною флягою питьевой воды. Генрих Францевич остановил его, недовольно качая головою, и кивнул в нашу сторону. Семен, пожав плечами, попробовал идти дальше. Генрих Францевич его придержал, достал что-то из кармана и сунул в Семена, грозя ему крупным, как баклажан, пальцем. Затем, продолжая мотать головою, точно раздосадованный конь, отправился своею дорогою. Пройдя еще немного, он стукнул в неприметную боковую дверцу одного из передних вагонов и, ухватившись, сильно подтянулся на руках. Дверца за ним захлопнулась.

Я втянул голову в вагон и спросил дядю Керима, восхищенно продолжавшего жмуриться:

— Это, извините, кто?

Проводник вытаращил глаза и, подняв указательный палец вверх, торжественно произнес:

— Федегер!

Добиться большего мне не удалось. Я понял лишь, что этим таинственным словом дядя Керим обозначал не фамилию или какое-либо свойство Генриха Францевича, но его положение в обществе. Извлекать же информацию из Семена мне было не по силам — он беспрерывно матерился. Мало того, сам смысл любой его тирады неизменно сползал к таким извращениям человеческого естества, что хотелось бежать не дослушав. К тому же у него напрочь отсутствовали зубы, он фыркал и плевался, как скверный водопроводный кран. О том, как он готовит еду, я старался не думать... В результате я весь день самостоятельно фантазировал таинственному гиганту происхождение, характер и статус, хотя, если честно, он до смешного походил на гренадера с русских гравюр золотого века. Ему не хватало только желтых усов с торчащими вверх остриями. А еще меня волновал обещанный Петруша, должный явиться завтра.

Но вечером я обо всем позабыл, когда Земфира впервые принялась смешить меня всякими глупостями, водя коготком по моей ладони. В ногах копошилась вихрастая ребятня; цыганская бабка чинила рядом с нами дедов пиджак; поезд наш чего-то разогнался, и теплый ветер, врываясь в окно вместе с табачным дымом, трепал прядь из гладкой прически Земфиры. Я глядел на ее белоснежный пробор в смоляных волосах и был почти счастлив. Несколько минут. Пока старик-цыган, куривший трубку за перегородкой, не назвал меня сыном.

— Сынок, — позвал он меня, — принеси мне пиджак. Что-то холодает...

4

Я учился неплохо, меня хвалили. Легкость, с которой мне давались науки, родила ощущение, что я способен буквально ко всему, за что бы ни взялся. Следовательно, решил я, браться не к спеху. Нужно блистать. Когда в подворотне я впервые ударил обрезком трубы завсегда-тая фешенебельного ресторана, мне было четырнадцать. А в шестнадцать я попался с поличным и немедленно выдал товарища, сумевшего улизнуть. От растерянности и страха. Меня даже не били. Сердце треснуло, как чашка, но уверенность в собственной исключительности не исчезла. Позднее я, конечно, состряпал целую историю, из которой выходило, что предатель вовсе не я. Несмотря на ее очевидные слабости, мне отчего-то поверили, а те, кто был проницательнее остальных, привязались ко мне еще крепче.

Музыкою для безумных моих танцев служила, как ни странно, превосходная родительская библиотека. К семнадцати годам я излистал столько книг, что их переплетами можно было бы зашить ужасный брандмауэр дома напротив, днем состоящий из бурого кирпича в отвратительных подтеках, а вечером из неоновых шлюх. Русская проза, британская поэзия, немецкая философия. Чем дальше, тем станови-

лось хуже. Из всего прочитанного я, в сущности, твердо усвоил лишь презрительное отношение к сытой и сонной рутине. Я поклялся перед собою, что никогда никакие «мещанские, буржуазные и им подобные галантерейные ценности» не станут моими. Логическим следствием подобного кредо явилось пренебрежение к собственности. «Деньги — это всего лишь деньги», — провозглашал я с самыми развязными интонациями.

Наверное, к счастью, что мне в то же самое время претили любые человеческие объединения: партии, общества, союзы, банды, шеренги и манифестации. В толпе я чувствовал себя планктоном, питательной массой для неких омерзительных существ, столь же ничтожных, как и я, но разбухших в силу обстоятельств до самовластных размеров. Я признавал лишь равноправную, безоглядную дружбу ярких индивидуальностей. Для всего остального мира у меня имелся в кармане складной нож. В скобках должен заметить, что память первой измены никуда не делась и сильно охлаждала мои мечты о разбойничьей дружбе на грани возможной жертвенности.

Одновременно я искал Учителя. В каждом зрелом человеке, мало-мальски претендующем на это звание. Я вслушивался в песни интеллектуалов, вчитывался в листовки анархистов, вглядывался в лица старых воров. Порою в мечтах я совершенно четко видел себя преданным и бескорыстным оруженосцем некоего мудрого, многоопытного Воина, Хранителя Истины. Я радостно и неоднократно за Него умирал. Возможно, меня могли бы обмануть, но для этого было необходимо меня усыновить, то есть довериться мне и хотя бы симитировать любовь. На меньшее я из гордости был не согласен.

Пока старая цыганка подавала мне пиджак, пока я нес его за перегородку, пока старик, кряхтя от нетерпенья, лез в него, как в горячую ванну, — в моей голове составилась целый роман. Могущественный глава табора, путешествующий инкогнито, привязывается к молодому спутнику. Они делят невзгоды и опасности, в которых раскрывается благородная душа юноши. Однажды он даже спасает старику жизнь. Цыганский патриарх сердечно благословляет его брак с очаровательной принцессой, любимой внучкой, а спустя годы суровый инородец, проникнув в мистические тайны кочевья, становится наследником родового посоха и легендарным царем свободолюбивых племен... Короче говоря, я усаживался против цыганского деда слегка взволнованный.

— Расскажи мне что-нибудь, сынок, — покачиваясь, сказал старик, глядя на мерцающие звезды за окошком, и выпустил табачный дым через ноздри.

— О чем, например?

— Если бы я знал... — он вздохнул, — скучно, сынок. Жить скучно. Все одно и то же. Расскажи про себя.

Он посмотрел на меня своими желтыми глазами. Мне стало смешно. Я поднялся:

— Ложились бы спать, дедушка.

— Да-да, — закивал старик и поежился, — зябнуть стал, сынок... Помереть бы уже, что ли... — он как-то очень доверчиво, жалобно поглядел на меня снизу. Детвора, я вдруг вспомнил, его избегала, а женщины только следили за его надобностями, даже не разговаривая с ним, словно ходили за чужой коровой или овцой. Я хотел вернуться

к Земфире, но она уже укладывалась спать, лениво переругиваясь с Гришкой. Таджики, завидев меня, испуганно подобрались, точно школяры, застигнутые классным наставником. Я шел по вагону и, тихонько мыча, сдерживая руку, бил в поручень кулаком. Мне было отчаянно жалко старика-цыгана, себя, маму, обманутого друга, оставшегося в Петербурге, и почему-то крохотную Раду, вертевшую над головою ручонками в конце коридора. Она не перестала мне улыбаться, пока старая цыганка не утатила ее спать. Я остановился у окна, стиснув деревянную раму...

...Именно тогда впервые в жизни, закрыв глаза, я вытянулся до сто-на жил на горле и внезапно увидел себя парящим над ненавистным миром, который с такою подлою предупредительностью встречал раннее гниение моего сердца. Горячий стыд изнутри обжигал легкие, но, стремясь все выше и выше силою прокушенных губ, честное слово, я едва не коснулся порога Надежды...

Резко щелкнула, будто выстрелила, дверь в купе проводника. Я снова вдыхал сухой резкий ветер из окошка, мечтал глупости и строил физику под будущую грязь. Законы мироздания, согласно которым вина вполне окупается муками совести, требовали постоянной шлифовки.

Чудо, личная благосклонность Небес, что, топча и калеча нежную аэродинамику души, я не уничтожил ее глубинную память о настоящем полете.

5

Кажется, я безотчетно ввел вас в заблуждение романтическим описанием моих чувств к Земфире. В действительности ее звали Катериною, Катькой, ей, вероятно, было около шестнадцати лет, и дядя Керим душными ритмическими ночами пользовался в своей норе ее благосклонностью. Возможно, это составляло часть цыганской платы за проезд или еще какой-нибудь гнусный оброк, поскольку предположить ее искреннюю симпатию к дяде Кериму мне сложно. Какие безобразные содрогания испытывал я сам от ее голоса или шагов, что при этом грязно фантазировал — пересказывать, естественно, не стану; замечу лишь, что двоилась эта девушка для меня на Катьку и Земфиру непрерывно, причем Земфира с первых минут любила меня безумно, топя свое чувство в гордых кочевых предрассудках, а Катька жалела, не смея, однако, противиться кабале рябого проводника. Между собою Катька с Земфирой знакомы не были, никогда не встречались и не подозревали о существовании друг друга. Как, вероятно, настоящая цыганка не догадывалась о своих проекциях на мой воспаленный рассудок. Справедливости ради нужно сказать, что вздымался весь этот ил только при ее появлении...

Но ведь был к тому времени у меня опыт совершенно противоположного рода! И теперь остается только поражаться, вспоминая, какою грязью я замазывал чистые, доверительные знаки Провидения, с какой слепотою терял Его бесценные дары, а быть может, и приглашенные билеты...

В самом начале нам с нею едва исполнилось одиннадцать лет. Ее класс — соседний из школьной параллели. Помню, как меня притягивали ее глаза, странные, не детски глубокие, смотревшие немного

исподлобья. Впрочем, я почти не имел возможности в них заглянуть, а все бывшие случаи выходили как-то исподволь, непрямо, невзначай. Мы, не сговариваясь, скрывали друг друга от посторонних. При моем появлении она исчезала. Спокойно и аккуратно, как редко кто умеет в этом возрасте. Чтобы не лгать даже индифферентностью. Потому что самым страшным врагом нами признавалась ложь: ей была объявлена беспощадная война на уничтожение, без компромиссов и контрибуций — нам от нее не нужно было ничего. Победы нам давались без усилий, а порою мы вообще забывали о ее существовании.

После уроков мы бежали по домам, где в это полуденное время никого из родителей обыкновенно не случалось, схватывали трубки телефонных аппаратов и замирали на часы. Как начиналось — туман. Но там, где он уже клочьями, я вижу себя совершенно растворенным в другом человеке: мне не различить ее мыслей от своих, ее дыхания — от собственного.... О чем же по четыре-пять часов (как повезет) ежедневно, почти два года? Не знаю. И тогда бы не смог передать. Мы ни разу вслух не рассмеялись. Попробуйте пересказать ноктюрн. Или когда солнечный ветер тихонько по шее, по спине — часами. Или свой первый младенческий сон — помните?..

Нет, конечно, все не то, я страшный слон — и символы грубы и угловаты...

Мы виделись наедине лишь однажды. И дело не в том, что она — признанная, бережно хранимая всеми умница, а я уже начинал вызывать у многих смутные опасения. Необходимое всегда осуществимо. Просто единственная попытка зашагать рядом по аллее соснового парка окончилась крахом. Багровые и косноязыкие, чужие, посторонние люди, мы не смели поднять глаз, чего-то невыносимо стыдясь, словно обдуманно предавали некую клятву... Выдержав с полчаса, она решительно покачала головой, виновато улыбнулась и, не прощаясь, ушла... Мы так и не оправились, хотя вскоре вернули видимость, точнее, слышимость прежних времен. Что-то сломалось, невозвратно испортилось тогда в этих соснах, потому что спустя некоторое время я, тринадцатилетний, объяснился ей в любви. Письмом. Которое напугало нас двоих больше, чем хвоя на каменистой аллее парка. Примерно тогда же я впервые отчетливо услышал о ее болезни.

Меня не смущает кажущаяся банальность положений. Потому что они не стали для нее воспоминанием. А не стали потому, что девочка — умерла. Через год, в онкологической клинике. Я приехал лишь однажды, с ненужным товарищем: смутно припоминаю какой-то специальный плюшевый закоулок, ее халатик, паричок и общую неловкость. Скомкав, мы скоро ушли. И все. С этого места жизни она умерла, исчезла. Нас, школьников, — как принято для чего-то хорошего — организовано возили ее хоронить. Я сдержанно рыдал в стороне, припав к стволу березы. И за этот свой подлый театр обязательно должен когда-нибудь ответить.

Если расхрабриться и стать с нею рядом, то можно увидеть, что вся моя жизнь после нее — пена и пустяки.

Или нет? Или смотрит глазами, полными слез, в страхе прикусивши ладонь? Молит за меня Бога и снова плачет, глядя на мои мерзости? И то, что спустя страшные десятилетия я, оскаленный, в крови

и испражнениях, все же ползу, обрываясь, к ноженькам Пречистой, — может быть, по ее неустанным мольбам?..

Что вы заерзали, господа? Что значит «слишком частное», как, позовьте, — «не поэзия»? Впрочем, я действительно совсем не понимаю стихов — ни своих, ни ваших, никаких. Хотя, признаюсь, иногда, на голодный желудок могу сочинить что-нибудь эдакое, в рифму. И отдельные строки, уверяю вас, весьма недурны. Хотите навскидку, из раннего? Нет уж, не побрезгуйте... Так сразу — и пора? Жаль, очень жаль. Впрочем, не смею задерживать.

Секундочку, а где же душонка-то, господа?! Верните немедленно, как не стыдно!.. Ой, пардон, нашлась. Уронил, закатилась. Еще раз — простите. Правильно — кому она нужна. Всего наилучшего.

За этой чистой публикой глаз да глаз...

А вы, что же, остаетесь? Рискну предположить: вы из той похвальной категории, которая считает своим долгом непременно докончить начатое, будь то книга, тарелка борща или круг преферанса. Характер!.. Не из интеллигентов ли будете, уважаемые? Как приятно! Я сразу догадался. Простите за любопытство, но вы по-прежнему те странные маленькие люди, что-то напряженно думающие о себе в темноте проветренных спален? Тише, тише, господа. Наговорите сейчас лишнего, а дома еще совесть самодельная ждет. Устроит вам сцену... Нет, право же, господа, зря вы обижаетесь! Посидели бы еще...

Ну, вот мы и одни. Здравствуйте, наконец. Братики мои. Сестры дорогие. Воры и алкоголички. Наркоманы, убийцы и проститутки. Роденькие. Знаю, что едва ли станете разбирать мою тягомотину, а если и доведется по какому-нибудь странному стечению обстоятельств, то бросите недослушав. Но все же вопреки здравому смыслу, логике и целесообразности, назло всем скотствам этого мира я хочу, я должен, я просто обязан вам крикнуть:

НИЧЕГО НЕ КОНЧЕНО, ПОКУДА ВЫ ЖИВЫ!

А когда станет совсем немого — идите к Заступнице. Падайте на пол. И плачьте, плачьте, миленькие мои, — о себе, о маме с папой, о детках своих, обо всех своих обманутых, брошенных и любимых. Только не сдавайтесь, прошу вас, не машите на себя рукою, что бы ни происходило! — приходите и плачьте, рыдайте и голосите...

И тогда поглядим, кто сильнее — Богородица наша или весь этот дешевый мир...

6

Именно Петр Леонидович показал мне из окна степь. Разглядывая географические карты, можно предположить, что наш поезд тогда пересек границы казахского ханства. Насколько хватало взгляда, во все стороны тянулся блеклый шерстяной ковер, накрытый, словно великанскою пиалой, сводом пронзительно-синего неба. Про пиалу выдумал, конечно, Петр Леонидович. Небольшой, ладный, округло-бородастый, урчащими интонациями он напоминал кота. Романтический склад его души сказывался не только в своеобразии метафор и аллегорий, на которые он был щедр, как сам Пегас, но даже в одеждах. Если, например, Генрих Францевич позволял себе рубашки с легкомысленными

узорами, а в полуденную жару даже майки, подчеркивавшие его устрашающую мускулатуру, то Петра Леонидовича без пиджака видели только самые доверенные лица, к коим я имел честь одно время принадлежать. Настоящий романтик обязан быть джентльменом — так считал Петр Леонидович.

Вообще они с Генрихом Францевичем сами по себе настолько оригинальные фигуры, что по книжке на каждого не жалко. И я бы с радостью взялся, если бы имел хоть сколько-нибудь фактов. Но выдумывать о живых людях считаю дурным тоном, а действительные перипетии их судеб мне, к сожалению, неизвестны.

Закончу про степь. Неожиданно мне — юноше городскому, черствому и капризному — она понравилась. Взгляд мой, ничем не связанный на земле, носился с ветрами в глубоком поднебесье, подгонял щекастое облако к горизонту или дразнил порывистых птиц. Старой морщинистой степи необычайно к лицу безмятежное небо — это ее высокое светлое чело. Суровая аскетическая сдержанность в красках, звуках и ароматах, которую я преодолевал в минуты странных оцепенений поезда, сочеталась с мощью и одновременною легкостью дикого простора. Позднее я знал на Иргизе старика, похожего на степь: долговязого, сухого, с широкою грудью и дюжим разлетом костистых плеч; в его пепельной бороде висала черная прядь, а на ладони мог уснуть ребенок. Мне удалось подсмотреть, как он в быстрой реке с кошачьей грацией ловил руками рыб. Его, кроткого, свирепые кочевые казахи остерегались и почитали за безумного славянского вещуна, а старик тайком лечил их детей и пел в своей землянке Нерукотворному Спасу. Я обшарил его убогое жилище в поисках золота, о котором в становищах шептались охотники, и видел стертый коленями камень перед едва различимым Ликом. Старик простит мне, я знаю. Простил бы Бог...

Иногда наш поезд обгонял семейство надменного верблюда, детки которого казались старенькими, или рассекал тесную толкотню круглых спин с пастухом на приземистой кобылке.

Петр Леонидович явился на одной из ранних утренних стоянок в синем пиджаке к голубым глазам, в белых брюках и рубашке. Шейный платок в сочетании с гладко зачесанными назад русыми волосами придавал ему сходство с баварским аристократом, норвежским педерастом или русским королем бильярда. Эти сугубо книжные образы мелькали в моей голове, пока Петр Леонидович оглядывал меня со всех сторон, точно собираясь приобрести. Я уловил запах одеколона и, несомненно, свежей водки. Этот последний запах несколько примирял экстравагантность его образа с окружающей действительностью.

— Вполне, вполне... — промурлыкал он наконец и уселся напротив, безглаголиво избегая касаться стен. — Так, теперь скажи что-нибудь.

Я оторопел, решил обидеться и промолчать, отвернувшись к окну.

— Ты брось выкобениваться. Оглянись вокруг. Это — ад. А я, как ты, возможно, слышал, наделен ключами от его противоположности, — Петр Леонидович звякнул чем-то в кармане. Я догнал его снаружи, на жухлой траве, у той самой дверцы, в которую давеча влез Генрих Францевич. Она располагалась довольно высоко и не имела никакой приступочки, только поручень на высоте человеческого ро-

ста. Не глядя в мою сторону, Петр Леонидович, размахнувшись, с сердцем ее приложил, и, спустя секунды, Генрих Францевич, как бы в радостном удивлении, хлопнул над нами в огромные ладоши:

— Ой! Вот это радость. Гости дорогие. Ну-ка, ручку — помогу.

Петр Леонидович, ловко взбираясь, ворчал:

— Они из графьев, как я понял. Обидчивые. Будем учиться питерским манерам, Немец.

Меня Генрих Францевич втащил по-свойски, словно мешок картошки. За секунду я успел удариться о вагон всеми частями тела и вывихнуть кисть, за которую был схвачен. Вытаращив от боли глаза, я даже не сразу сообразил смысл фразы Петра Леонидовича:

— Обыщи его, Немец, пока я на стол соберу.

Едва я открыл рот, чтобы решительно протестовать, как Генрих Францевич в один миг почти не унизительно обтер всего меня своими ладонями, мягко овладел паспортом, а затем легонько подтолкнул из темного тамбура к двери. Возмущенно упав в комнату (именно в комнату!), я хотел было вспылить... но обомлел — и забыл о претензиях навсегда...

Только что я был посреди настоящей степи, ко мне приставала с кумысом беззубая улыбчивая раскосая старуха, а за ее спиной до самого неба не существовало ничего, кроме стайки далеких бактрианов, будто нарисованных детской рукой. Вагон с таджиками и цыганами, в котором я ехал несколько дней без стекол, обивки и постельного белья, полностью соответствовал пейзажу. Представьте же мое изумление, когда в двух шагах от всего этого я открыл довольно большую, уютную комнату, залитую мягким, чуть красноватым светом большого торшера в шелковом абажуре. На середине крепко расставил лапы низкий массивный полированный стол в компании двух глубоких кожаных кресел. Солидный диван с толстыми валиками раскинулся вдоль стены, зашитой, как и прочие, терракотовым гобеленом. К плечу дивана небрежно прислонилась гитара. Пол прятался под узорчатым ковром вполне домашней мягкости. В углу, за спинкой одного из кресел, металлически поблескивал несгораемый шкаф с хромированными ручкоятками. От него стену перечеркивали плотно уставленные книжные полки. Окно следовало причислить, скорее, к вентиляционным отдушинам, не пропускающим дневной свет, — оно было прикрыто снаружи, словно ресницами, стальными горизонтальными жалюзи. Где-то пел по-французски вкрадчивый женский голос, а в центре стола через край тонкого блюда текла виноградная гроздь.

В дверном проеме напротив меня, раздвинув дрожащую завесу каких-то ниспадающих бус, показался Петр Леонидович, защемивший двумя пальцами бутылку водки. Другой рукой он тянул за собою сервировочный столик. Элегантно маневрируя и разгружаясь, он одновременно обратился ко мне:

— Тэк-тэк-тэк... Прежде всего, позвольте предложить вам, о высокогородный, за отсутствием античных бань плебейский, но вполне освежающий душ... Вот таким стилем буду теперь изъясняться. Чтобы кого не задеть... — вздохнул он, обращаясь к своему другу. Я обернулся к Генриху Францевичу, ласково глядевшему на меня сверху, и увидел на его поясе коричневую армейскую кобуру.

Помню, я тихо попросил меня отпустить. Петр Леонидович как раз между делом опрокинул в себя рюмочку и, с огурцом в изящной щепоти, хохотнул:

— Немец, я польщен — граф принял нас за странствующих работников. Или каннибалов?

— Одно другому не помеха, — дружелюбно проговорил Генрих Францевич, смяв собою кресло. — Иди, ополоснись, дружочек. Петруша тебя проводит. Все равно корабль уже в море.

Поникнув головою, я двинулся вслед за Петром Леонидовичем. Но смирение мое было напускным — я думал о побеге. Прошуршав бусами, мы оказались в коротеньком аппендиксе с географией заглавной «Е». Первым ответвлением явилась кухонька с мойкою, плечистым холодильником и электрической плитой, на которой что-то скворчало. Петр Леонидович галантно пропустил меня вперед по коридорчику: за кухней как раз и следовала душевая кабина на одного человека, поразившая меня идеальной чистотой. Окна не было. Сбежать из нее я не мог. В дальнем закоулке мне был представлен нужник. Я сдержанно поблагодарил Петра Леонидовича, чем заслужил махровое полотенце и комплект солдатского белья.

Избавляю вас от подробностей, насколько мне действительно нужен был душ. Пыль с копотью в отверстия окна летела беспощадно, а вода в ничтожнейшем кране над умывальником часто отсутствовала. Зеркал в вагоне дядя Керим не держал принципиально... Короче говоря, после душа я, вероятно, слегка изменился в лице и, совершенно точно, окреп волею к жизни.

Генрих Францевич по-прежнему качал ногою в кресле, обмахиваясь моим паспортом, а Петр Леонидович, стоя, выкладывал на тарелки картошку из тяжелой сковороды.

— Мы тут посоветовались, — заурчал, садясь, Петр Леонидович, — и сочли, что не следует дальше тебя томить. А то повредишь себе чего-нибудь с перепугу. Только выпей со мною разочек... Давай. Будем знакомы...

— Итак, — после известной паузы продолжал Петр Леонидович, — мы — не коварные международные шпионы. И даже, к сожалению, не фальшивомонетки. Мы — фельдъегеря. Что означает правительственных курьеров для доставки важных, преимущественно секретных грузов. Так, примерно, в уставе службы, Немец? Я бы желал, кстати, многое к нему добавить...

— По-моему, наш дружочек разочарован. Ему, наверное, было бы интереснее, если бы мы с тобою принялись его расчленивать или грязно помогать... Поверь мне, дружочек, наша работа тоже полна романтики. И тебе предстоит испытать это на своей собственной шкуре. Но изящнее об этом расскажет Петруша.

— Да, — Петр Леонидович для наглядности вкусно скушал еще рюмочку, — видишь ли, мы с Генрихом Францевичем пьем, как мифологические олени. То есть жадно. А главное, не пришпоривая вином благородные наши сердца, рискуем умереть от нестерпимой тоски... Но при этом мы — люди серьезные, государственные. Поэтому в служебное время никаких вольностей допускать не можем. Что же нам оста-

ется? Вот именно, — подтвердил Петр Леонидович, хотя я молча рвал отбивную котлету, — приходится жить в очередь. Сейчас, к примеру, отдыхаю я, а Немец дежурит. Он не пьет, не дремлет, не покидает вагон. Служит. Ровно сутки, с 8 до 8. За это время я успеваю... гм... достичь забвения, проспаться и вернуть интерьеру первоначальную свежесть. После этого Генрих Францевич — заметь, под роспись в специальном журнале! — возвращает мне оружие с ключами от сейфа, и уже сам в течение суток делает все, что ему заблагорассудится. То есть пьет. Но это — отдельная история...

— Петруша, не заострай, — Генрих Францевич счел необходимым вмешаться. — Дружочек, если коротко, — нам тошно жрать эту гадость в одиночку. Будь нам меньшим братом на полном довольствии. До Москвы еще четыре недели. Отдыхай, путешествуй, — он радушно обвел рукою комнату, добавив с чувством: — и пользуйся всем этим, дружочек, как равноправный товарищ. Знаешь, я тебя отчего-то сразу полюбил....

— Два правила, — пришел на помощь своему сентиментальному другу Петр Леонидович, — во-первых, досмотр в тамбуре для тебя каждый раз обязателен; во-вторых, никакой агрессии на борту. Нарушение правил жестоко карается в соответствии с чрезвычайностью полномочий. Твоего предшественника Генрих Францевич выбросил на ходу где-то между Актюбинском и Оренбургом. Имей в виду.

— Так что, — робко спросил я, отложив вилку, — может, уже выпьем? Все вроде понятно...

Здесь надо сказать, что, несмотря на юный возраст, я в полной мере был предан алкоголю. И перспектива заменить динамику железнодорожных впечатлений статикой беззаботного запоя казалась мне крайне привлекательной. Я с радостью предвкушал изъятие целых недель жизни — из памяти, из совести, из боли; к тому же в сильных, обаятельных людях, столь щедро предложивших мне дружбу, я различал черты тайного величия и фантазировал себе в этом смысле невесть что.

8

Петр Леонидович неожиданно скоро опьянел, растерял лоск, сбился на анекдоты, кривляния с гитарой и, к моему наивному удивлению, так внезапно заснул, будто оборвалась внутри его организма некая питающая электрическая цепь. Я заметил на его скулах и переносице лопнувшие капилляры, синеватые прожилки которых выступили сквозь легкую пудру. Генрих Францевич, невозмутимо читавший в кресле, отложил книгу:

— Печень, наверное. Ливер всегда сдается раньше интеллекта. На износ живем, дружочек, на износ... Ты теперь тоже почти фельдгегерь, только младший, вроде юнги. Поздравляю. Меня не надо стесняться — ешь, если хочешь, пей. М-да... смотрю вот на тебя и думаю — эх, в Питер бы на недельку! Я разок сподобился после демобилизации, — как-то даже мечтательно загудел Генрих Францевич, — с Галочкой, тогда еще невестой. Запомнилось. Петродворец — фонтаны; Зимний — плафоны; Невский, — гм... кажется, кони... Вот ты, к примеру, где в Питере живешь, дружочек?

...Ночь. Холодный ветер с мокрым дождем треплет мое лицо. Под ногами мерзает и переливается асфальт. Из-под волос сползают по лбу холодные змеи. Яркие электрические точки в окнах расплываются сквозь капли на ресницах. Я устал, мои ботинки намокли, и правый громко чавкает через шаг. К спине мерзко липнет сырая рубашка; руки в карманах брюк, а плечи высоко подняты. Мне некуда идти. Единственное место, где меня примут, где меня любят и ждут, — это родительский дом, но именно туда я не пойду ни за что. Долго курю, дрожа, на остром сквозняке под навесом автобусной остановки. Желтый свет фонаря косо сечет дождь. Шипя, медленно одолевает лужу автомобиль. Парочка с испорченным зонтом, смеясь и разом прыгая в длину, перебегают блестящую дорогу. Пустой, освещенный изнутри трамвай дребезжит, раскачиваясь, в сторону депо. Ему вслед целеустремленно семенят две бездомные собаки. Все. Никого больше не видно, и только светофор на углу бессмысленно передергивает цвета. Сдаюсь, иду во дворы мертвых, как скалы, домов. Сворачиваю в первый же подъезд. Безнадежно трогаю ледяной радиатор; избегаю на самый верх. Чердачная дверь заперта всего лишь на висячий замок, но для возни с ним меня слишком трясет. Я стелю на площадке вырванные из почтовых ящиков газеты. Снимаю рубашку, ботинки, брюки. Прыгаю, приседаю, машу руками изо всех сил, но согреться трудно — стоит на мгновение замереть, как от бетонного пола поднимаются по ногам леденящие струи. Где-то внизу хлопает дверь: пьяные интонации меня настораживают — я бесшумно спускаюсь босиком площадкою ниже и прислушиваюсь. Женские, мужские голоса вяло переругиваются — спор о том, кому идти за водкой. Взлетаю обратно; гадливо вздрогнув, натягиваю мокрые брюки, лезу, путаясь, в такую же рубаху и не шнурую второпях ботинки. Одновременно слышу, что роли распределились, что некто, выходя, уже хлопнул дверью подъезда. Пролет мелькает за пролетом — я уже на улице, озираюсь, вижу неподалеку в дожде одинокую сутулую фигуру. Нагнав, бью кулаками, валю за шею на асфальт, сажусь сверху. Раскрываю над слабыми локтями, защищающими лицо, нож. Заметив машинально, что ливень хлещет как в последний раз, нагибаюсь и ору прямо в слипшиеся завитки возле уха... А спустя десять минут уже подсыхаю, пью маленькими глотками кофе на заднем сиденье такси за два квартала от того места, где только по милости Божьей не убил человека....

Таков мой Петербург. Мне и сейчас трудно без стыда ходить по многим из его улиц, ведь они меня хорошо помнят. И как бы ни менялся их сиюминутный грим, как бы ни прятался я сам за топографическою рассеянностью, достаточно всего лишь смутно знакомого оконца или старой кирпичной арки в проходной двор, чтобы к горлу подступила тошнота. Вследствие этого моя память — ужасный гид. Разумеется, у меня припрятаны особые, нежные и трогательные петербургские стансы, которые, возможно, доставили бы некоторую радость созвучным поэтическим натурам. Я бы вообще, может, хотел петь только про хорошее, даже более всего хотел бы, поверьте, — но то-то и оно, что все хорошее в моей жизни, если как следует это хорошее рассмотреть, непременно окажется изгаженным ассоциативною сноскою самого подлого свойства....

Конечно, ничего похожего я Генриху Францевичу не открыл. Для таких случаев у меня наготове была целая россыпь декоративных штампов, собственного, впрочем, изготовления, а потому довольно оригинальных для свежего уха. Они отражали, конечно, не столько Петербург, сколько силуэт эдакого тонкого, интеллигентного ценителя, преданного, ностальгирующего питомца. Тексты, интонации, даже усвоенные жесты этих монологов исполнялись мною с механической точностью, без всяких усилий. Параллельно, я, наверное, мог бы читать газету или решать в уме арифметические задачи...

Поезд стоял у небольшой платформы, фосфоресцировавшей в лунном свете. По пути меня стошнило. Я совершенно не испытал облегчения — наоборот, мутная циркуляция воздуха внутри словно усилилась. Фрагменты ужина на ботинках в точности напоминали мысли. Распластавшись, наконец, по своей лавке, которая моментально отчалила и гадко куда-то поплыла, я все же забылся и вынырнул только через несколько часов, в середине ночи. Вынырнул, чтобы снова начать ввинчиваться в черную воронку со скользкой пустотой внутри... Одолев страшную слабость, я поднялся и, как старая баба, придерживая грудь, выбрался в тамбур, где прислонился лбом к металлической двери, чем на мгновение остановил вращение стен. Тошнота отступила. Поезд стучал всеми своими суставами в моем брюхе, но кверху больше не поднимался. Я замер, упершись руками в стены, боясь шелохнуться. Кто-то тронул меня за плечо:

— Тебе плохо? — услышал я голос Катьки. — Ты пришел совсем пьяный.

Не отрывая лба от двери, я вслепую махнул за спиной рукою и поймал за Катьку за одежду. Она дернулась, ударила меня по руке, но я уже развернулся и попытался ее обнять. Она отбивалась молча, с неистовою силою. Я хватал ее все решительнее, жестче, сильнее, — я стремительно прекращал что-либо соображать, ощущая лишь какую-то нарастающую, безумную, сладкую ярость:

— Ну, что же ты... Катенька... ох, сука... все будет хорошо... тебе будет хорошо... со мной... — бредил я, ломая ей пальцы и пытаясь задрать платье. Единственная мысль, похожая на человеческую, пульсировала страхом: «Лишь бы не помешали, только бы не вошли». После недолгой лихорадочной борьбы я, наконец, локтем сдавил ей горло и, глотая вязкую слюну, навалился всем телом:

— Ты мне нравишься... такая... красивая... это же я... тихо, что ты... я же не Керим, Катенька...

Она вдруг коротко, по-звериному, вскрикнула и рванулась вниз — я потерял равновесие, упустил ее за спину и развернулся, едва не упав. Машинально отметив, что поезд встал, я, одержимый, не раздумывая, прыгнул за Катькою в распахнутую темноту. Она бежала по гравию вдоль вагонов, оборачиваясь и что-то жалобно крича. Я дал ей подножку и рухнул сверху, наотмашь хлестнув по лицу. В следующий момент я взлетел на воздух и свалился далеко внизу, у подножия насыпи. Оглушенный, поднимаясь, я выхватил тяжелый удар в живот, захлебнулся и упал на колени. Меня за шиворот проволокли вверх по шуршащим камушкам. Последним, что я видел, был гладкий сверкающий рельс, стремительно надвинувшийся и полыхнувший бенгальским огнем, проходя мою переносицу.

— А теперь, дружочек... говно малолетнее... проси у нее прощения, — это были первые слова, которые я услышал, когда очнулся. Помимо них, физически, я ощущал себя в тот момент вполне сносно: гудело в голове, ныл живот, но, в сущности, никаких особенных страданий не испытывал. За опухолью лба я разглядел Земфиру, заботливо оттирающую мне щеки платком. Фоном ей служил Генрих Францевич, заслонивший собою все остальное пространство и, видимо, не совсем остывший, поскольку в тот же момент попытался сграбастать меня за грудки своею огромною дланью. Земфира мягко отклонила его ручищу и бросила через плечо укоризненный взгляд. Ее профиль при этом стал прозрачно-пунцовым, поскольку даже фигура Генриха Францевича не могла сдержатъ упрямых солнечных лучей, рвавшихся из-за его спины. «Рассвело, — сообразил я. — Значит, Петруша уже дежурит. А этот мамонт меня непременно убьет»

— Прости меня, Катюша, пожалуйста. Я такая сволочь...

— Ладно, пацан, — она легонько щелкнула меня в кончик носа и сняла тряпку со лба, — ты хорошо получил. Может, запомнишь.

Генрих Францевич направил мне в лицо страшный указательный перст:

— Придешь сам, пока стоим. Ясно? — я поспешно кивнул. И целое мгновение оставался наедине с Земфирой. А потом захолопотали, закопошились, запричитали ее цыгане: дети совали мне воду в жестяной кружке, Рада, поднявшись на цыпочки, гладила меня по волосам, Гришка якобы случайно задел меня локтем по голове, чем заслужил от старухи подзатыльник, а старик хмурил брови и что-то серьезно бормотал, но его, как обычно, никто не слушал. Они не знали правды о ночном моем скотстве и по-честному сострадали, в полной уверенности, что случайно расшибся пьяненький дурень, неумелый выпивоха, а я смотрел, смотрел изо всех сил на Земфиру, пока стыд, наконец, не разросся из крохотного уголька в горящий шар, давя изнутри на скулы и глаза, будто камера футбольного мяча. Я вскочил и, растолкав всех с пути, бежал в тамбур.

На платформе, кося и постанывая, вылизывал мороженое дядя Керим. Станция оказалась довольно крупной, с полноценною платформою, оштукатуренным фасадом тихого вокзала и газетным киоском, над которым угрожающе навис Генрих Францевич, заглядывая внутрь, точно в кукольный домик.

— Скажите, — тронул я его за рукав, — что мне теперь делать?

— Не знаю, — пробормотал он, читая сквозь стекло передовицу, — но смердишь ты, дружочек, не по годам. Был бы я этой ночью, к примеру, выпивши, — убил бы. А так — просто инструкцию нарушил. Услышал, как девка визжит, покинул пост... Ты далеко пойдешь, гаденыш, вот что я тебе скажу.

Генрих Францевич купил газету и подтолкнул меня к своему вагону:

— А Петруше я тебя все-таки покажу. Даже любопытно...

Когда мы вошли, Петр Леонидович, в пиджаке из английской шерсти, свежий, ясный, сидел очень прямо на валике дивана и, отставив руку, полировал ногти. Помолчав, не глядя на нас, он произнес:

— Генрих Францевич, пока ты трезв, я хотел бы расставить все точки над «и». У нас, кажется, здесь не свиарня, не псарня, не хлев. И делить помещение с этим животным лично я не намерен. — Он поднял на меня прозрачные голубые глаза: — Пошел вон отсюда. Ничтожество.

В этом месте я бы хотел дать вспышку магия, зафиксировать действующих лиц в случайных позах и сказать несколько слов о собственном самолюбии, которое легко находило бесспорные аргументы, чтобы смягчать оскорбление, если только обидчик случался неодолимо сильный или недостижимый для мщения. Какая-либо иерархия ценностей у моего самолюбия отсутствовала напрочь, или, точнее, представляла собою хаотическое нагромождение, вроде башни из доступных клиническому идиоту случайных предметов. Жестокие, но справедливые уколы, которые в своей точности и силе должны были причинять мучительные раны, мною спускались без осадка, а глупые, совсем детские обиды, наоборот, могли развиваться в сильнейшую лихорадку. Быть может, когда изнасилования совести часты, привычны и естественны, понятие человеческого достоинства вообще теряет всякий смысл, вкус, цвет и направление...

Восприняв от Петра Леонидовича еще несколько отчетливых пощечин, я, разумеется, остался — пить водку с Генрихом Францевичем. А завтра произошел следующий эпизод, еще точнее, на мой вкус, иллюстрирующий пластичность моего самолюбия.

Итак, выход Гришки.

Гришка и раньше сторожил каждый мой шаг. Он, например, мог через соседнее окошко бросить какую-нибудь рассыпчатую гадость, которая непременно залетала ко мне в суп. Случалось, когда я шел в уборную, Гришка коварно выдерживал паузу, а потом с помощью запасенной отмычки с грохотом распахивал настежь дверь и убегал, торжествующе хохоча. Его арсенал был скуден и дик, но я непременно попадался, поскольку жить настороже не умел, к тому же с детства страдал рассеянностью. И все-таки язвить меня по-крупному Гришка до времени остерегался, не без оснований полагая, что дядя Керим прибьет его в случае провала, невзирая на женщин, стариков и детей. Меня самого Гришка отчего-то совсем не боялся.

Он взял свое, когда я в очередной раз появился в вагоне полумертвым от водки и свалился на лавку без чувств.

От его восторженных криков я, во-первых, сел и, только во-вторых, разлепил глаза. Что-то происходило. Все соседи, кроме проводника, столпились в коридоре, разглядывая меня с серьезными лицами. Хочу, чтобы вы их представили. Земфиру с Радой на ручках. Мятого старика-цыгана. Его старуху, лузгавшую семечки. Все того же любопытного таджика, качавшего головою, как метроном. Гришкино счастье в окладе озорных лиц. Определив фокус их взглядов, я обнаружил, что на моих штанах ниже ремня существует темное однозначное пятно, а под лавкою к нему спроецирована лужица. Семен презрительно швырнул мне в ноги тряпку и грязно выругался.

Что я чувствовал? Мне было семнадцать лет, я был горд, раним, влюблен и — уничтожен. Я стоял посреди океана совершенно один, балансируя на какой-то старой двери, и смотрел, как вдалеке, сильно накрываясь, тонет мой мир.

Все разошлись, когда я взялся за тряпку. Гришка напоследок выглянул из-за кулис и ласково помахал мне пластмассовую бутылочкою, вроде тех, из которых кормят младенцев. Он был совершенно прав, мой тонкий чумазый психолог: разве теперь имело значение, что я собираю с пола обыкновенную воду? В космической внутренней пустоте, капая на тряпку слезами, я как-то отстраненно, почти безразлично колебался: прыгнуть ли с поезда на ходу, дожидаться остановки, чтобы, не оглядываясь, уйти в степь или, подбросив горькое письмо, украдкой лечь на рельсы...

Ничего этого я, конечно, не сделал. А людей, которые видели мой «позор», возненавидел так сильно, что с того дня гнушался даже звать их по именам, обращаясь исключительно «Эй, ты». Они почему-то не возражали, только втягивали головы в плечи, я же, пользуясь покровительством дяди Керима и фельдъегерей, стал позволять себе выходки, несравненные по наглости и хамству. Даже Гришка затих, будто принял всерьез мое безусловное превосходство аристократа над парией. Земфира исчезла навсегда, а Катьку я оглядывал как свою собственность и только ждал подходящего случая, разжигая похоть водкою и воображением.

Сколько раз вмешивался Промысел Твой, Господи, когда я сползал к каким-то жутким, необратимым трансформациям, будто восставляя меня ото сна, словно возвращая меня балансировать на той грани, откуда душа человеческая еще способна тянуться к Тебе, Христе Боже, к страшному Твоему прозрению и покаянию...

10

В то утро дежурил Петр Леонидович. Я страдал от жары и похмельной истомы в своем вагоне, поскольку Генрих Францевич никогда не приступал к водке ранее полудня. Дядя Керим, как всегда безуспешно, играл в нарды с Семеном: из его купе доносилась ленивая, но изобретательная брань.

Мы стояли уже более часа посреди степи на совершенно голом переезде, где, кроме мятой и ржавой металлической бочки, валявшейся на боку, не было даже сколько-нибудь заметного мусора. Железнодорожное полотно под прямым углом пересекала широкая асфальтовая дорога, уходящая, виляя, за горизонт. Солнце из удобного зенита поливало жаром степь, семафор продолжал издеваться красным; я сложил руки на горячей оконной раме и лег на них щекою, ловя редкие дуновения ветра. На краю колеблющейся в раскаленном мареве ленты показались две точки, вроде пары насекомых, неспешно, но целеустремленно ползущих по каким-то своим делам. Они подросли в игрушечные автомобили, осторожно ведомые невидимой нитью. Приблизившись к голове поезда и словно лопнув, эти машинки извергли множество светлых фигурок. Я почувствовал неясную тревогу, но, отупев от жары, принял за усталость и откинулся на лавку, закрыв глаза.

Они вошли как-то сразу все, мгновенно наполнив вагон густым душным страхом, — человек восемь, в светлых рубашках с короткими рукавами, под которыми темнели кляксы пота. Их лица, смуглые и белозубые, хотя и разнились азиатскими и славянскими чертами, очень походили одно на другое выражением властной небрежности и в то

же время подспудного азарта, хищности, плотоядности. Поправляя ремни автоматов и весело бранясь, они сгрудили в один угол всех цыган, меня, полуголого татуированного Семена, приставили к нам двоих, а за соседнюю перегородкою стали методически, страшно пытаться таджиков. Видимо, их мучили в очередь, каждого на глазах у остальных. Старуха сразу все поняла и замолчала, опустив голову, мелко дрожа и прижимая к себе детей. Лишь Катерина, сдвинув брови и вскидывая руку, что-то гневно выкрикивала в простые, открытые лица милиционеров, пока один из них не поднялся с лавки. Продолжая улыбаться, он коротко и сильно ударил ее в грудь. Я трясся. Старик-цыган беззвучно плакал, горсткою прикрывая лицо; дети скулили, пряча лица в юбку старухи, которая непрерывно шарила по их головам, будто пересчитывала снова и снова. Кроме истошных пронзительных воплей таджиков мы слышали, как лопалась их плоть, как выламывались зубы, как комментировались их раздробленные пальцы и подожженные чресла. Казалось, сам воздух в вагоне загустел и с трудом пролезал в горло. Примерно час спустя, когда, судя по дикому стону, хохоту и вою, за перегородкою приступили к третьему таджику, из коридора к нашим ногам свернула змейка густой и горячей, как лава, крови. Глядя на нее, поднялся Семен:

— Все, цветные, нету больше сил. — И медленным напряженным усилием, как режут стекла, потащил что-то поперек живота. Он стоял ко мне спиной, но по бледнеющим, замороженным лицам милиционеров я видел, что Семен делает что-то страшное. Кровь сначала капала, а после стала подтекать ему под ноги прерывистой струйкою, словно он закрывал и снова открывал у себя на животе маленький краник. Вдруг один из милиционеров встрепенулся и щелкнул пальцами:

— Бритва! — они с товарищем переглянулись и захохотали. — Давай, старый, жми! Ух, красавец! Ай, молодец!

Окончив, Семен постоял несколько секунд с повисшими руками, точно не понимая, что делать дальше, а затем медленно сломался к полу, оперся, лег набок и, стиснув живот, подтянул колени к подбородку. Кровь толчками вырывалась из-под его ладоней.

— Чучело, — сказал милиционер, тронув его узким носом ботинка, — они наркотики везут. Почти центнер. В тюках с барахлом. А ты себя режешь. Ну не дурак ли? — спросил он, прямо и удивленно глядя мне в глаза. Я поспешно отвернулся, задыхаясь. «Вытерплю, — подумал я, — должен...» — когда из-за перегородки явился жуткий полуголый человек, бледный торс которого стягивали ремни португези. Его правая рука и плечо были так измазаны кровью, словно он доставал нечто со дна бочки с краскою. Даже щеку посекали мелкие брызги. В левой, относительно чистой руке он держал рацию:

— Кто здесь с Питера? — я чуть не умер. — Досмотрели его? Все нормально? Тогда бегом в вагон фельдъегерей, братишка...

Генрих Францевич от водки становился мягким, как девушка. При этом его сентиментальность обнажалась до бесстыдства, до странных признаний и рискованных объяснений. Он воздавал собутыльнику царские почести, выдумывал ему доблести и добродетели, решительно

настаивал на собственной ничтожности и клялся в любви. Возражать ему было немыслимо, даже опасно. При этом внешне он почти не менялся, сохраняя всегдашнюю четкость движений и ясность речи. Его повседневные аппетиты вполне соответствовали фантазиям Рабле, усиливая впечатление от чудачеств. Водку Генрих Францевич употреблял из пивной кружки. Слегка отлив из нее внутрь, он мог, например, неожиданно привязаться:

— Дружочек, мне говорили, что ты великолепный баритон. Я, конечно, жалок и прост, тебе должно быть противно, но сделай одолжение, уважь... — кто ему мог так лгать, и отчего он недостойн моего пения — оставалось загадкой. Перечить не было никакой возможности, к тому же я сам пил изрядно, поэтому начинал мычать что-нибудь отдаленно-мелодическое. Генрих Францевич останавливал меня уже в первых тактах, рыдал от восторга, зывал к небесам, рвался целовать мне руки. От моего вокального совершенства он, славословя, переходил к моему внутреннему великолепию... Подобные сцены, незначительно видоизменяясь, случались иногда по нескольку раз за вечер. Проспавшись, Генрих Францевич вел себя как ни в чем не бывало и совершенно не выносил, когда кто-либо пытался напомнить ему сказанное. В этом безобидном пьяном словоблудии меня как-то очень точно и болезненно ранили его вдохновенные панегирики моему душевному благородству. Контраст с действительной грязью являлся столь разительно, что ныло в груди, несмотря на водку. Петр Леонидович, дежуря, обычно в наши разговоры не мешался и развлекал себя, как я подсмотрел, переводами несравненной Райт.

В этот раз все было не так. Меня впустил Петр Леонидович, даже не заметив, что я почти без сознания. Резкий желтый свет в комнате не давал теней. На потолке неторопливо вращались лопасти огромного вентилятора. Напротив Генриха Францевича сидел расстегнутый человек с мощною багровою шеей и влажным подбородком. Перед ним стояли бутылки, стаканы, пивная кружка и рация. Человек, перегибаясь и тараща глаза, кричал на Генриха Францевича:

— Немец, во что вы с Петькой превратились?! Вы, краса и гордость училища! Боевые офицеры! Элита! Вы просто конченные алкоголики на государственном содержании!.. Дармоеды! Войны для них, видите ли, нету... Корчите из себя каких-то римских ветеранов времен упадка... Бант еще к гитаре привяжи!.. Да, Петька, я все понимаю: меня самого учили другому, но я, хоть не в окопах, а все-таки служу родине... По крайней мере, я бессмысленно не таскаюсь по карте мира, пропивая остатки совести и чести... Нет, ты скажи, Немец, почему, по какому праву ты так живешь? Я тебя как офицер офицера спрашиваю! — этот человек был определенно непривычен к сочетанию водки с жарой. Он хотел сделать какой-то жест, но Генрих Францевич крепко прижал его ладонь к столу:

— Тише, Стас. Я тебе отвечу. Когда-то последний Российский Император жаловал офицерский чин моему предку, заметь — Отто Карловичу. В августе 1918 года Отто Карлович выстрелил себе в голову из револьвера, оставив всего одну строчку на гербовой бумаге. Знаешь, что там было? Я помню дословно, меня заставил вызубрить отец: «Русский офицер должен во что-то верить»...

Я не выдержал и заплакал:

— Они там всех пытаются, убивают... звери... садисты... гады какие-то...

Стас поднял на меня бровь:

— Эт-то еще кто такое?

— Тот самый юный питерский гость, которого ты по моей просьбе пригласил к столу. Он со странностями, не обращай внимания. А ты, дружок, остынь. На-ка, выпей... Петруша, скажи ему что-нибудь философское.

Петр Леонидович, не глядя на меня, процедил:

— Нужно, наверное, смотреть шире. Выйти за рамки окровавленных стен какого-то грязного вагона. Сосчитать, к примеру, изуродованные жизни. И тогда шакалы Стаса покажутся толстогубыми щенками. По сравнению с таджиками, разумеется...

Генрих Францевич перебил:

— Достаточно... Однако ты все же не сомневаешься, Стас, что мы с Петрушей даже в таком лирическом настроении и с одним табельным пистолетом на двоих за девяносто четыре секунды передушим всю твою зондеркоманду? Или желаешь пари? — отставив пивную кружку, Генрих Францевич стал медленно разрастаться над столом. Петр Леонидович отвернулся в профиль и сложил зачем-то губы трубочкою, словно намереваясь безразлично свистать мотивчик. В то же время пальцы его правой руки, произвольно разминаясь, дважды растопырились и сжались обратно в кулак.

— Стоп, Немец. Будем прощаться, — Стас вытер платком шею. — Раздай посошок. Я все равно рад, что свиделись. Надо же, случай... Жаль, Петька, что с тобою не выпить. Когда еще доведется... Будь здоров... А этот сосунок едет со мною. — И тихо сказал в рацию: — Азамат, еще мешок. Закругляемся. Готовность — три минуты.

Я в ужасе уставился на Генриха Францевича, а тот — в глаза Стасу, и когда их взгляды встретились, Генрих Францевич отрицательно покачал головою. Несколько секунд они молчали. Наконец Стас вскинул ладони кверху:

— Все-все-все. Только ради однокашников... Целоваться не будем, а то я последнее время легко возбуждаюсь, — он усмехнулся, криво запихивая выпростанную рубаху. Стало заметно, насколько он пьян. — Ну, бывайте... бывайте, друзья...

12

Меня ссадили на следующем семафоре, где не было ничего, кроме заброшенного колодца и пыльного проселка вдоль железнодорожной насыпи. Пассажирский вагон в хвосте поезда казался мертвым. Его окна, как сквозные дыры, пропускали небо. Подойти я не решился. Мысль о помощи раненым испуганно затоптал...

Как только Стас исчез, Генрих Францевич посмотрел на меня с сожалением, обращаясь почему-то к Петру Леонидовичу:

— Дружочка — за борт, — и глотнул из кружки, — ох... Тошно мне, Петруша...

Я тихонько, в углу, дождался остановки. Генрих Францевич молча пил, качая иногда головою, а Петр Леонидович делал вид, что читает. Прощаясь со мною в тамбуре, он грустно сказал:

— Тревожусь я за Немца. Ведь тончайшая душевная организация у человека: зашибет, не дай бог, кого-нибудь в приступе меланхолии... Разбредили... Хотя в чем-то Стас, пожалуй, даже прав. Живем, как дрессированные обезьяны... Даже хуже... Проглоченные ночи, изжеванные дни... Скорей бы сдохнуть, что ли, для разнообразия... — Он пальцами разгладил лоб. — Ладно, лирику прочь. Стасик непременно попросит туземную милицию снять тебя для него с поезда. Искать же, думаю, заленится. Попутками доберешься до Кзыл-Орды. Там аэродром. Этого, — он протянул мне несколько купюр, — тебе до Питера хватит. Веди себя прилично. Ты теперь все же немного фельдъегерь...

Я их часто вспоминал. Я много раз жалел, что не стащил пистолет; что не придумал, как выкрасть сокровища несгораемого шкафа, что не убил Гришку и не попользовался Катериною. Я бесновался не только в своих мечтах и сожалениях: метнувшись из Казахстана в Прибалтику, я спустя какое-то время очутился в Крыму, собирая на себя всю попутную грязь, сам отыскивая ее, томясь и тревожась, чуть не болея в ее отсутствие. Первый, самый бездумный и разрушительный этап моего каторжного тракта подходил к концу. Многое уже принималось значительно проще: тревожить меня изнутри стало почти что некому. Когда юная совесть хоронит своего первенца — стыд, она немеет от горя, чахнет и обыкновенно долго не живет.

Теплый октябрь еще позволял днем, не привлекая внимания, передвигаться по Ялте в шортах, майке и сандалиях на босу ногу. Но ветреными свежими вечерами приходилось играть надменное безразличие и бесшабашную походку. Грабить в подобном виде на узких малознакомых улицах я боялся, а те, кто мне в этом городе хоть немного благоволили, уже были обмануты на мелкие суммы денег, прямо по записной книжке, в алфавитном порядке. Местная шпана конфисковала все мои вещи и грозила утопить в море меня самого, если через два дня я не исчезну с полуострова. Потому что мешаю работать, лезу к аборигенкам, суюсь с небескорыстными советами к ресторанным картежникам и краду там, где, по их мнению, права не имею. Спать на пляже было уже слишком холодно, а единственным укрытием, откуда меня ночью пока что не гнали, оставался главпочтамт. Славная девушка из отдыхающих, которую я до последнего времени берег от собственной подлости и которой теперь лгал с презрительною небрежностью, честно заплатила за мою телеграмму и, краснея, попросила больше ее не беспокоить. Я известил своего старшего брата (прозрачно укрывшись инициалами его мертвого товарища) о том, что нахожусь в стесненных обстоятельствах, и кланчил каких-нибудь денег. Ялта, главпочтамт, до востребования. Люди, отвечавшие на телефонные звонки в больницах и моргах Петербурга, облегченно вздохнули. За эти месяцы они выучили мои приметы наизусть и, возвращаясь с дежурства, машинально высматривали меня среди пассажиров метро. Их ненависть ко мне мешалась с пронзительною жалостью к матери. Действительно ли я ждал денег от брата или, подобно усталому маньяку, допустил нарочитую оплошность — не помню. Да это и не столь важно.

Фасад почтамта, устроенный из пыльных витринных стекол, вечерами демонстрировал прохожим свои внутренности. Когда ближе к

ночи убавляли верхний свет, в пустой гулкий зал робко пробиралась чета опрятных бродяг с тихим младенцем. Немного погодя на широкую скамью влезали два беспризорника, споря о чем-то свистящим шепотом. Последним, за полночь, являлся хромой загорелый дед в коричневом пиджаке на медной груди и, точно мертвый, валился спать прямо у входа, под пальмою в кадке. Я обыкновенно дремал, обняв колени, на диванчике перед витриною, лицом к пустынной улице и отраженному поверх нее самому себе.

Телеграмму я отправил вечером. Прошла ночь, за нею — день. Как всегда, дождавшись позднего часа, померкла люстра. Бездомные тихонько заняли свои привычные места. Я вытянул ноги в сандалиях, сплел на груди руки и исчез. А затем внезапно открыл глаза. По ту сторону витрины, на улице, стояла моя мама и внимательно меня разглядывала. Я успел схватить выражение ее лица до того, как она заметила, что я проснулся. Тогда я его не понял, а сейчас думаю, что это был страх. Меня, семнадцатилетнего, испугалась мать. Ее любящему сердцу Господь на какое-то мгновение попустил уловить смрад, идущий из нутра сына. И теперь я, то самое зловонное существо, повинное всем грехам мира и дерзновенно задравшее голову к Небу, свидетельствую: она не дрогнула, не отреклась, не отступила и до последнего своего вздоха продолжала любить, надеяться, верить наперекор здравому смыслу, логике и здешней целесообразности...

Возвращенный в родительский дом, я затаился, нежась в лучах материнской любви, особенно трепетной после стольких тревог. Смущенный с виду, я был на самом деле опасен и омерзителен, как ядовитый червь. Я собирался с силами...

Пожалуй, для начала хватит. Очень больно, должен признать, при иссечении отдельных мест. Да-да, пока вы забавлялись, я к вам Бога под полою пронес. А как же? Иначе с вами, извините, никак.

Вижу, некоторым из вас все-таки любопытно, что же со мною было дальше. Могу вкратце доложить. Образы прошлого воскресают мгновенно, только дай им повод; они волочатся за мною, как выпущенные кишки; душат меня, как забытая пуповина. Я бегу от них, от этих лживых призраков, а их раскрытые объятия тянутся за мною, льнут ко мне, манят за собою...

Это я в общих камерах Бутырской тюрьмы забивал под нары священномучеников. Это я размозжил покорную головушку Саровского Чудотворца. Это я подделывал мощи святых, крал Потиры, насиловал монахинь. Это я, наконец, в хриплой предсмертной истерике кривлялся и хохотал над безвинно Распятим со своего законного креста.

— Тебе конец, грязное животное, — решите вы, — таким ничего не светит.

Ошибаетесь. Пока я жив у меня — даже у меня! — есть надежда. Вы снова будете смеяться, господа, но мне обещал ее Бог. От меня нужно одно, только одно: полюбить Его всем своим жалким, уродливым сердцем и с твердою верою попросить: «Помяни меня, Господи, когда приидешь во Царствие Твое».

Всего-то, представляете? Только бы успеть. Пока я жив.

Дача Долгорукова, июнь 2007 года

Отповедь главному действующему лицу повести Владимира Бовкуна «Пока я жив» (Точка зрения редакции журнала)

*Не согрешишь, не покаешься; не покаешься, не спасешься;
да здравствует грех — наш подлинный спаситель!
Или сие все-таки совсем не так?*

Повесть В. Бовкуна помещена под рубрикой «А вот проблема» совсем не случайно. Настоящее произведение можно рассматривать как своего рода вызов общественному мнению, так как в нем главное действующее лицо весьма экстравагантно и откровенно эпатирует общественную мораль. Многие читатели, вероятно, растеряются от явленной им наглости персонажа повести. Поэтому они смогут узнать на сей счет точку зрения редакции журнала, которая, скорее всего, и поможет им определиться с собственным отношением к подобным случаям и в литературе, и в жизни.

Сначала отчетливо поясним, что мы вовсе не отождествляем безымянное главное действующее лицо рассматриваемой в настоящем комментарии повести и ее автора, хотя соблазн посчитать это уместным у нас вполне имеется. В частности, на страницах сего творения в числе прочего читаем и такие строки: «Но я — не совсем персонаж. И история моя не закончена, откуда я жив во всех смыслах этого прекрасного слова. То, что вы сейчас зрите, есть кусочек моей души, вырванный из ее больного тела и протянутый к вам в сгустках запекшейся крови. Для исследования, как врачам. И каждый из вас, простивший мне болезнь и поверивший в мою надежду, становится добрым лекарем и ходатаем за меня перед Богом. Не больше и не меньше. Я же со своей стороны, как благоразумный пациент, стараюсь как можно точнее передать врачу то, что чувствую...» То есть персонаж настоящего литературного действия не просто лицо из сюжета, он на самом деле есть своего рода проверка каждого читателя, есть тест на его зрелость и способность делать насущный выбор обоснованно, а значит, и правильно. Но что есть такое герой настоящего повествования в самом деле? Вот как на это отвечает он сам: «Я учился неплохо, меня хвалили. Легкость, с которой мне давались науки, родила ощущение, что я способен буквально ко всему, за что бы ни взял-

ся. Следовательно, решил я, братья не к спеху. Нужно блистать. Когда в подворотне я впервые ударил обрезком трубы завсегдатая фешенебельного ресторана, мне было четырнадцать. А в шестнадцать я попался с поличным и немедленно выдал товарища, сумевшего улизнуть. От растерянности и страха. Меня даже не били. Сердце треснуло, как чашка, но уверенность в собственной исключительности не исчезла. Позднее я, конечно, состряпал целую историю, из которой выходило, что предатель вовсе не я. Несмотря на ее очевидные слабости, мне отчего-то поверили, а те, кто был пронычательнее остальных, привязались ко мне еще крепче.

Музыкою для безумных моих танцев служила, как ни странно, превосходная родительская библиотека. К семнадцати годам я излистал столько книг, что их переплетами можно было бы зашить ужасный брандмауэр дома напротив, днем состоящий из бурого кирпича в отвратительных подтеках, а вечером из неоновых шлюх. Русская проза, британская поэзия, немецкая философия. Чем дальше, тем становилось хуже. Из всего прочитанного я, в сущности, твердо усвоил лишь презрительное отношение к сытой и сонной рутине. Я поклялся перед собою, что никогда никакие «мещанские, буржуазные и им подобные галантерейные ценности» не станут моими. Логическим следствием подобного кредо явилось пренебрежение к собственности. «Деньги — это всего лишь деньги», — провозглашал я с самыми развязными интонациями.

Наверное, к счастью, что мне в то же самое время претили любые человеческие объединения: партии, общества, союзы, банды, шеренги и манифестации. В толпе я чувствовал себя планктоном, питательной массой для неких омерзительных существ, столь же ничтожных, как и я, но разбухших в силу обстоятельств до самовластных размеров. Я признавал лишь равноправную, безоглядную дружбу ярких индивидуальностей. Для всего остального мира у меня

имелся в кармане складной нож. В скобках должен заметить, что память первой измены никуда не делась и сильно охлаждала мои мечты о разбойничьей дружбе на грани возможной жертвенности.

Одновременно я искал Учителя. В каждом зрелом человеке, мало-мальски претендующем на это звание. Я вслушивался в песни интеллектуалов, вчитывался в листовки анархистов, вглядывался в лица старых воров. Порою в мечтах я совершенно четко видел себя преданным и бескорыстным оруженосцем некоего мудрого, многоопытного Воина, Хранителя Истины. Я радостно и неоднократно за Него умирал. Возможно, меня могли бы обмануть, но для этого было необходимо меня усыновить, то есть довериться мне и хотя бы симитировать любовь. На меньшее я из гордости был не согласен».

Как мы видим, главное действующее лицо повести является незаурядным человеком. Его способности понимать жизнь весьма велики. Именно они дают ему ощущение преимущества или избранности. Но что ему надо прежде всего? Он жаждет блистать, быть в компании ярких индивидуальностей, для которых нет усвоенных извне ценностей. При этом герой рассказа не готов и дружить серьезно, уже зная по личному опыту уязвимость этого положения. То есть он проявляет себя своего рода волком-одиночкой. Другое дело, что он не просто живет и выживает, он имеет особую философию собственной жизни. Какую именно? «Чувствую, что в этом месте нужна предыстория. Извольте. Я, семнадцатилетний, бросил Петербург, убежал, порвал все и вся, решив никогда не возвращаться и разыграть краткую, но роскошную жизнь авантюриста, искателя приключений, воина и повесы, дерзкого разбойника или первооткрывателя чего угодно. Начал я с предательства родителей, кражи значительной суммы денег из квартиры доброго товарища и тяжелого бессмысленного запоя. При этом, разумеется, сочинял копеечные стихи, в которых сам о себе, к примеру, отзывался таким вот образом:

Я изнежен, я дерзок и нищ,
Я — стараньями века — бесстыден,
Не вылизывая голенищ,
Близким страшен, врагам — безобиден...»

Получается, что герой истории есть типичная жертва порченного времени.

Его прелести принадлежат исключительно ему, тогда как присущие ему мерзкие черты есть уже вина строго общественная. Кроме сформулированного выше, главное действующее лицо повести говорит о себе и такое: «Что бы это ни значило, это было правдой. По какому-то случайному авиационному билету, придуманному во хмелю на последние деньги, я оказался в Ташкенте и при этом был как-то сверхъестественно, изошренно подл. Нет, не придирайтесь к словам, — я отнюдь не считаю, что существует какая-нибудь “естественная подлость”, однако вам прекрасно известно, что человеческая мораль означает именно рамки дозволительных гадостей. За ними обычно начинается уголовная хроника, которая в моем случае просто немного запаздывала. И хотя пока что одна совесть инкриминировала мне поступки недолгой моей жизни, трудилась эта пылкая моя сверстница, надо отдать должное, честно и пламенно, из всех своих юных, нерастраченных сил. Смесь ненависти, презрения и жалости к себе закипала едким стыдом, похожим на изжогу, отступавшую исключительно перед чередой ярких впечатлений или алкогольных интоксикаций.

Вот этих-то пестрых каруселей я и желал постоянно, их и искал без усталы, кидаясь во все стороны, как взбалмошный пес. А когда клещи тянули из груди какую-то жилу совсем уже непереносимо, я ловко, как мне казалось, вспоминал о самоубийстве. Странная штука: жжение совести несколько не побуждало меня к исправлению, наоборот, будто подталкивало к очередным мерзостям. Я находил в этом какую-то чудовищную логику: если я мог поступить *так* с близкими людьми, то шадить посторонних попросту не имел права — это было бы для первых как бы дополнительным унижением. Повторяю и настаиваю: я был патологически подл. Добрый читатель, возможно, улыбнется про себя: “Ну, что же так-то уж... Сразу — подл... Вероятно, что-нибудь юношеское, романтическое — шалости, проказы”. Нет, никакие не шалости, мой великодушный адресат, позвольте с вами не согласиться. Иллюстрирую для убедительности. Однажды, трое суток не имея в желудке ничего, кроме воды из фонтана, я стоял в ташкентском городском парке рядом с пловом, продававшимся на вес, и, закрыв глаза, вкушал

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

густой запах. Мне не нужен был сам плов: запах превращался в моем организме в нечто вещественное. По крайней мере, так мне казалось с закрытыми глазами. Очнулся я лежащим на тротуаре; мне терли виски и били по щекам, а после отвели к себе ласковые бритоголовые люди, завернутые в желтые хитоны. В большой квартире они жили коммуной. Накормив меня до икоты чем-то растительным и пряным, они долго показывали аляповатые слайды с Кришной, драконами и пастушками, требовали задавать вопросы и жаловаться на жизнь. Ночью я поднялся с лежанки, вытащил их общественные деньги из примеченной давеча шкатулки и жадно пропил в ресторане гостиницы «Узбекистан» с подвернувшимися музыкантами».

А теперь для полноты впечатления обратим свой взор на финал повести и послушаем заключительные перлы героя о себе любимом:

«Пожалуй, для начала хватит. Очень больно, должен признать, при иссечении отдельных мест (речь о резекции собственной души. — Ред.). Да-да, пока вы забавлялись, я к вам Бога под полою пронес. А как же? Иначе с вами, извините, никак».

Видю, некоторым из вас все-таки любопытно, что же со мною было дальше. Могу вкратце доложить. Образы прошлого воскресают мгновенно, только дай им повод; они волочатся за мною, как выпущенные кишки; душат меня, как забытая пуповина. Я бегу от них, от этих лживых призраков, а их раскрытые объятия тянутся за мною, льнут ко мне, манят за собою...

Это я в общих камерах Бутырской тюрьмы забивал под нары священномучеников. Это я разможил покорную головушку Саровского Чудотворца. Это я подделывал мощи святых, крал Потир, насиловал монахинь. Это я, наконец, в хриплой предсмертной истерике кривлялся и хохотал над безвинно Распавшим со своего законного креста.

— Тебе конец, грязное животное, — решите вы, — таким ничего не светит.

Ошибаетесь. Пока я жив у меня — даже у меня! — есть надежда. Вы снова будете смеяться, господа, но мне обещал ее Бог. От меня нужно одно, только одно: полюбить Его всем своим жалким, уродливым сердцем и с твердою верою попросить: «Помяни меня, Господи, когда приидешь во Царствие Твое».

Всего-то, представляете? Только бы успеть. Пока я жив».

Ну вот, а теперь в самую пору и отповедь дать. Почему именно отповедь? Да ведь иное, то есть сочувствие рассматриваемому персонажу, для всякого глупым и вредным делом станет. Доказать? Извольте. Проповедь героя повести имеет в главном ту незатейливую мысль, что человеку в земной жизни дозволено абсолютно все или почти все, что ему лично по силам станет. Сможет обманывать? Пожалуйста. Сможет обкрадывать. Опять неплохо. Да и в самом деле, разве «стричь овец» или использовать наивность многочисленных простаков большим горем для яркого человека станет? А ежели даже в тюрьму попадем, то и там при известной ловкости и сноровке жить вполне сможем. Главная штука в том, чтобы непременно успеть перед смертью покаяться или быстренько возлюбить Христа всем оставшимся сердечком, и дело, как говорится, «в шляпе». Здорово, а? И на земле пожили всласть или в охотку, и Небо не упустили. Хорошо. Но ведь подлинная жизнь никак не позволяет строптивцу обрести смирение. Иначе говоря, спасаются лишь те, кто изначально (от самого рождения) правду ищет. Пускай ищет безотчетно, неудачно, противоречиво, но все равно ищет. Для них и прозрение, для них и спасение. Остальным никакое Писание не поможет. Почему же? А потому, что они изначально истово ищут другое — богопротивное. А как же слова разбойника на кресте? А они могли быть только у него. Почему же? А потому, что только он мог обратиться непосредственно к Сыну Божию. И потом, мы ведь не знаем, что искал этот человек изначально в своей жизни, став затем разбойником. Тогда как второй и совсем неслучайный разбойник так и остался при своем богоборчестве.

Завершая, еще раз подчеркнем, что липовое покаяние бессмысленно, а к настоящему преображению человек идет в своей жизни непрерывно только один раз и достигает его уже навсегда или необратимо. А в спасение в ключе наш «пострел везде поспел» могут поверить только малоразвитые и впечатлительные натуры. Поэтому впредь не станем верить сладким побасенкам, прикрытым Священным Писанием.

Адриан Протопопов

НОЧЬЮ

Ночами пьют русалочки
густой настой глуши,
как эскимо на палочке,
маячат камыши.

Уснули мысли гнусные,
соблазны-подлецы,
и в небе звезды вкусные
висят, как леденцы.

И спит под каждой елочкой
глухая тишина,
в ручье — лимонной корочкой —
купается луна.

И, дýши сладко мучая
укорами вины,
бездомные, дремучие
по лесу бродят сны.

Мечтами полуночными
стекает, как обман,
дурманными, молочными
отварами туман.

Сквозь тьму к ручью гремучему
по слуху, на «авось»,
треща сухими сучьями,
под утро выйдет лось.

И пьет он тихой сапою,
копытя влажный след,
и соком клюквы капает
с лосиных губ рассвет.

ЖИЗНИ СУТЬ

Весна! Раздолье всякой твари.
В кругу заманчивых страстей
сидишь в раю озерной хмари,
в плену мечтаний и снастей.

Наживку бережно руками
запустишь в голубую муть,
и чуешь власть над судаками,
и ощущаешь жизни суть.

Непререкаемы и вески
желанья плоти у воды.
Висит на золотистой леске
и сердце держит всплеск беды.

Ничто покоя не нарушит
да и вокруг — ни ветерка,
и обжигает сладко душу
теплом ухи и костерка.

Зовет к себе природа в гости
и будоражит нас весной.
Омыв обглоданные кости
судачат волны за спиной.

ВЕЧНОСТЬ

Кругом такая тишина,
как в местном морге,
неслышно мается весна
в святом восторге.

Ах, долгожданная пора
любви и роста.
С деревьев сходит кожа
и вся короста.

В экстазе корчатся ручьи,
по лесу — шашни,
и жрут голодные грачи
червей на пашне.

И обнаженно смотрит мир —
светло и просто.
Пока ликует этот пир,
не до погоста.

Спасибо! Дремлет благодать
в душе от света.
Еще так долго нам летать
в объятьях лета.

СВОБОДА

В царстве ветреных суток
на траве — у огня
возлежишь ты, беспуток,
в светлом мареве дня.

Ни о чем не радея,
ни к чему не спеша,
на ветру молодея,
прозябает душа.

Треплет ветер былинки,
шумно дышит в бору,
подметает тропинки,
колукает кору.

И лежишь ненароком
безнадежно ничей,
и бормочет под боком
тоже вольный ручей.

ПРОЩАНИЕ

Осени наши злые слова,
все, что праведно в нас или лживо.
Ты уже — ни жива, ни мертва,
все во мне — ни мертво и ни живо!

Ты на ноте холодной поешь,
вместе с ветром скуля и колдуя.
Все равно без меня пропадешь,
все равно без тебя пропаду я!

ГЕНИЙ ГЛУБИНКИ

Как-никак, а дожил
до своих поминок,
слышу слово Божье,
вижу блеск слезинок.

Прошлая утроба
отдыхает в тостах:
вижу, что у гроба
не пробиться просто.

Баба изнывает
в нестерпимых столах,
а ведь, стерва, знает,
что лежу в кальсонах.

Пожалела взятки
мужикам из морга,
и дыра на пятке —
не объект восторга.

Стоила труда ли,
так, поблажка, цацка:
две моих медали
нацепить на лацкан.

Мол, непросто помер,
мол, и жил непросто:
ну, не первый номер,
ни умом, ни ростом.

Не Герой Отчизны,
не ударник — тоже,
прожигатель жизни,
на любых похожий.

И любитель пива,
всяческой «халявы»,
не искал наживы,
не обрел и славы.

Так, никчемный житель,
оголец юдоли,
ни пиджак, ни китель
не носил на воле.

Целину не резал,
богатырским плугом,
костыли на рельсах
не клепал под вьюгу.

Не дожил до рая,
накопил заботы:
в темноте сарая —
лишь баян да ноты.

Да гуляют песни,
обжигают души,
по окрестным весям
бьют, как я, баклуши.

Охмурил весь хутор
ремеслом заразным,
и остыл компьютер
в прозябанье праздном.

Сыновья и дочери,
юные придурки
оглашают ночки —
светятся окурки.

В ус — лежу — не дую,
истребитель жизни.
Вдруг — мою, родную,
завели на тризне.

И жена седая,
жизнь истратив в злобе,
все поет, рыдая
и дочурки — обе.

Встал бы с голой пяткой,
так лежать — обидно,
души б сжег трехрядкой,
да в кальсонах — стыдно!

АВГУСТ

Лето въехало в август,
Сад плодами огруз,
Детям резать не в тягость
За арбузом арбуз.
Солнце виснет над нивой,
Жжет второй травостой,
Жеребенок игривый
Мнет подтравник густой.
Август с прежнею жаждой
В небе радуги гнет.

Но увидишь однажды
Листьев первый полет.
Солнце к вечеру дремлет,
Плавню катится с круч,
Боязливо за землю
Зацепляется луч.
Дальний слышится топот —
День бредет кое-как,
Перешедший с галопа
На умеренный шаг.

ЗАСУХА

Жарой до мелей высушены реки,
Грустят мосты, кручинится народ.
Такого здесь не видели вовеки,
А за окном — не високосный год.
Но белый пароходик не причалит
Ни с ближней, ни с далекой стороны.
И пристани рассохлись от печали,
А раньше были влагою полны.
Неужто никакому поколению
Не избежать предчувствия беды,
И даже на далекой русской Лене
Таежный лес засохнет без воды?

ЧЕРНЫЕ ЛЕПЕСТКИ

Майский холод, с яблоней играя,
Вычернил ресницы-лепестки.
Не жалеют заморозки в мае
Черной краски, взятой от тоски.

Не держать ей на осенней кроне
По весне замерзшие плоды.
Я привык ко всякому урону —
Яблонька, переживешь ли ты?

ТВОИ ГЛАЗА

В глазах заглядывал я многим,
Но все не те, не те, не те!
Твоим глазам любимым строгим
Они уступят в красоте.

Твои — с прищуром, как рентгеном,
Насквозь просвечивают ложь.
Я наслаждаюсь долгим пленом,
Отдав свободу ни за грош.

БУКЕТ СИРЕНИ

Н. В.

Мои цветы — любви улики,
Не в счет сиреневый букет.
В твоих глазах играли блики —
Следы бесчисленных побед.

С тобой невольный я на воле
Средь темной ночи, бела дня.
Ты для меня удача, горе —
Точнее, просто западня.

Я песни пел, что позабыты.
Жаль, опоздал на много лет.
Судьбой и временем побитый,
Хотел услышать твой ответ.

Мне за тебя тайком молиться
Никто не сможет запретить.
Букет сиреневою птицей
При встрече будет вновь парить!

Евгений Раевский

О БРАНИ

Язык наш дик, когда испачкан бранью,
Унижен он в разнузданных речах,
Испуган злом, растерян от отчаянья,
Ведь не таким он создан изначально,
Его мы опошляем сгоряча.

Но не бранится в людях злоба,
Ругательств полон наш сумбурный быт,
Для связки слов ругаются особо
Порой друзья вернейшие до гроба —
Всем нам не чуждо слово-паразит.

Пренебрегая правом наслаждаться
Живым добром родного языка,
Мы слов величия научимся бояться,
До бедности общенья опускаться.
А так полна словесная река!

Средь множества звучащих сочетаний
Найдите в мыслях чистые слова;
Язык наш —
часть души и зодчий знаний,
Не мучайте себя бездушьем брани,
Брань — речи враг, стара сия молва.

ОТЦАМ И ДЕДАМ

Сегодня я оплакивал, скорбя,
Пред Сталиным склоненную Россию;
Нет, мне не жаль последнего рубля
На памятник народного бессилья.

Я сталинщины цепи не ковал,
И слава Богу, что не пролил крови,
Иконы не сжигал, а целовал,
И не был ворошиловским героем.

Я не лишал в тяжелые года
Поэтов хлебных карточек и дома,
Невежеству не верил никогда,
А ханжество мне с детства не знакомо.

Отцы и деды! В чем-то вы пример,
Но рушить церкви — ложное геройство,
Без тирании сталинских химер
Мы мир построим нового устройства.

Мы не позволим детям столько лет
Жить чьим-то культом, утонуть в застое,
Рукоплескать иллюзиям побед
И вытерпеть пять раз в стране героя.

Уроков прошлого звучит прямая речь:
Даем обет на будущие годы,
Что в ножны времени не будет вложен меч
Борьбы за полновластие народа.

* * *

Я бесконечно горд,
 что был рожден в России,
 И признаюсь ей в том,
 что преданно влюблен
 В ее таинственные сини,
 поля ее и рек извечный марафон.
 Я пил росу с испачканных ладоней
 Смолой янтарных сосен вековых,
 Дышал зарей, валяясь на соломе,
 И хлеб жевал с кобылой на двоих.
 Мне капельки дождя садились на ресницы,
 Приятен был мне дождь,
 пронзивший летний зной.
 Быть может, для меня
 так щедро пели птицы,
 И радуги сиял огромный серп двойной.
 Возможно, для меня, усевшись на заборе,
 Шальные петухи вопили по ночам,
 Мерцало звезд чарующее море,
 А в нем — луны огромная свеча...
 И где ж еще, как не в России милой,
 Вас каждый куст приветом наградит:
 Вдохнет Россия жизнь,
 веселье,
 бодрость,
 силы...
 Да будет всяк рожденный в ней
 красив и знаменит!

1963 год

К СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ

Плачу, но слушаю песнь колокольную,
 Русь одичалую, Русь подневольную.
 Грешная, спешная песнь величальная.
 Где ты, Россия моя изначальная?

Лоск супостатов под маской смирения,
 Храмы для хамов как мир развлечения,
 Гаснут лампы под ложным вниманием,
 Свет покорился непониманию.

Мысль облепилась людским бессердечием,
 Денежный символ назвался Предтечею,
 Тьма бездуховная ищет пристанища.
 Русь дорогая, кому ты достанешься?

ЧУР МЕНЯ!

Милосердия расплаты —
Казни совестью опять,
Время смотрит виновато,
Повернув события вспять.

Молодится разум зрелый,
Не опомниться мечтам —
Вновь за мною ошалело
Зависть ходит по пятам.

Отторгаются надежды
От желаний и затей,
Негодяи и невежды
Лезут в мир моих страстей.

Под лучами лицемерья
Страх от призраков-людей.
На Руси живет поверье:
Лесть — губительный елей.

Доставляет наслажденье
Бездуховным душу пить.
Чур меня! Вот луч прозренья!
Свет во мгле не утопить.

ТРЕВОГА

Тревожные ночи, тревожные дни,
И мы в океане холодном одни,
В звереющих ветрах встречаем рассвет,
В нем ищем покоя, но нет его, нет!

Осеннее солнце тепла лишено,
Как будто в тревоге мерцает оно;
В тяжелых лохмотьях рассерженных туч
Запрятан, запутан живительный луч.

Колючей щетиной свисают дожди,
В них тоже тревога, конца ей не жди.
Но знает моряк — в море нет тех дорог,
Которые к цели ведут без тревог.

Сангарский пролив, 1967 год

Александр Миронов

(Глава из книги «Истинной истории истоки», СПб.: Геликон Плюс, 2008)

Комментарий редакции журнала. Ниже публикуется необычная работа. Ее главное свойство в том, что она рассказывает русскому читателю то, что ему малоизвестно, а может, и совсем неизвестно. В ней А. Гитлер предстает не как одиозная личность, а как человек-миссия. В чем она была? Однозначный ответ, конечно же, затруднителен. Но в главном автору все-таки удалось приблизиться к ответу на поставленный выше вопрос, а значит, и у читателей появится шанс выйти за пределы «научной» истории, которая, к сожалению, как скрывала, так и продолжает скрывать самую историческую суть внешне широко известных событий. Тогда как распространенное незнание ключевых смыслов продолжает оказывать свое отрицательное воздействие и на настоящее, и на будущее всего человечества.

К 70-летию подписания пакта Молотова — Риббентропа

ФЕНОМЕН АДОЛЬФА ГИТЛЕРА — СУЩНОСТНЫЙ ОТВЕТ БОЛЬШЕВИЗАЦИИ РОССИИ...

**22 июня 1941 года — символ абсолютно предопределенного
и погибельного потрясения СССР**

Идея войны против России сама по себе весьма популярна, поскольку разгром большевизма должен принадлежать к числу самых важных дат в истории человеческой цивилизации...

Министр иностранных дел фашистской Италии
граф Галеаццо Чиано.
Запись в дневнике 21.06.41 г.

О чем повествует третья часть настоящей книги? Неужели в ней будет представлен уже давно известный взгляд на историю национал-социализма? Самому автору совсем не хотелось бы получить подобный результат, ведь его цель — выявление подлинной причины возникновения сего жуткого социального феномена, чья природа и роль все еще остаются непроясненными. Впрочем, кто-то заметит, что вопрос появления фашизма в истории человечества уже далеко в прошлом, а значит, и беспокоиться о нем и вообще вряд ли следует. Да, оно все, конечно, так, но... Впереди человечество,

видимо, ожидает еще нечто такое, от чего у многих легко могут и волосы на голове встать дыбом. Другими словами, не уяснив роль и значение разбираемого феномена, идти в будущее весьма рискованно. Почему? Да потому, что, например, Вторая мировая война, вызванная к жизни Гитлером, до сих пор содержит в себе предпосылки новых войн, так как она была лишь усмирена человечеством, но не была им совсем изжита или преодолена в самой своей основе. Об этом свидетельствует весь послевоенный опыт, в котором и поныне сохраняются предпосылки и для новых мировых потря-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

сений. Какие именно? А горы новейших вооружений, разве они не доказывают сформулированное выше допущение? Другими словами, проблема фашизма и природы его сердцевины — национал-социализма так и остается донныне нераспознанной, а значит, и не снятой. Или фашизм побежден, но все еще жив, а может быть, и торжествует незримо в какой-то своей части. К чему, прежде всего, стремился фашизм объективно и всей своей сутью? Правильно — к уничтожению большевистской России. Удалось ли сие? Правильно, удалось вполне, только не сразу: не в 1941, а в 1991 году. Иначе говоря, СССР в борьбе с гитлеровским нашествием лишился значительной и лучшей части собственного народонаселения. В результате фашистского нашествия страна социализма медленно, но верно стала скатываться в сторону внутреннего перерождения и утраты всех значимых целей и смыслов собственного существования. Что и привело СССР впоследствии к скорой гибели. То есть фашизм с сущностной точки зрения, как это ни странно, одержал-таки над СССР полную и, может быть, даже окончательную победу. Почему? А потому, что *сверхзадача освобождения России от большевизма* сегодня решена. Точка. Но почему вдруг таким ненавистным оказался большевизм? Видимо потому, что именно он предстал в качестве крайне опасного и единственного конкурента за влияние на человечество. Для кого же? Вот уж вопрос, так вопрос! Принято думать, что прежде всего капиталисты и есть главные враги большевиков, так как последние лишают капитал самой основы его бытия. То есть большевики первым смыслом своего дела как раз и видели задачу ликвидации класса капиталистов, а также всех условий его возникновения в будущем. С другой стороны, всякий капиталист объективно стремится к выделению себя среди других людей как наиболее значимого (важного) лица, от воли которого зависят многие судьбы. Другими словами, капитал — это вовсе не цель деятельности, как думают многие

недалекие исследователи, капитал — это комплексное (системное) средство для обретения значимого смысла частного бытия. Впрочем, кто-то заметит, что только капитал дает человеку возможность свободной жизни, а значит, лишь он позволяет его обладателю стать вполне счастливым и продлить самого себя уверенно в обеспеченном потомстве. Что ж, спорить не будем, все так. Но разве справедливо думать (считать), что история человечества — это только очень сложная борьба за обладание материальным ресурсом? Ведь те же большевики никогда не стремились к личному обогащению (по крайней мере, их родоначальники), а значит, они вполне отчетливо выступили исторической альтернативой обозначенного выше дискурса истории. Иначе говоря, всякий полноценный (развитый) человек никогда не сводил и не сводит ныне свою жизнь к приумножению личного капитала. Поэтому теория, что миром правят только деньги (материальные ресурсы), оказывается уязвимой в своей основе. То есть человеческая история на самом деле имеет куда более сложные цели, чем просто борьба за территории и всевозможные ресурсы. Какие именно? А например, уже известный идеал построения коммунистического общества, в котором люди смогли бы стать подлинными братьями друг другу, а не конкурентами в борьбе за богатства. Да, сей идеал, конечно же, труднодостижим, но зато он дает человеку достойную его очень сложную цель, ради которой ему действительно стоит жить. Тогда как борьба за потребление ресурсов земли ради их же возрастающего потребления ведет *гарантированно* к общей и неминуемой гибели. Поэтому-то и не случайно в стане противников большевиков и возник свой — фашистский (национал-социалистский) идеал сверхчеловека, господина людей, расы победителей и покорителей мира. Другими словами, не капиталисты выдумали и вооружили всем необходимым Гитлера, наоборот, это он пришел к ним как их же спаситель от возникшей «красной опасности». Да, мировой капитал,

например в лице своего выдающегося представителя банкира Варбурга, весьма активно финансировал НСДАП (национал-социалистическую германскую рабочую партию) как до, так и после прихода ее к власти в Германии. И сие происходило не от нечего делать, сие делалось от непреходящего ужаса перед успехом большевиков в России, перед вполне реальной перспективой их поддержки трудовыми массами других стран. Поэтому Гитлер есть своего рода мессия наоборот, или мессия с отрицательным знаком. По-своему он и есть тот подлинный сверхчеловек, который в конце концов смог лично потрясти самые основы современного мира, смог показать подлинные цели сильных мира сего всему остальному человечеству во всей их наготе. С другой стороны, кто-то возразит, что Гитлер — это еще не весь германский национал-социализм. Но в данном случае фигура лидера названного выше социально-политического движения как никакая другая как до, так и после нее сопрягалась самой сутью своей с названным общественным явлением. Почему же? А потому, что именно Гитлер неотрывно контролировал его на каждом из его этапов — и даже в момент его решающего военно-политического поражения. Аналогичная картина усматривается и в случае итальянца Бенито Муссолини, который прошел очень схожий с Гитлером путь, но прошел его несколько что ли пародийно или не совсем всерьез. Но попробуем обосновать выдвинутое выше утверждение. Для этого воспользуемся книгой самого Адольфа Гитлера «Моя борьба», а также биографией нацистского вождя в изложении Иоахима Феста. Но сначала процитируем фрагмент текста телеграммы германского министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа послу Германии в Москве графу фон дер Шуленбургу от 14 августа 1939 года (Известия. 1989. 15.08. № 228):

«Я прошу Вас лично связаться с господином Молотовым и передать

ему следующее: Идеологические расхождения между национал-социалистической Германией и Советским Союзом были единственной причиной, по которой в предшествующие годы Германия и СССР разделились на два враждебных, противостоящих друг другу лагеря... Период противостояния во внешней политике может закончиться раз и навсегда; дорога в новое будущее открыта обеим странам... Жизненные пространства Германии и СССР прилегают друг к другу, но в столкновениях нет естественной потребности... У Германии нет агрессивных намерений в отношении СССР... Верно, что Германия и Советский Союз, в результате многолетней вражды их мировоззрений, сегодня относятся друг к другу с недоверием... В общих интересах обеих стран избежать на все будущие времена разрушения Германии и СССР, что было бы выгодно лишь западным демократиям...»

Что мы видим в приведенном выше тексте? Мы усматриваем, что между Германией и СССР имелись *идеологические расхождения и вражда мировоззрений*. То есть в этих странах господствовали, если хотите, взаимоисключающие символы народной веры, а это означало, что тогда во всем мире не существовало более непримиримых с сущностной точки зрения сторон, чем нацизм и марксизм, что, кстати, и проявилось затем в самых жутких красках войны Германии с СССР. В ней уже речь могла идти лишь о полной и окончательной военной победе одной из сторон. Поэтому в названном смысле никакое мирное сосуществование указанных стран невозможно было в принципе. Иначе говоря, никакие договоренности упомянутых сторон не должны были рассматриваться всерьез как сколь-нибудь долговременные, а значит, и воспринимать их, и даже вести о них речь могли только не совсем дальновидные люди. Но почему вдруг так-то? Среди схожих по мировоззрению стран приемлемо абсолютно все, что не противоречит ему по сути, но

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

среди носителей взаимоисключающих воззрений на смысл человеческой жизни никакого честного соглашения быть не могло и не может существовать в принципе. СССР же в августе 1939 года встал на путь сделки, как говорится, с собственной совестью. Впрочем, сему способствовало то обстоятельство, что большевики изначально, включая положения собственной теории, уже предполагали для себя путь возможного использования силы и даже обмана для достижения собственных внешне как бы безупречных целей. Тем самым именно они и обрекли

СССР на грядущее неминуемое потрясение 22.06.41 года, которое окончательно сработало (принесло-таки предсказанные Гитлером основные результаты) уже в 1991 году. Почему же так? А потому, что заметно умаленная капиталистическая (трехцветная) Россия, возникшая на развалинах СССР, вполне устраивает собою мир неудержимой наживы и поклонения человека самому себе. Впрочем, это лишь самый предварительный вывод (гипотеза), который и предстоит в настоящем исследовании либо серьезно обосновать, либо отвергнуть как очевидно уязвимый или ошибочный.

ПРИЗНАКИ БУДУЩЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

*Вы — идиот! Если бы никогда в моей жизни
не было фантазий, то где были бы вы, я, где
были бы все мы сегодня?*

Адольф Гитлер

В своем выдающемся труде «Гитлер. Биография. Путь вверх» его автор Иоахим Фест с самого начала указывает на необычные черты Адольфа Гитлера. В частности, он в числе прочего пишет такое: «В течение всей его жизни в нем (речь о Гитлере. — *Авт.*) было нечто такое, что удерживало дистанцию» — свидетельства тех, кто когда-либо соприкасался с ним»; «он не желал быть ничьим учеником, ибо уверял, что получил все познания благодаря собственному вдохновению, озарению и общению с духом»; «он был чужим среди своих»; «Гитлер: „Людам не надо знать, кто я. Людам не надо знать, откуда я и из какой семьи“»; «его занимало все, весь мир, который, как он считал, следует изменить основательно и во всех его деталях»; «Август Кубицек (друг юности Гитлера): „Он (речь о Гитлере. — *Авт.*) не видел разницы, говоря о чем-то готовом или о том, что еще только планировал“, “В колоссальных, захватывающих картинах развивал он (речь о Гитлере. — *Авт.*) передо мной свое будущее и будущее своего народа”»; «Не

без обеспокоенности отмечал Кубицек у Гитлера внезапные приступы ярости и отчаяния, множественность и интенсивность проявлений агрессии, равно как и его поистине безграничной способности ненавидеть... Зачастую состояние экзальтированной возбужденности у Гитлера резко сменяется приступами глубокой депрессии, когда он видит “только несправедливость, ненависть и вражду” и выступает “сиротливо и одиноко против всего человечества, которое его не поняло и не оценило, обманывало и преследовало” и повсюду расставило “силки” “с одной лишь единственной целью — помешать его восхождению вверх”»; «Мать (речь о матери Гитлера. — *Авт.*) говорила (в 1907 году. — *Авт.*), что Адольф будет идти своим путем, невзирая ни на что, “как будто он один на всем свете”». С другой стороны, Фест указывает, что «он (речь о Гитлере. — *Авт.*) в большей степени проявлял себя парадоксальным сторонником апробированного, человеком, защищавшим тот строй, который он одновременно хулил». То есть Гитлер

изначально бьется не за отмену устоев миропорядка, он бьется во имя их восстановления *в полной мере*. Поэтому, как пишет Фест, Гитлер носитель вполне известной «сущности, состоявшей в потребности в самоутверждении и принадлежности к определенному кругу, что и является главной потребностью буржуа». Иначе говоря, Гитлер, как ни странно, изначально более многих, ежели не всех вместе взятых, буржуазен. И как бы подтверждая сказанное выше, Фест говорит: «Он (речь о Гитлере. — *Авт.*) желал... все же оставаться “барин”»; «Социальное неуважение было для Гитлера намного тягостнее, нежели социальная нищета, и если он впадал в отчаяние, то страдал не из-за отсутствия порядка в этом мире, а из-за недостаточной роли, которая выпала в нем на его долю». То есть Гитлер одновременно и революционер, и смертельный враг всякой революции. Теперь впору сказать и о роли известных людей на формирование личности Гитлера. Фест в связи с этим пишет: «Сам Гитлер позже уверял, что у него “не было предшественников”, за исключением Рихарда Вагнера, и говорил о нем не только как о гениальном музыканте и драматурге, но и как о сильной личности, “величайшем пророке немецкого народа”. Гитлер любил подчеркивать выдающееся значение Вагнера “для развития немецкого человека”, восхищался мужеством и энергией его политических действий, “хотя тот, собственно, не хотел иметь дела с политикой” и как-то раз сказал, что, когда он осознал свое внутреннее родство с этим великим человеком, его охватило “прямотаки истерическое возбуждение”». Кроме этого, несколько ниже Фест дополняет сравнение Гитлера с Вагнером следующим рассуждением: «...и тут и там так и оставшаяся неясной история с происхождением, неудачная учеба, уклонение от воинской службы, патологическая ненависть к евреям, равно как и вегетарианство, развившиеся у Вагнера в конечном счете в навязчивую идею, что растительная пища должна принести спасение челове-

ству. Общим для того и другого является и проявление ими экстремальности во всем, постоянные метания из крайности в крайность, когда состояния подавленности и подъема, триумфы и катастрофы неожиданно сменяют друг друга. Во многих операх Рихарда Вагнера налицо классический конфликт одиночки, повинующегося установленному им самим закону, с унаследованными, закостеневшими порядками. И во всех этих героях — будь это Риенци или Лоэнгрин, Штольцинг или Тангейзер — несостоявшийся студент (речь о Гитлере. — *Авт.*) Академии художеств, сидя перед баночкой с тушью в читальном зале мужского общежития, видел, словно в операх Вагнера, проявления своего собственного противоборства с миром». И далее Фест как бы обрамляет уже произведенное им сравнение Гитлера и Вагнера такими словами: «Порою прямо-таки кажется, что и свою жизнь он прожил, подражая своему кумиру или хотя бы пытаясь стилизовать ее под него. И тому и другому была свойственна гипертрофированная жажда власти, собственно говоря — склонность к деспотизму. Искусство Вагнера никогда не позволяет забывать о том, что в своей основе оно было инструментом неуправляемого и далеко идущего стремления подчинять себе все вокруг. Эта столь же непреодолимая, сколь и двусмысленная тяга к массовым сценам, внушительности, к ошеломляющим масштабам объясняет, почему первой крупной композицией после “Риенци” и “Летучего голландца” у Вагнера стало его произведение для хора из тысячи двухсот голосов и оркестра из ста музыкантов. Трезвый и непредвзятый взгляд на приемы, характерные для музыки Вагнера как никакой другой, обнаруживает неизменное самоискушение величественным эффектом завывания волюнок, когда в сопровождении резкого визга смычковых разворачивается действие, где все вперемешку — Вальхалла (речь о чертоге мертвых. — *Авт.*), реву и храмовые обряды. С Вагнером в искусстве началась эпоха неразборчивого

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

околдовывания масс. И просто невозможно представить стиль зрелищ в Третьем рейхе без этой оперной традиции, без демагогического по своей сути творчества Рихарда Вагнера». И еще одно и весьма важное соображение в связи с фигурами Гитлера и Вагнера из книги Феста: «И как Рихард Вагнер совмещал роль революционера с амплуа друга-конфидента короля — “государственного музыканта”, как с издевкой писал Карл Маркс, — точно так же молодой Гитлер лелеял мечты о таком восхождении, которое бы примирило его ненависть к обществу с его оппортунистическими инстинктами. Вагнер устранил все очевидные противоречия, провозгласив искусство целью и назначением бытия, а творца-художника — его высшей силой, которая неизменно вмешивается в жизнь человека и приносит спасение там, где “отчаивается государственный муж, опускает руки политик, мучится с бесплодными системами специалист и даже философ только нащупывает, но еще не возвещает”. То, что он проповедовал, было абсолютной эстетизацией жизни под руководством искусства. В результате, по его мысли, государство должно было быть поднято на уровень художественного произведения, а политика — обновлена и доведена до совершенства духом искусства. В театрализации общественной жизни Третьего рейха, в страсти режима к инсценировкам и в драматургии его политической практики, которая нередко, казалось, и становилась главной целью политики, нетрудно уловить элементы этих программных воззрений... Вагнер был для молодого Гитлера не только великим примером, но и учителем, чьи идеологические аффекты тот перенял очень широко; именно через него шла связь с коррумпированным духом времени. Широко распространенные на рубеже веков политические сочинения Вагнера были любимым чтением будущего фюрера, а напыщенное многословие его стиля несомненно оказало влияние и на формирование стиля самого Гитлера. Наряду с операми они содержат всю

идейную подоплеку той картины мира, которую Вагнер скомпоновал для себя из упомянутых элементов: тут и дарвинизм, и антисемитизм (“Ибо я считаю еврейскую расу заклятым врагом чистого человечества и всего благородного в нем”), и представление о германской силе и освободительном варварстве, и мистицизм очищения “Парсифаля”, да и вообще весь мир драматического искусства этого композитора, мир, в котором на резко дуалистических позициях враждебно противостоят друг другу добро и зло, чистота и испорченность, властитель и подневольный. Проклятие золота, копошащаяся под землей низшая раса, конфликт между Зигфридом и Хагеном, трагический гений Вотана — весь этот необычайно многозначный мир с его кровью, истреблением драконов, страстью к господству, предательством, сексуальностью, язычеством, со спасением и колокольным звоном в театральную Страстную пятницу и был той идейной средой, которая максимально отвечала и страхам Гитлера, и его потребностям в триумфе. Стремление самоучки к общепринятым воззрениям и обрело для себя в этом творчестве и в том, что его сопровождало и выплескивалось за его рамки, скомпонованную картину мира, и теперь это уже были истины, “гранитные фундаменты”». Что более всего беспокоило в юности Адольфа? На сей счет Фест пишет: «Больше всего его беспокоило, как бы обстоятельства времени не загубили его притязания на великую судьбу. Он боялся бедной событиями жизни. Еще подростком, как он напишет через годы, он “часто с горечью задумывался над тем, что слишком поздно пришел на эту землю” и “в предстоящих временах покоя и порядка видел незаслуженную издевку судьбы”. И только будущий хаос, по его собственному признанию, столпотворение и рушащиеся порядки смогли излечить этот разрыв с реальностью. Сворачиваясь своими экзальтированными мечтаниями, он был одним из тех, кто предпочитает жизни, наполненной разочарованиями, жизнь, на-

полненную катастрофами». Далее упомянутый выше автор биографии Гитлера указывает на весьма примечательное свойство портрета своего героя: «Как мы сегодня знаем, когда какой-либо вопрос был важен для него, он нередко срывался на крик, но все его высказывания, сколь бы страстными они не были, отличались своею последовательностью». Теперь о роли Первой мировой войны в вопросе выявления феноменальности личности будущего фюрера. Фест об этом в числе прочего говорит так: «Сам Гитлер скажет, что война перевернула его сознание. Помимо всего прочего, она придала ему, молодому идеалисту, твердость и сознание собственной значимости... Мужество и хладнокровие, проявленные им под шквальным огнем, создали ему довольно высокий авторитет у однополчан; если Гитлер был рядом, говорили они, “то ничего не случится”. Кажется, эта уверенность произвела большое впечатление и на него самого; она явно укрепила в нем ту веру в свое особое предназначение, которую он настойчиво хранил в себе даже в годы неудач». Кто еще и чем существенным вооружал будущего диктатора? Вот как отвечает на поставленный вопрос автор выдающейся биографии Гитлера: «И еще более твердая почва под ногами появляется, когда читаешь выводы, которые Гитлер, по его собственным словам, сделал из наблюдения за социал-демократической пропагандой — печатью, демонстрациями и выступлениями ораторов. Они наложили огромный отпечаток и на его собственные методы воздействия на массы: “Психология широких масс невосприимчива ко всему половинчатому и слабому. Подобно женщине, душевное восприятие которой определяется не столько доводами абстрактного разума, сколько доводами неопределимой, эмоциональной тоски по недостающей силе, и которая поэтому предпочитает подчиняться сильному, нежели повелевать слабым, так и массы больше любят повелителя, чем просителя, и в душе чувствуют себя более удовлетворенными учением, ко-

торое не терпит рядом с собой никакого другого, нежели допущением различных либеральных вольностей. Да они и не знают, что с ними делать, и даже чувствуют себя какими-то потерянными. То, что их бесстыдно терроризируют духовно, не доходит до их сознания в той же мере, как и возмутительное злоупотребление их человеческой свободой, ибо они никак не ощущают внутреннего безумия учения о свободе в целом. Так что они видят только безудержную силу и жестокость его устремлений, которым они в конечном итоге всегда покоряются. Если социал-демократии будет противопоставлено учение более правдивое, но проводимое с такой же силой и скотской грубостью, это учение победит, хотя и после тяжелой борьбы». Таким образом, мы видим, что Адольф Гитлер изначально был совершенно особым или, если хотите, невероятно уникальным учеником своей эпохи. Его страстно привлекало все, что позволяло ему видеть перспективу собственного восхождения к вершинам власти и воплощения своего исторического предназначения. Поэтому всякие разговоры о том, что он был лишь выбран из числа многих ему подобных и банально назначен мировой закулисой повелевать до известного срока заметной частью мира, конечно же, не выдерживают серьезной критики. Да, глупо спорить с тем, что ему помогали и что его поддерживали сильные мира сего, благодаря чему он и стал тем, кем стал. Но главным фактором в этом случае, очевидно, является все же его личность, ее специфические особенности, которые полностью соответствовали главным мировым задачам соответствующей эпохи. Иначе говоря, без фигуры Гитлера ничего бы не состоялось. Или никакие деньги не смогли бы сами по себе прочертить то глубочайшее историческое русло, которое и возникло исключительно благодаря фигуре немецкого фюрера. Именно он, может быть, впервые в истории сумел так глубоко оценить потенциал пропаганды и поставить ее на невероятно эффективную службу собствен-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ным интересам, как никто другой в истории до него. В частности, на этот счет Фест пишет такое: «По его мнению (речь о Гитлере. — *Авт.*), она (речь о пропаганде. — *Авт.*) должна быть общедоступной, обращаться не к образованным кругам, а “исключительно к массам”, ее уровень должен устанавливаться в соответствии со способностью духовного восприятия самого ограниченного из тех, кому она адресуется. Она должна содержать постоянно повторяющиеся лозунги и концентрироваться на ограниченном количестве понятных целей; всегда обращаться исключительно к чувствам и ни в коем случае к разуму; решительно отказываться от какой бы то ни было объективности, не допуская даже тени сомнения в собственной правоте, ибо существуют только “любовь или ненависть, правда или нет, истина или ложь, но не бывает, чтобы половина-наполовину”. Все это, как, собственно, и всегда и везде у Гитлера, отнюдь не оригинальные мысли. Но энергия его мысли, та свобода, с которой он подчинял массы, не пренебрегая их ограниченностью, недалекостью и инертностью, а делая инструментами своих устремлений, и дадут ему в будущем значительное превосходство перед всеми соперниками, перед другими претендентами на расположение масс». Да, злодеяния Гитлера крайне велики, глупо спорить. Но они лишь объективно или бесстрастно подтверждают огромное значение его личности в истории всего мира. Радикализм националистов всех времен и народов был и по сию пору и остается всего лишь нарушением действующих норм жизни, которые как раз фактом такого нарушения и закрепляют свою легитимность. Радикализм уже Гитлера, напротив, изначально отменял все существующие условия и вносил в сти-

хию жизни новый, еще неслыханный элемент. Фест также фактически вторит уже сказанному до того: «Начиная с первого кризиса в партии (речь о НСДАП. — *Авт.*) летом 1921 года и до последних дней апреля 1945 года, когда он исключил Геринга и Гиммлера из НСДАП, позиция Гитлера оставалась неизменной. Он не терпел над собой никаких авторитетов — даже авторитета идеи. И своим грандиозным произволом он тоже делал историю — способом, который уже в его время представлялся анахроничным и, надо надеяться, никогда больше не будет использован. Это была цепь субъективных решений. Неожиданных ударов и поворотов, поразительных по своему коварству поступков, идейных самоотречений, но всегда с упорно преследуемым фантомом на заднем плане. Что-то от его своеобразного характера, от того субъективного элемента, который навязывался им ходу истории, находит свое выражение в формулировке “гитлеровский фашизм”, столь распространенной в 30-е годы в марксистской теории; и в этом смысле национал-социализм вполне обоснованно определяется как гитлеризм». Как раз самые последние слова о его личном способе управления судьбами мира и подтверждают невыносимую и сегодня многими исследователями мысль о жутком величии этого поистине страшного человека. Нет, не был он ничтожеством, как пытаются его представить ныне обывателям, не был он и сумасшедшим, во что очень хочется верить иным его противникам. Наоборот, все более и более складывается впечатление, что вся правда о личности и подлинных деяниях Гитлера лишь скрывает саму суть бесчестной организации всей современной цивилизации. Но тогда кто и что он такое, в самом деле?

САМ О СЕБЕ, И НЕ ТОЛЬКО...

В своем доктринальном труде «Моя борьба» Адольф Гитлер характеризует себя и свои предпочтения самым сме-

лым образом. Прямо в начале первой главы в числе прочего он указывает и такое свое откровение: «...после того

как окажется, что такая Германия (речь об объединении Германии в одно государство с землями соседних государств, компактно заселенными немцами. — *Авт.*) в состоянии прокормить в достаточной мере все свое население, — возникающая нужда дает народу моральное право на приобретение чужих земель. Тогда меч начинает играть роль плуга, тогда кровавые слезы войны ерошат землю, которая должна обеспечить хлеб насущный будущим поколениям». Странное заявление, не правда ли, ведь это чистый призыв к захватнической войне? Возражающим себе Гитлер сообщает такое: «Только бездейные и слабоумные люди могут считать, что те или иные государственные границы на нашей земле являются чем-то навеки неизменным и не подлежащим изменению. На самом деле все границы только временны. Это только пауза перед тем как наступит новая борьба за переделку границ. Сегодня эти границы кажутся неизменными, а уже завтра они могут быть изменены». И здесь для все еще сомневающихся: «...на землях, которые мы завоюем, будущие поколения крестьян будут производить на свет божий новые сильные поколения сынов немецкого народа, и в этом будет оправдание наших жертв». Но что предшествовало сим «могучим» речам? Как бы отвечая на поставленный вопрос, будущий фюрер пишет: «Первое: я стал националистом. Второе: я научился изучать и понимать историю... "Учиться" истории означает уметь искать и находить факторы и силы, обусловившие те или другие события, которые мы потом должны признать историческими событиями. Искусство чтения и изучения сводится в этой области к следующему: существенное запомнить, несущественное забыть... Я знаю многих, которые "читают" бесконечно много — книгу за книгой, букву за буквой; и все-таки я не назову этих людей иначе, как только "начитанными". Конечно, люди эти обладают большим количеством "знаний", но их мозг совершенно не способен сколько-нибудь правильно усвоить, зарегистрировать и

классифицировать воспринятый материал. Они совершенно не обладают искусством отделять в книге ценное от ненужного, необходимое держать в голове, а излишнее, если возможно, просто не видеть и, во всяком случае, не обременять себя балластом. Ведь и чтение не является самоцелью, а только средством к цели. Чтение имеет целью помочь человеку получить знания в том направлении, какое определяется его способностями и его целеустремлением. Чтение дает человеку в руки те инструменты, которые нужны ему для его профессии, независимо от того, идет ли речь о простой борьбе за существование или об удовлетворении более высокого назначения. Но, с другой стороны, чтение должно помочь человеку составить себе общее мирозерцание. Во всех случаях одинаково необходимо, чтобы содержание прочитанного не откладывалось в мозгу в порядке оглавления книги. Задача состоит не в том, чтобы обременять свою память определенным количеством книг. Надо добиваться того, чтобы в рамках общего мировоззрения мозаика книг находила себе соответствующее место в умственном багаже человека и помогала ему укреплять и расширять свое мирозерцание. В ином случае в голове читателя получается только хаос. Механическое чтение оказывается совершенно бесполезным, что бы ни думал об этом несчастный читатель, наглотавшийся книг. Такой читатель иногда самым серьезным образом считает себя "образованным", воображает, что он хорошо узнал жизнь, что он обогатился знаниями, а между тем на деле по мере роста такого "образования" он все больше и больше удаляется от своей цели... Тот же человек, который умеет правильно читать, сумеет любую книгу, любую газету, любую прочитанную им брошюру использовать так, чтобы взять из нее все действительно ценное, все действительно имеющее не только преходящее значение. Он сумеет расчленивать и усвоить приобретенный новый материал так, что это поможет ему уточнить или пополнить то, что он уже

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

знал раньше, получить новый материал, помогающий обосновать правильность своих взглядов. Если перед таким человеком жизнь внезапно поставит новые вопросы, его память моментально подскажет ему из прочитанного то, что нужно именно для данной ситуации. Из того материала, который накопился в его мозгу в течение десятилетий, он сумеет быстро мобилизовать то, что нужно для уяснения поставленной новой проблемы и для правильного ответа на нее. Только такое чтение имеет смысл и цель... Полученная мной в школе любовь к историческому мышлению никогда не оставляла меня в течение всей моей дальнейшей жизни. Изучение истории становится для меня неиссякаемым источником понимания исторических событий современности, т. е. политики. Я не ставлю себе задачу «учить» современность — пусть она учит меня». Что волнует Гитлера в период становления его личности, когда он пытается найти свою дорогу в жизни? «В этот период у меня раскрылись глаза на две опасности, которые я раньше едва знал по имени и всего значения которых для судеб немецкого народа я, конечно, не понимал. Я говорю о марксизме и еврействе». Какой для себя главный вывод делает Гитлер о разумном отношении ко всякой общественной деятельности? «Моя борьба» прямо и четко отвечает на это: «...общественная деятельность прежде всего не должна рассчитывать ни на какую благодарность, ибо ее задачей является не распределять милость, а восстанавливать право... Уже тогда (в период пребывания сразу после школы в Вене. — *Авт.*) я убедился, что здесь к цели ведет только двойной путь: глубочайшее чувство социальной ответственности, направленное к созданию лучших условий нашего общественного развития, в сочетании с суровой решительностью уничтожить того горбатого, которого исправить может только могла... общественная деятельность... должна сосредоточиваться на устранении тех коренных недостатков в организации нашей хозяйственной и культурной

жизни, которые неизбежно приводят или, по крайней мере, могут приводить отдельных людей к вырождению». Для получения новых деталей к портрету Гитлера перечитаем также и такой его пассаж: «Наше буржуазное общество спокойно смотрит на то, как в театрах и в кино, в грязной литературе и в сенсационных газетах изо дня в день отравляют народ. И после этого оно еще удивляется, почему массы нашего народа недостаточно нравственны, почему проявляют они “национальное безразличие”. Как будто в самом деле грязная литература, грубые сенсации, киноэкран могут заложить здоровые основы патриотического воспитания народной массы». А вот уже выпад в сторону христианства, хотя речь идет о смыслах социал-демократии: «Я понял, что за фразами о социальной добродетели и любви к ближнему кроется настоящая чума, от которой надо как можно скорей освободить землю под страхом того, что иначе земля легко может стать свободной от человечества». Об отношении человека к политике Адольф Гитлер говорит так: «Кто не интересовался политическими вопросами, в моих глазах терял всякое право критиковать или даже просто жаловаться». О роли профсоюзного движения: «Ясно, что профессиональная организация могла бы вести к укреплению социальной идеи в практической жизни и тем самым к устранению тех причин, которые вызывают раздражение масс и постоянно порождают поводы к недовольству и жалобам... Уже на рубеже XX столетия профдвижение давно перестало служить своей прежней задаче. Из года в год оно все больше подчинялось социал-демократической политике и в конце концов превратилось исключительно в рычаг классовой борьбы. Его задачей стало изо дня в день наносить удары тому экономическому порядку, который с таким трудом едва-едва был построен. Подорвав экономический фундамент государства, можно уже подготовить такую же судьбу и самому государству... В лагере буржуазии очень много возмущались

по поводу лживости социал-демократической тактики, но сами представители буржуазии никакой серьезной линии собственного поведения наметить не сумели. Казалось бы, что раз социал-демократия так трепещет перед каждым действительным улучшением положения рабочих, то надо было бы напрячь все силы именно в этом направлении и тем вырвать из рук апостолов классовой борьбы их слепое оружие. Ничего подобного сделано не было. Вместо того чтобы перейти в наступление и взять позицию противника с бою, предпринимательские круги предпочли пятиться назад, уступать немного лишь под давлением противной стороны и в самую последнюю минуту соглашаться лишь на такие совершенно недостаточные улучшения, которые ввиду своей незначительности никакого действия оказать не могли и которые поэтому социал-демократия могла легко отклонить. В действительности все оставалось по-старому. Недовольство только выросло еще больше. Уже тогда так называемые “свободные профсоюзы” висели грозным облаком над общеполитическим горизонтом и омрачали существование каждого отдельного трудящегося. Свободные профсоюзы стали одним из ужаснейших орудий террора, направленных против независимости и прочности национального хозяйства, против незыблемости государства и свободы личности. Именно свободные профсоюзы в первую очередь сделали то, что понятие демократии превратилось в смешную и отвратительную фразу. Это они опозорили свободу, это они всей своей практикой послужили живой иллюстрацией к известным словам: “если ты не хочешь стать нашим товарищем, мы пробьем тебе череп”. Вот какими рисовались мне... эти друзья человечества». О марксизме: «Официальная партийная литература (речь о марксистской литературе. — *Авт.*) могла мне в этом отношении (в отношении изучения марксизма. — *Авт.*) помочь, конечно, лишь немного. Поскольку официальная литература касается экономических тем, она опериру-

ет неправильными утверждениями и столь же неправильными доказательствами; поскольку же дело идет о политических целях, она просто лжива насковозь. К тому же и весь крючкотворческий стиль этой литературы отталкивал меня до последней степени. Их книжки полны фраз и непонятной болтовни, полны претензий на остроумие, а на деле крайне глупы. Только вырождающаяся богема наших больших городов может испытывать удовольствие от такой духовной пищи и находить приятное занятие в том, чтобы отыскивать жемчужное зерно в навозных кучах этой литературной китайщины. Но ведь известно, что есть часть людей, которые считают ту книгу более умной, которую они менее всего понимают. Сопоставляя теоретическую лживость и нелепость учения социал-демократии с фактами живой действительности, я постепенно получал все более ясную картину ее подлинных стремлений. В такие минуты мной овладевали не только тяжелые предчувствия, но и сознание грозящей с этой стороны громадной опасности; я видел ясно, что это учение, сотканное из эгоизма и ненависти, с математической точностью может одержать победу и тем самым привести человечество к неслыханному краху. В это именно время я понял, что это разрушительное учение тесно и неразрывно связано с национальными свойствами одного определенного народа, чего я до сих пор совершенно не подозревал. Только знакомство с еврейством дает в руки ключ к пониманию внутренних, т. е. действительных намерений социал-демократии. Только когда познакомишься с этим народом, у тебя раскрываются глаза на подлинные цели этой партии, и из тумана неясных социальных фраз отчетливо вырисовывается оскалившаяся маска марксизма». А какие факторы эпохи начала XX века вызвали у фюрера к жизни его фантастический антисемитизм? Гитлер, в числе прочего, сообщает на сей счет следующее: «Ничто не заставило меня в скором времени так резко изменить мнение о них (речь о евреях. — *Авт.*),

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

как мое знакомство с родом деятельности евреев в известных областях... Когда я познакомился с деятельностью еврейства в прессе, в искусстве, в литературе, в театре, это неизбежно должно было усилить мое отрицательное отношение к евреям. Никакие добродетельные заверения тут не могли помочь. Достаточно было подойти к любому киоску, познакомиться с именами духовных отцов всех этих отвратительных пьес для кино и театра, чтобы ожесточиться против этих господ. Это чума, чума, настоящая духовная чума, хуже той черной смерти, которой когда-то пугали народ. А в каких несметных количествах производился и распространялся этот яд! Конечно, чем ниже умственный и моральный уровень такого фабриканта низостей, тем безграничнее его плодovitость. Этакий субъект плодит такие гадости без конца и забрасывает ими весь город (речь о Вене. — *Авт.*). Подумайте при этом еще о том, как велико количество таких субъектов. Не забудьте, что на одного Гете природа всегда дарит нам 10 тысяч таких пачкунов, а каждый из этих пачкунов разносит худшего вида бациллы на весь мир. Ужасно было убедиться, что именно евреям природа предопредила эту позорную роль. Уж не в этом ли следует искать “избранность” этого народа! Я начал тогда самым старательным образом собирать имена авторов всех этих грязных сочинений. И чем больше увеличивалась моя коллекция, тем хуже было для евреев. Сколько бы мое чувство ни продолжало сопротивляться, разум вынужден был сделать непреклонные выводы. Факт остается фактом, что хотя евреи составляли максимум сотую часть населения этой страны, среди авторов указанных грязнейших произведений девять десятых евреи. Теперь я начал с этой точки зрения присматриваться и к моей дорогой “большой прессе”. Чем пристальнее я присматривался к ней, тем резче менялось мое мнение и в этой области. Стиль ее становился для меня все более несносным, содержание начинало мне казаться все более

пустым и внутренне фальшивым. Под так называемой объективностью изложения я стал обнаруживать не честную правду, а большей частью простую ложь. Авторы же оказались евреями... Так называемый либеральный образ мыслей этой прессы я стал видеть теперь в совершенно другом свете. Благородный тон в возражениях противникам или отсутствие ответа на нападки последних — все это оказалось не чем иным, как низким и хитрым маневром. Одобрительные театральные рецензии всегда относились только к еврейским авторам. Резкая критика никогда не обрушивалась ни на кого другого, кроме как на немцев. Уколы против Вильгельма II становились системой так же, как специальное подчеркивание французской культуры и цивилизации. Пикантность литературной новеллы эти органы возводили до степени простого неприличия. Даже в их немецком языке было что-то чужое. Все это вместе взятое настолько должно было отталкивать от всего немецкого, что это могло делаться только сознательно...» Но вернемся снова к отношению Адольфа к марксистскому учению. В развитие названной темы Гитлер рассказывает о новом для себя открытии: «Опыт повседневной жизни побудил меня теперь пристальней заняться изучением самих источников марксистского учения. Влияние этого учения стало мне ясным, его успехи бросались в глаза каждый день. Последствия этих успехов также можно было легко себе представить, если иметь хоть немножко фантазии. Для меня оставался только еще неясным вопрос о том, понимали ли сами создатели этого учения, к каким именно результатам должно оно привести, видели ли они сами неизбежные окончательные последствия их злого дела или сами они были жертвой ошибки. Возможным казалось мне тогда и то и другое. В первом случае обязанностью каждого мыслящего человека было войти в лагерь этого несчастного движения, чтобы таким образом все-таки помочь избежать наибольшего зла; во втором случае первые виновники этой

народной болезни должны были быть исчадием ада, ибо только в мозгу чудовища, а не человека мог возникнуть конкретный план создания такой организации, деятельность которой должна привести к краху человеческой культуры, к уничтожению мира. В этом последнем случае спасти могла только борьба; борьба всеми средствами, которые только знают человеческий дух, человеческий разум и воля, независимо от того, какой стороне судьба принесет окончательную победу». Вот откуда, оказывается, произрастает бес-предельная ненависть Гитлера ко всему советскому! Но смотрим далее: «Вот что привело меня к мысли о необходимости поближе познакомиться с основателями этого учения и таким образом изучить его истоки. Своей цели я достиг, быть может, скорей, чем надеялся сам. Я стал скупать все доступные мне социал-демократические брошюры и добиваться, кто же их авторы. Одни евреи! Я стал приглядываться к именам почти всех вождей. В подавляющем большинстве — тоже сыны “избранного” народа. Кого ни возьми — депутатов рейхстага, секретарей профсоюзов, председателей местных организаций, уличных агитаторов — все евреи. Куда ни глянешь — все та же тяжелая картина. Имена всех этих Аустерлицев, Давидов, Адлеров, Эленбогенов навеки останутся в моей памяти. Одно мне стало теперь совершенно ясным: та партия, с рядовыми представителями которой я в течение ряда месяцев вел упорную борьбу, находилась под полным, исключительным руководством чужого народа, ибо, что еврей не является немцем, это я теперь знал окончательно и бесповоротно. Только теперь я окончательно узнал, кто является обманщиком нашего народа». Теперь краткий рассказ будущего фюрера насчет особенностей ведения своих дискуссий с представителями еврейского народа: «Еврей же никогда нельзя было отклонить от его взгляда. В те времена я был еще достаточно наивным, чтобы пытаться доказать им все безумие их учения. В моем маленьком кругу я спорил с

ними до хрипоты, до мозолей на языке в полной уверенности, что должен же я их убедить во вредоносности их марксистских нелепостей. Результат получался противоположный. Иногда казалось, что чем больше они начинают понимать уничтожающее действие социал-демократических теорий в их применении к жизни, тем упрямей продолжают они их отстаивать. Чем больше я спорил, тем больше я знакомился с их диалектикой. Сначала они считают каждого своего противника дураком. Когда же они убеждаются, что это не так, они начинают сами прикидываться дураками. Если все это не помогает, они делают вид, что не понимают, в чем дело, или пересказывают совсем в другую область. Или с жаром начинают настаивать на том, что само собой разумеется, и как только вы соглашаетесь с ними в этом, они немедленно применяют это совсем к другому вопросу. Как только вы их поймали на этом, они опять ускользают от сути спора и не желают даже слушать, о чем же в действительности идет речь. Как вы ни пытаетесь ухватить такого апостола, рука ваша как будто уходит в жидкую грязь. Грязь эта уходит сквозь пальцы и тотчас же каким-то образом опять облегает ваши руки. Но вот вам, хотя и с трудом, удалось побить одного из таких людей настолько уничтожающе, что ему ничего не остается больше делать, как согласиться с вами. Вы думаете, что вам удалось сделать, по крайней мере, один шаг вперед. Но каково же ваше удивление на следующий день! На завтра этот же еврей совершенно забывает все что произошло вчера, он продолжает рассказывать свои сказки и дальше, как ни в чем не бывало. Если вы, возмущенный этим бесстыдством, указываете ему на это обстоятельство, он делает вид искренне изумленного человека; он совершенно не может ничего вспомнить из вчерашних споров, кроме того, что он вчера как дважды два четыре доказал вам свою правоту. Иногда это меня совершенно обезоруживало. Я просто не знал, чему удивляться: хорошо при-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

вешенному языку или искусству лжи. Постепенно я начал их ненавидеть. Я научился уже понимать язык еврейского народа, и именно это обстоятельство помогло мне отделить теоретическую болтовню апостолов этого учения от их реальной практики. Еврей говорит для того, чтобы скрывать свои мысли или по меньшей мере для того, чтобы их завуалировать. Его подлинную цель надо искать не в том, что у него сказано или написано, а в том, что тщательно скрыто между строк. Для меня наступила пора наибольшего внутреннего переворота, какой мне когда-либо пришлось пережить. Из расслабленного “гражданина мира” я стал фанатиком антисемитизма... Когда я стал глубже изучать всю роль еврейского народа во всемирной истории, у меня однажды внезапно опять промелькнула мысль, что, может быть, неисповедимые судьбы по причинам, которые нам, бедным людям, остаются еще неизвестными, все-таки предназначали окончательную победу именно этому маленькому народу. Может быть, этому народу, который испокон веков живет на этой земле, все же в награду достанется вся земля? Имеем ли мы объективное право бороться за самосохранение или это право имеет только субъективное обоснование? Когда я окончательно углубился в изучение марксизма и со спокойной ясностью подвел итог деятельности еврейского народа, судьба сама дала мне свой ответ. Еврейское учение марксизма отвергает аристократический принцип рождения и на место извечного превосходства силы и индивидуальности ставит численность массы и ее мертвый вес. Марксизм отрицает в человеке ценность личности, он оспаривает значение народности и расы и отнимает таким образом у человечества предпосылки его существования и его культуры. Если бы марксизм стал основой всего мира, это означало бы конец всякой системы, какую до сих пор представлял себе ум человеческий. Для обитателей нашей планеты это означало бы конец их существования.

Если бы еврею с помощью его марксистского символа веры удалось одержать победу над народами мира, его корона стала бы венцом на могиле всего человечества. Тогда наша планета, как было с ней миллионы лет назад, носилась бы в эфире, опять безлюдная и пустая. Вечная природа безжалостно мстит за нарушение ее законов. Ныне я уверен, что действую вполне в духе творца всемогущего: борясь за уничтожение еврейства, я борюсь за дело Божие». Но каковы тогда идеалы Гитлера, кто его кумир и почему? В какую сторону он хотел бы изменить будущее своей родины и за счет кого и чего именно? Отвечая на поставленный вопрос, Гитлер пишет: «В нашем немецком словаре есть слово, которое особенно прекрасно выражает эту мысль: долг (Verpflichtung)! Выполнять долг — это и значит обслуживать не самого себя, а служить обществу. Тот принцип, из которого вытекает такое действие, мы называем идеализмом в отличие от эгоизма, проистекающего из принципа обслуживания себя самого. Под идеализмом мы понимаем способность отдельного лица приносить себя в жертву окружающему миру. Но необходимо нам почаще вспоминать о том, что идеализм всегда был, есть и будет главной предпосылкой всей человеческой культуры! Мало того: только идеализм и создал понятие “человек”. Только этому чувству арийцы обязаны всем своим положением в этом мире, только благодаря этому чувству и мог выковаться тот творческий труд, который в сочетании с простой физической силой и гениальным интеллектом создал замечательнейшие памятники нашей человеческой культуры... Действительный идеализм есть не что иное, как подчинение интересов и всей жизни отдельного лица интересам и всей жизни общества. Только такое подчинение и создает возможность какой бы то ни было организации. В этом смысле идеализм соответствует глубочайшим велениям природы. Именно такой идеализм и побуждает людей добровольно признать преимущество более сильного. Именно такой

идеализм становится частицей того миропорядка, который образует нашу вселенную...» Теперь о политических кумирах Гитлера, об Англии и ее «законных» интересах: «Я и сейчас еще вспоминаю, какие совершенно детские, прямо-таки непонятные надежды в 1920–1921 гг. внезапно стали возлагаться в кругах фелькише (речь о немецких националистических организациях. — *Авт.*) в связи с тем, что Англия будто бы стоит перед катастрофой в Индии. Кто рассказывал эти сказки? Первые попавшиеся азиатские шарлатаны! Да хотя бы это были и подлинные “борцы за свободу” Индии — все равно, разве можно было верить этим слоняющимся по Европе индийским путешественникам? И тем не менее этим шарлатанам удалось убедить довольно разумных, вообще говоря, людей в том, что в Индии, которая играет такую громадную роль для британского господства, Англию ожидает полный крах. Чего люди хотят, тому они легко верят. Нашим фелькише не приходило даже в голову, что только это является источником их веры... Англия могла бы потерять Индию либо в том случае, если бы английская администрация в Индии сама подверглась расовому разложению (о чем в данный момент в Индии не может быть и речи), либо в том случае, если Англия потерпит крах в войне с каким-нибудь более могучим, чем она, противником. Но чтобы английскую власть в Индии могли свергнуть сами индийские бунтовщики, об этом не может быть речи. Мы, немцы, кажется, могли и сами достаточно убедиться, как нелегко справиться с Англией. А кроме всего прочего скажу о себе, что я, как германец, все же всегда предпочту видеть Индию под владычеством Англии, чем под какой-либо другой властью... Глупо было бы, в самом деле, рассчитывать на то, что той или другой коалиции, состоящей из одних калек, когда бы то ни было может удасться свергнуть могущественнейшее государство, полное решимости бороться за свое владычество, если нужно будет, до последней капли крови. Я и сам принад-

лежу к лагерю фелькише, но именно поэтому знаю, какую громадную роль играет раса, и уже по одному этому я не поверю, чтобы эти так называемые “угнетенные нации”, принадлежащие к низшим расам, могли побороть Англию. Уже по одному этому я не хочу, чтобы мой народ соединил свои судьбы с судьбами “угнетенных наций”». А в плане необходимой готовности немцев к будущим жертвам он формулирует следующее: «Но если уж приходится прийти к убеждению, что интересы нашего будущего требуют величайших жертв, то независимо от соображений политической мудрости ради одних этих жертв надо поставить себе действительно достойную цель. Границы 1914 года никакого значения для будущего немецкой нации не имеют. Эти границы не обеспечивали в должной мере ни завоеваний прошлого, ни интересов будущего. Эти границы не обеспечили бы нашему народу подлинного внутреннего единства и не гарантировали бы ему достаточного пропитания. Эти границы совершенно неудовлетворительны с военной точки зрения и абсолютно не дали бы того соотношения между нами и другими мировыми державами (точнее сказать, и подлинно мировыми державами), которое нам необходимо. Границы 1914 г. не сокращают расстояния между нами и Англией и не обеспечивают нам такой территории, какой располагает Америка. Даже Франция не потеряла бы в этом случае сколько-нибудь значительной доли своего мирового влияния. Одно только можно сказать наверняка: если бы даже наша борьба за восстановление границ 1914 г. привела к благоприятным результатам, то она потребовала бы таких жертв с нашей стороны, что у нас не осталось бы сил, которые нужны нам для борьбы за жизнь и подлинное величие нашей нации. Напротив, достигнув такого поверхностного успеха, мы не стали бы уже стремиться к более высоким целям, тем более что можно было бы сказать, что “национальная честь” уже спасена и дорога к коммерческому развитию, по крайней

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

мере на время, открыта. Нет, мы, национал-социалисты, отвергаем такую постановку вопроса. Мы будем неуклонно стремиться к своим собственным целям в иностранной политике, а именно к тому, чтобы наш немецкий народ получил на этой земле такие территории, которые ему подойдут. Только в борьбе за такие цели смеем мы принести хотя бы самые великие жертвы и только в этом случае мы сможем оправдать эти жертвы как перед Богом, так и перед будущими поколениями... Все мы теперь понимаем, что нам предстоит еще очень большая и тяжелая борьба с Францией. Но эта борьба была бы совершенно бесцельна, если бы ею исчерпывались все стремления нашей иностранной политики. Эта борьба с Францией может иметь и будет иметь смысл лишь постольку, поскольку она обеспечит нам тыл в борьбе за увеличение наших территорий в Европе. Наша задача — не в колониальных завоеваниях. Разрешение стоящих перед нами проблем мы видим только и исключительно в завоевании новых земель, которые мы могли бы заселить немцами. При этом нам нужны такие земли, которые непосредственно примыкают к коренным землям нашей родины. Лишь в этом случае наши переселенцы смогут сохранить тесную связь с коренным населением Германии. Лишь такой прирост земли обеспечивает нам тот прирост сил, который обуславливается большой сплошной территорией... Мы, национал-социалисты, должны пойти еще дальше: право на приобретение новых земель становится не только правом, но и долгом, если без расширения своих территорий великий народ обречен на гибель».

Теперь как своего рода вступление к третьей части настоящего исследования процитируем преамбулу текста меморандума Гитлера «Об экономической подготовке к войне» (август 1936 г.). Зачем и к чему сие чтение? Предлагаемый ниже текст должен показать главное или очертить саму суть гитлеровской сверхзадачи. То есть чи-

татель еще раз должен задуматься над объективным существом исторической миссии фюрера Третьего рейха. Иначе говоря, как бы сам Гитлер ни менял своих решений или своего отношения к окружавшим Германию странам в зависимости от складывавшейся политической конъюнктуры, он объективно или неуклонно двигался всегда в одном и единственно возможном для себя направлении, ради которого он и оказался у власти.

«...Германия всегда будет рассматриваться как основной центр западного мира при отражении большевистского натиска. Я вовсе не считаю это отрадной миссией, а рассматриваю как обстоятельство, усложняющее и обременяющее жизнь нашего народа, которое, к сожалению, обусловлено нашим неудачным географическим положением в Европе. Но мы не можем уйти в этом отношении от судьбы. Наше политическое положение обуславливается следующими моментами. В Европе имеется лишь два государства, которые серьезно могут противостоять большевизму, — это Германия и Италия. Что касается остальных стран, то одни оказались разложенными вследствие демократических форм жизни, зараженными марксистской идеологией, и поэтому в ближайшее время рухнут сами по себе, а во главе других стоят авторитарные правительства, прочность которых определяется единственно военной силой, а это означает, что они, будучи вынужденными поддерживать свое господство внутри страны лишь с помощью средств насилия, не в состоянии использовать эти средства для обеспечения внешнеполитических интересов государства. Все эти страны никогда не будут в состоянии вести войну против Советской России с видами на успех. И вообще, кроме Германии и Италии, только Японию можно считать силой, способной противостоять мировой угрозе (речь о распространении в мире большевизма. — *Авт.*). В задачи настоящего меморандума не входит предсказание того, когда нынешнее шаткое

положение в Европе перейдет в открытый кризис. Я хочу лишь выразить в данных строках мое убеждение, что этого кризиса невозможно избежать, ибо он обязательно наступит, и что Германия обязана всеми силами и средствами обеспечить свое существование перед лицом этой катастрофы, защитить себя, и что из этой неотвратимой перспективы вытекает ряд выводов, касающихся важнейших задач, когда-либо стоявших перед нашим народом. *Ибо победа большевизма над Германией привела бы не к чему-либо вроде Версальского договора, а к окончательному уничтожению и истреблению германской нации.* Невозможно предвидеть всех последствий такой катастрофы. И вообще густонаселенной Западной Европе (включая Германию) пришлось бы пережить в результате победы большевизма, пожалуй, самую страшную социальную катастрофу, какую никогда не переживало человечество со времен гибели античных государств. *Перед лицом необходимости защиты от этой угрозы все другие соображения отступают на задний план как не имеющие абсолютно никакого значения»* (Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. М.: Наука, 1973).

Заключая последнее программное заявление Гитлера, отчетливо осознаешь, что куда бы впоследствии фюрер ни направлял войска Германии, он подспудно и тщательно выстилал тем самым им главную и последнюю дорогу — дорогу в Советскую Россию. Другими словами, ни о каком мировом господстве, ни о каком захвате новых земель ради самих земель Гитлер всерьез никогда и не помышлял. Его на самом деле влекла лишь задача *военного уничтожения большевизма в СССР.* А что же русский народ? Если он соглашался вести борьбу под большевистским руководством, то и он, по мнению Гитлера, подлежал непременно и правомерному уничтожению.

Обдумывая процитированное выше, понимаешь то, что Гитлер был в главном удивительно последователь-

ной личностью. Его очень смелые суждения о сознательном образовании человеком самого себя, о необходимости каждому быть социально активным гражданином просто потрясают. Его наблюдения за правилами и даже самой сутью капиталистического бытия также поражают, ведь это взгляды еще молодого человека. Изначально, в самом зародыше своей политической карьеры, он страстно ценит успехи англосаксов и поклоняется Англии, ненавидит Францию, но ненавидит ее сугубо как заметную помеху в деле достижения ключевой цели — захвата для Германии новых земель в Европе. Он также ясно понимает, что только подлинный идеализм способен будет подвинуть немцев к движению по намеченному им курсу. Предельно ясно он видит своих главных идейных противников и также четко понимает, что борьба с ними будет для него бескомпромиссной или непременно смертельной. Причем, странное дело, он с самого начала допускает даже поражение немцев, но не находит через то никакого оправдания для отказа от весьма рискованной борьбы во имя превратно понимаемого им величия любимой Германии. Почему? А потому, что он не видит иного выхода, так как полагает, что все иное есть погибель уже всего человечества. То есть его фигура в авторизованном рассказе «Моя борьба» предстает прямо-таки в роли необыкновенного титана, готового на любые жертвы во имя торжества заявленных им целей. Иначе говоря, если он и рисуется, как широко принято ныне делать в мировой политике, то совсем мало и далеко не в главном. Или Гитлера можно и нужно обвинять в непомерной жестокости, агрессивности, но его нельзя обвинить в неискренности. Поэтому-то его рассказ о самом себе, своих воззрениях и планах, конечно же, поучителен и впечатляющ. Именно это произведение и есть проект на всю его дальнейшую и очевидно прискорбную жизнь. Вряд ли мы сегодня найдем среди публикаций всей мировой политической публики подобной

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

честности и глубины. Другими словами, рядом с политиком такого масштаба и такого значения в истории всей человеческой цивилизации все ныне действующие политики представляются фигурами явно второстепенными и вообще мало заметными. Поэтому-то и не случайно все они боятся его книги «Моя борьба» и запрещают постоянно то тут, то там ее переиздание. Аналогичный страх они же переживают и в части документального кинофильма «Триумф воли». Другими словами, у всех современных политиков по сравнению с Гитлером абсолютно не имеется сколько-нибудь серьезных или хотя бы отчасти сопоставимых по мощи воздействия на сознание масс людей идей, которыми можно было бы их увлечь за собой в будущее. Да, бесспорно то, что Гитлер объективно есть самый выдающийся *злодей* во всей истории человечества. Но следует также честно признать и тот банальный факт, что стать таковым без *всеобщей* поддержки со стороны всех выдающихся людей своего времени Адольф Гитлер никогда бы не

смог, а значит, его зло — это, как ни грустно признавать, есть *общий результат* действий или бездействий всего политического бомонда первой половины XX века. Даже И. Сталин не является здесь серьезным исключением, так как он все-таки не смог избежать в свою очередь также попытки, пускай временного, умиротворения агрессора, чем и помог ему же в дальнейшем совершить уникальное во всей истории человечества по степени и масштабу внезапное нападение на СССР, которое и привело, в конце концов, к распаду и самого Советского государства, все-таки *подорвавшего* свои вовсе не беспредельные силы в этой почти космической борьбе. Грустно сие, да грустно, но пока историки и политики честно не признают вины *всех* выдающихся мировых лидеров рассматриваемого нами периода за все случившиеся тогда ужасные последствия их преступной политики, фигура Гитлера и дальше будет оставаться непременно *загадочной* и весьма *привлекательной* как для ныне живущих, так и для будущих поколений жителей Земли.

КАК И 600 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД...

Я стал рейхсканцлером не для того, чтобы идти вразрез с тем, что я проповедовал 14 лет.

Адольф Гитлер, 1 ноября 1933 года

Предваряя главную часть истории о феномене Гитлера, сначала остановимся еще на том соображении, которое, собственно, и объясняет саму основу его успеха по пути к власти. Об этом вновь читаем в книге Иоахима Феста: «Вступление Гитлера на путь борьбы за гегемонию — наиболее планомерное, хладнокровное и реалистическое предприятие при поддержке целого арсенала современных технических средств — развертывалось в обрамлении витиеватых символов». О чем же повествовали, в самом деле, эти витиеватые символы? Биограф Гитлера отвечает: «И все же за

всем этим всегда стояло нечто большее, нежели какая-то лишенная рефлексов реакционная воля. То, на что претендовал Гитлер, было не больше и не меньше, как исцеление всего мира. Он отнюдь не собирался просто вернуть добрые старые времена, а еще меньше — их феодальные структуры, как думали сентиментальные реакционеры, которые в течение долгого времени будут сопровождать и поддерживать его на пути. То, что он взялся преодолеть, было не чем иным, как самоотчуждением человека, вызванным процессом развития цивилизации. Правда, ставку при этом он делал

не на экономические или социальные средства, которые презирал. Подобно одному из апологетов итальянского фашизма, он считал социализм “омерзительным возбуждением предъявляющего свои права желудка”. Скорее, его намерение было направлено на некое внутреннее обновление, где компонентами были кровь и потемки души, то есть не на политику, а на высвобождение инстинкта. По своим замыслам и лозунгам фашизм представлял собой не классовую, а культурную революцию и претендовал он на то, чтобы служить не освобождению, а избавлению человека. И вызванный им мощный резонанс конечно же объясняется еще и тем, что он искал Утопию там, где, если следовать естественному движению человеческого духа, только и мог находиться во всех его ипостасях тот самый утерянный рай, — в архаичной, мифической первобытности. Доминирующий страх перед будущим усиливал тягу к перенесению всех апофеозов в прошлое. Во всяком случае, в фашистской “консервативности” проявлялось желание революционным путем повернуть историческое развитие вспять и еще раз вернуться к отправной точке, в те лучшие гармоничные времена, существовавшие до того, как общество вступило на ложный путь. В одном из писем 1941 года Гитлер напишет Муссолини, что последние пятнадцать столетий были не чем иным, как паузой, а теперь история собирается “вернуться на прежние пути”. И если даже в его задачу не входило восстановление древних порядков, то восстановить их систему ценностей, их мораль перед лицом врывающихся со всех сторон сил распада ему хотелось: “Наконец-то плотина против надвигающегося хаоса!” — так провозглашал Гитлер».

Но в чем же конкретно состояло само превосходство национал-социализма перед другими политическими течениями? На это Фест отвечает так: «Превосходство фашизма по отношению ко многим его конкурентам объясняется не в последнюю очередь тем, что он острее осознал суть кризиса времени, чьим симптомом был и он

сам. Все другие партии приветствовали процесс индустриализации и эмансипации, в то время как он со всей очевидностью разделял страхи людей и пытался заглушить эти страхи, превращая их в бурное действо и драматизм и привнося в прозаические, скупые будни магию романтических ритуалов — факельные шествия, штандарты, черепа со скрещенными костями, боевые призывы и возгласы “Хайль!”, “новую помолвку жизни с опасностью”, идею “величественной смерти”. Современные задачи он ставил людям в окружении маскарадных аксессуаров, напоминающих о прошлом. Но его успех объясняется еще и тем, что он выказывал пренебрежение к материальным интересам и рассматривал “политику как сферу самоотречения и жертвы индивидуума ради идеи”. Тем самым он полагал, что отвечает более глубоким потребностям, нежели те, кто обещал массам более высокую почасовую оплату. Кажется, он раньше всех своих соперников уяснил, что руководствующийся будто бы только разумом и своими материальными интересами человек, как это считали марксисты и либералы, был некой чудовищной абстракцией. Вопреки всем своим однозначно реакционным чертам он тем самым куда более действенно, нежели его антагонисты, стал соответствовать страстной тоске времени по коренному повороту. Казалось, только он один и выражал ощущение эпохи, что все идет совсем не так и что мир оказался на великом ложном пути. Меньшая притягательная сила коммунизма объяснялась его репутацией классовой партии и вспомогательного отряда чужеземной державы. Скорее он навлекал на себя смутное подозрение в том, что и сам-то был одним из элементов этого ложного пути и одним из возбудителей той болезни, за рецепт от которой он себя выдавал, — не радикальный отказ от буржуазного материализма, а лишь его инверсия, не слом несправедливого и неспособного строя, а обезьянье подражание ему и его зеркальное отражение, только вверх ногами».

Впрочем, немного о сути коммунизма. Его главная цель — не экономическое преуспеяние всех трудящихся, как и но сей день думают многие, его подлинная цель — *преображение человека* или воздвигание *человека морального*, если не праведного. Только превратное или буржуазное отношение к нему ряда руководителей коммунистического движения и привело его к скоропостижной компрометации и краху.

Но продолжаем рассказ о причине победы Гитлера в дни его восхождения к власти (по книге Феста): «Непоколебимая, порой кажущаяся экзальтированной, уверенность Гитлера в своей победе и была ведь всегда в немалой степени продиктована его убежденностью в том, что он — единственный истинный революционер, ибо он вырвался из тисков существующего строя и восстановил в правах человеческие инстинкты. В союзе с ними Гитлер и видел свою непобедимость, так как они в конечном счете всегда прорываются “сквозь экономические интересы, сквозь давление общественного мнения и даже сквозь разум”. Конечно, обращение к инстинкту повлекло за собой немало проявлений неполноценности и человеческой слабости, да и традиция, честь которой хотел восстановить фашизм, была во многом только искаженным отражением оной, как и прославлявшийся им порядок — всего лишь видимостью порядка. Но когда Троцкий презрительно называл приверженцев фашизма “человеческой пылью”, он только демонстрировал этим характерную беспомощность левых в понимании людей, их потребностей и побуждений. Это-то и имело своим следствием столь многочисленные заблуждения при оценке эпохи у тех, кто полагал, что лучше других понимает ее дух и назначение». Вот сие и было, как говорится, необоримым козырем Адольфа, которым он блестяще и сумел воспользоваться. Но наш разговор сейчас все-таки о другом. О чем же именно? Да о том, почему Иосиф Сталин дал серьезного маху и своими собственными руками запустил

тиг козла в «подведомственный огород» или почему он *лично* помог Гитлеру нанести внезапным и невиданным в истории мощи ударом непоправимый, как оказалось впоследствии, ущерб всей Советской России. Видимо, об этом печальном результате войны догадывался и сам советский вождь, так как известный нам ныне праздник 9 мая в СССР при его правлении так толком и не праздновался. Да и что было бы праздновать ему в сей день? Глубокую собственную наивность и беспечность, приведшую к немыслимой жертве лучших русских людей, громадным материальным потерям от крайне бездарного способа ведения войны? Да, были и победы, но они, как оказалось впоследствии, лишь отсрочили неизбежное падение фундаментально ослабленного войной с Германией СССР, его невиданный в истории и крайне постыдный крах. Конечно, строить изначально праведное государство с помощью большого насилия и обмана было делом сомнительным, как говорится, с самого начала, но и трусливо, почти бегом, сдаваться под давлением мирового капитала также не следовало бы. Нет, этой позорной позиции руководства СССР никогда не будет никакого сущностного оправдания. А павшие герои Великой Отечественной войны никогда бы не приняли такого «славного» поведения своих потомков, бесстыдно ставших в один исторический ряд с пресловутым генералом Власовым.

Но вернемся к фигуре Адольфа Гитлера, который и принес себя в жертву во имя уничтожения большевизма. Почему именно большевизма? А вот почему. Откроем вновь книгу «Моя борьба», а точнее, ее предпоследний раздел «Восточная ориентация, или Восточная политика». Но сначала перечитаем некоторые места из предшествующей главы, посвященные оценке Гитлером внешней политики Англии. В них как в самом откровенном разговоре вполне угадывается ответ на вопрос: почему Гитлер посмел напасть на СССР: «Традиционная тенденция британской дипломатии (в Германии

аналогичную традицию до некоторой степени пыталась создать прусская армия) со времен императрицы Елизаветы заключалась в том, чтобы не дать ни одной из европейских великих держав подняться выше определенного уровня. В борьбе за эту цель Англия прибегала к каким угодно средствам, не исключая и войн. Средства, которые Англия в этих случаях пускала в ход, бывали очень различны, в зависимости от создавшегося положения или поставленной задачи. Но решительность и настойчивость Англия всякий раз проявляла одну и ту же. Чем труднее становилось со временем положение Англии, тем с большей настойчивостью британские государственные деятели продолжали добиваться того, чтобы европейские государства непременно уравнивали друг друга и во взаимном соревновании неизменно парализовали свои силы. Когда Северная Америка политически отделилась от Англии, это еще в большей мере привело к тому, что Англия стала делать еще более настойчивые попытки к сохранению европейского равновесия, долженствовавшего обеспечить английский тыл. После того как Испания и Нидерланды были уничтожены как большие морские державы, Англия сконцентрировала все свои усилия против поднимающейся Франции, пока наконец с крушением Наполеона угроза военной гегемонии Франции могла в глазах Англии считаться уничтоженной. Лишь постепенно британское государственное искусство обращалось против Германии. Процесс этот развивался медленно, во-первых, потому что пока Германия не достигла единства, она не могла представлять сколько-нибудь реальной опасности для Англии; во-вторых, потому что общественное мнение широких масс, созданное путем длительной пропаганды, меняется весьма медленно... Свою новую позицию по отношению к Германии Англия в основном определила уже в 1870—1871 гг. В связи с ростом экономического значения Америки, а также в связи с ростом политического влияния России Англия

несколько раз обнаруживала колебания в вопросе о своем отношении к Германии. Но Германия, к сожалению, не сумела использовать этих моментов, и ввиду этого враждебная позиция Англии по отношению к нам все больше укреплялась. Англия стала видеть в Германии ту державу, которая вследствие своей чрезвычайно быстрой индустриализации приобретала такое большое торговое и общеполитическое значение, что она начала уже меряться силами с самой Великобританией. Германские государственные деятели видели перл мудрости в своей пресловутой идее “мирного хозяйственного” завоевания влияния. Но в глазах английских политиков эти планы германской политики являлись доводом в пользу необходимости организовать как можно более сильное сопротивление Германии... Англия далее стала думать о том, чтобы использовать в борьбе против Германии абсолютно всех возможных союзников, какие только могли в военном отношении пригодиться для этой цели. Это тоже соответствовало старой английской традиции — трезво оценивать силы противника и не делать себе иллюзий насчет собственных сил. Эти свойства английской политики у нас характеризовали как “бесстыдные”; но это просто неумно уже по той простой причине, что организацию любой войны следует рассматривать только под углом зрения целесообразности, а не под углом зрения героических фраз. Задача дипломатии любой страны заключается не в том, чтобы самым героическим образом привести свой народ к гибели, а в том, чтобы обеспечить дальнейшее существование своему народу, пусть самыми прозаическими средствами. С этой точки зрения целесообразно каждое средство, которое ведет к цели. Упустить хотя бы одно из таких средств означает забвение своего дома и преступление по отношению к собственному народу... Однако Англия вовсе не заинтересована в том, чтобы Германия совершенно исчезла с географической карты Европы. Напротив, как раз ужасное крушение

ПИСАТЕЛЬ

XXI
мании, пережитое ею в ноябрьские дни 1918 г., создало для британской дипломатии совершенно новую ситуацию, которую раньше никто не считал правдоподобной... Совершенно неожиданно создается новое положение: Германия уничтожена, и самой сильной континентальной державой Европы становится Франция... Англии ничего другого не оставалось, как принять участие в грабежах Франции, хотя бы уже для одного того, чтобы не дать Франции чрезмерно укрепиться за наш счет. Это была единственная тактика, которая вообще была возможна для Англии в данной обстановке. В действительности Англия не достигла тех целей, которые она ставила себе в войне. Ей не удалось добиться такого положения, чтобы ни одно из европейских государств не поднялось выше определенного уровня. Напротив, теперь такая опасность для Англии стала еще более реальной, лишь с той разницей, что этим государством является не Германия, а Франция (вот так, или с учетом сказанного, в будущем Гитлер и будет действовать сначала против Франции, а затем и против России. — *Авт.*)... Кто под этим углом зрения взвесит возможности, остающиеся для Германии, тот неизбежно должен будет прийти вместе с нами к выводу, что нам приходится искать сближения только с Англией». Но вернемся все-таки к разделу о восточной политике. В нем в числе прочего читаем следующее: «Отношение Германии к России я считаю необходимым подвергнуть особому разбору. И это — по двум причинам.

1. Эта проблема имеет решающее значение для всей вообще иностранной политики Германии в целом.

2. Эта проблема является оселком, на котором прежде всего проверяются политические способности нашего молодого национал-социалистического движения; на этом оселке мы проверяем, насколько в самом деле мы способны ясно мыслить и правильно действовать».

Кого и почему именно Гитлер решает подвергнуть в первую очередь

самому решительному переубеждению в связи с выбранным им внешнеполитическим курсом? «Опыт показал нам, что труднее всего переубедить выходцев из рядов так называемой интеллигенции. Именно они труднее всего усваивают себе, казалось бы, совершенно простые и логически ясные взгляды на то, что является подлинным интересом нашей иностранной политики. Эти люди не только обременены целой кучей самых бессмысленных представлений и предрассудков, но кроме того еще совершенно потеряли здоровый инстинкт самосохранения. Национал-социалистическому движению приходится выдерживать довольно тяжелые бои именно с этими кругами. Бои эти тяжелы, потому что перед нами субъекты, обладающие громадным самомнением и нередко смотрящие сверху на людей с более здоровыми инстинктами, хотя их полное собственное невежество не дает им на это никаких прав. Эти надменно самонадеянные элементы воображают, что все понимают. На деле у них нет даже и следа способностей трезво и хладнокровно анализировать положение и взвешивать необходимые действия. А ведь без этого ни шагу не сделаешь как раз именно в области внешней политики. Но именно эти круги в последнее время все больше и больше определяют направление нашей внешней политики, сталкивая ее на самые несчастные и неправильные пути. Фантастическая идеология этих кругов определяет нашу внешнюю политику в гораздо большей мере, нежели подлинные здоровые интересы немецкого народа. Это является в моих глазах лишним аргументом за то, чтобы я разобрал здесь перед своими сторонниками самую важную проблему всей нашей иностранной политики, т. е., вопрос об отношении нашем к России». Вот так, по Гитлеру, отношение к России — самая важная проблема всей германской иностранной политики. Крепко запомним это, ведь сии слова, как оказалось в дальнейшем, были написаны не просто так. Читаем далее легендарный опус:

«Мы попали теперь в такое положение, когда не выдерживаем уже никакого сравнения с другими государствами. И все это благодаря несчастной иностранной политике руководителей нашего государства, т. е. благодаря тому, что у нас вообще не было определенных, позволю себе сказать, заветных целей и стремлений в области иностранной политики и благодаря тому, наконец, что потеряли здоровый инстинкт самосохранения. Если национал-социалистическое движение действительно хочет взять на себя великую историческую миссию, мы прежде всего обязаны понять всю тяжесть нашего современного положения, как бы горько оно ни было, а затем смело и планомерно повести борьбу против той бездарной и бесплодной иностранной политики, которую до сих пор наши государственные деятели навязывали Германии. Мы должны освободиться от всяких традиций и предрассудков, должны найти в себе мужество объединить весь наш народ и двинуться по той дороге, которая освободит нас от нынешней тесноты, даст нам новые земли и тем самым избавит наш народ от опасности либо погибнуть, либо попасть в рабство к другим народам».

То есть Гитлер сначала говорит лишь о неких новых землях для Германии, которые избавят ее от разных напастей. И к чему сии речи в разделе о восточной политике? Пока не совсем понятно. Но читаем далее очень и очень смелые заявления будущего фюрера всего германского народа:

«Государственных деятелей, которые возьмут на себя ответственность за проведение предлагаемой нами политики, история не обвинит в том, что они легкомысленно жертвовали кровью своего народа. Здесь я должен еще самым решительным образом заклеймить тех писак из народнического лагеря, которые в предлагаемой нами политике завоевания новых территорий видят “нарушение священных прав человека” и тому подобный вздор. Когда прислушиваешься к тому, что говорят эти господа, то невольно спра-

шиваешь себя: какие режиссеры стоят за спиной этих субъектов? Во всяком случае, несомненно одно, что то смятение умов, которое вносят эти господа, выгодно только врагам нашего народа. Проповедь этих субъектов достигает только того, что она преступно ослабляет волю нашего народа в борьбе за его самые кровные интересы. Ведь ясно же, что ни один народ в этом мире никогда не получил ни одного квадратного метра земли в силу каких-то особых высших прав. Как границы Германии являлись и являются случайными, так случайны и границы других народов. Границы всех государств являются только результатом политической борьбы, результатом данного соотношения сил... Люди определяют государственные границы, и сами люди их и изменяют. Если тому или другому народу удалось завоевать себе очень большие территории, то это вовсе не обязывает другие народы к тому, чтобы навеки признать этот факт неизменным (кстати, время и события в Европе показали, что Гитлер был, как ни странно, более чем прав. — *Авт.*). Это доказывает только то, что завоеватель в данную минуту был достаточно силен, а остальные народы были достаточно слабы, чтобы это допустить. Право данного завоевателя основано только на его силе. Если наш немецкий народ ныне столь невозможным образом сжат на крошечной территории и вынужден поэтому идти навстречу столь тяжелому будущему, то из этого вовсе не вытекает, что мы должны примириться с судьбой. Восстать против этого — наше законнейшее право. Глупо было бы думать, что какая-то высшая сила судила так, чтобы другим государствам достались огромные территории, а мы должны были подчиниться нынешнему несправедливому разделу земли. Ведь и те земли, на которых мы живем сейчас, не свалились нам в виде подарка с неба, а достались нашим предкам в тяжелой борьбе. Так и в будущем новые территории достанутся нам не в результате подарка от писак указанного сорта, а только в ре-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

зультате тяжелой борьбы с оружием в руках... Задача нашего движения состоит не в том, чтобы быть адвокатом других народов, а в том, чтобы быть авангардом своего собственного народа. Иначе наше движение было бы никому не нужно, и, во всяком случае, мы не имели бы тогда права болтать о грехах прошлого. Тогда мы сами повторили бы все старые ошибки... Дело обстоит так, что Германия либо будет мировой державой, либо этой страны не будет вовсе. Для того же чтобы стать мировой державой, Германия непременно должна приобрести те размеры, которые одни только могут обеспечить ей должную роль при современных условиях и гарантировать всем жителям Германии жизнь».

Опять что-то рядом, но не по заявленной теме. Впрочем, может быть, будущий германский вождь решает сразу двуединую задачу? Или, может быть, он, с одной стороны, вообще ориентирует немцев на неизбежность захвата Германией чужих земель, а уже с другой — укажет конкретный адресат? Впрочем, читаем ниже:

«Мы, национал-социалисты, сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. **Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад.** Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. *Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.*»

А как же тогда Франция, Бельгия, Голландия, Дания и даже Норвегия, наконец, все-таки завоеванные Германией под руководством Гитлера еще до нападения на СССР, — спросит некто? А так, что сие есть лишь подготовка

собственного тыла к спокойному ведению подлинной войны на полное уничтожение противника в лице СССР на востоке. Да и в самом деле: разве можно было Гитлеру подойти непосредственно к границе СССР, не столкнувшись с интересом той же Франции, которая находилась тогда в союзнических отношениях с Польшей. Бельгия, Голландия были оккупированы фактически для решения задачи выведения Франции из возможности ведения войны с Германией на западе. Лишь Дания и Норвегия в перечисленном ряду стоят особняком. Да и те подверглись германской агрессии сугубо в утилитарных целях — для обеспечения бесперебойной поставки шведской железной руды в Германию. То есть названные блиц-захваты ряда европейских стран никак не носили стратегического характера. Об этом красноречиво сообщает сам ход войны Германии с Францией. Почему? А потому, что, например, английские союзнические Франции войска, находившиеся тогда непосредственно на театре военных действий, по неожиданной команде из Лондона просто отказались вести активные боевые действия против вторгшихся немцев, которые, кстати, уже по команде фюрера, фактически выпустили этот крупный воинский контингент с территории Франции обратно в Англию через порт Дюнкерк. Но вернемся на страницы «Моей борьбы»:

«Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы... В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра

в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своем подчинении это громадное государство... Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила нам быть свидетелем такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит, безусловно, правильность нашей расовой теории».

Но только ли свидетелями видит Гитлер немцев в части упомянутой им грядущей катастрофы России и неужели он не знает печального опыта походов немцев на Россию? «Само собой разумеется, что еврейство оказывает и будет оказывать такой политике (речь о новых землях для немцев, которые завоеует германский меч. — *Авт.*) самое решительное сопротивление. Евреи лучше, чем кто бы то ни было, отдадут себе отчет в том, какое значение для них имела бы такая наша политика. Казалось бы, уже одного этого факта достаточно, чтобы все действительно национально настроенные немцы поняли всю правильность предлагаемой нами новой ориентации. К сожалению, на деле мы видим обратное. Не только в кругах дейч-национале, но и в кругах фелькише идея такой восточной политики встречает самое упорное сопротивление. При этом обычно любят ссылаться на Бисмарка. Дух Бисмарка тревожат для того, чтобы защитить политику, которая совершенно нелепа и крайне вредна для судеб немецкого народа. Бисмарк, говорят нам, в свое время придавал очень большое значение сохранению хороших отношений с Россией. Это до известной степени верно. При этом, однако, забывают, что столь же большое значение Бисмарк придавал хорошим отношениям, например, и с Италией; что этот самый Бисмарк в свое время даже вступил в союз с Италией, дабы крепче прижать Австрию. Из этого, однако, ведь не делают того вывода,

что и мы должны продолжать теперь такую политику. Да, скажут нам на это, мы не можем повторять такую политику, потому что “современная Италия не является Италией эпохи Бисмарка”. Верно! Но, почтенные господа, позвольте мне напомнить вам тогда тот факт, что и современная Россия тоже уже не та, какой была Россия в эпоху Бисмарка! Бисмарку никогда и в голову не приходило тот или другой тактический ход увековечить на все времена. Бисмарк для этого был слишком большим мастером в использовании быстро меняющихся ситуаций. Вопрос поэтому должен быть поставлен не так: “как поступил тогда Бисмарк?”, а так: “как поступил бы Бисмарк теперь?” При такой формулировке проблемы на нее будет легко ответить. Бисмарк при его политической дальновзоркости никогда не стал бы связывать судьбу Германии с судьбой такого государства, которое неизбежно обречено на гибель (и что характерно, Гитлер и здесь оказался прав. — *Авт.*). Не забудем и того, что Бисмарк в свое время относился с очень смешанными чувствами к первым шагам Германии на путях колониальной и торговой политики. Ближе всего к сердцу Бисмарк принимал интересы консолидации и внутреннего упрочения созданной им империи. Только из этого последнего он и исходил, когда приветствовал сближение с Россией, долженствующее обеспечить ему тыл и развязать руки по отношению к западу. То, что тогда было полезно Германии, теперь принесло бы ей только вред». Кстати, Гитлер таки и пойдет в свое время на договор с Россией, но только в пользу подготовки тыла Германии для решающего нападения ее на тот же СССР. А англичане блестяще ему подыграют в этом, создав видимость серьезной борьбы с Германией после ее нападения на Польшу. А вот и главные слова о том с кем и против кого Германии следует быть:

«Достаточно бед причинила нам уже довоенная германская иностранная политика, которая всячески чуждалась активно наступательных наме-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

рений и ограничивалась оборонительными союзами с одними только отжившими государствами, в историческом смысле вышедшими в тираж. Как в союзе нашем с Австрией, так и в союзе с Турцией было очень мало веселого. Самые могущественные военные и индустриальные государства систематически готовили наступательный союз против нас, а мы в это время собирали вокруг себя только устаревшие импотентные государства, явно обреченные на гибель, и с этим хламом мы хотели идти в бой против мировой коалиции. За эту громадную ошибку нашей иностранной политики Германия расплатилась дорогой ценой. Но, по-видимому, для наших вечных фантастов этой цены еще мало, и они готовы опять впасть в ту же самую ошибку, за которую теперь пришлось бы расплатиться еще горше. Попытаться теперь с помощью “союза угнетенных наций” пойти в бой против всемогущих победителей было бы не только смешно, но и губительно. Такая попытка была бы губительной потому, что она опять отвлекла бы наш народ от реальных возможностей и вновь мы сосредоточили бы свое внимание на бесплодных надеждах и фантастических иллюзиях. Нынешний немец действительно похож на того утопающего, который хватается за соломинку. Это относится иногда и к очень образованным людям. Стоит только где-нибудь показаться тому или другому болотному огоньку, как эти люди уже связывают с ним свои надежды и начинают изо всех сил гоняться за фантомом. Пусть это будет “союз угнетенных наций”, Лига наций или какое-либо другое фантастическое открытие — все равно у нас неизбежно найдутся тысячи верующих душ, которые возложат свои надежды на эти фантазии».

То есть незабвенный Адольф ясно и четко сообщает всем заинтересованным в большой политике лицам, что он добровольно не собирается вступать на тропу войны с действительно сильными в военном и индустриальном отношении странами, разве что с

Францией, и то лишь для выведения ее из строя строго в военном плане, дабы создать для Германии спокойный тыл на западном направлении. Не верите? Тогда читайте следующее откровение Гитлера:

«Ту же самую позицию должны мы занять теперь и по отношению к России. Не будем говорить о подлинных намерениях новых владык России. Нам достаточно того факта, что Россия, лишившаяся своего верховного германского слоя, уже тем самым перестала иметь какое бы то ни было значение как возможный союзник немецкой нации в освободительной борьбе. С чисто военной точки зрения война Германии — России против Западной Европы (а вернее сказать, в этом случае — против всего остального мира) была бы настоящей катастрофой для нас. Ведь вся борьба разыгралась бы не на русской, а на германской территории, причем Германия не могла бы даже рассчитывать на сколько-нибудь серьезную поддержку со стороны России... Обыкновенно на это возражают, что союз с Россией вовсе не должен еще означать немедленной войны или что к такой войне мы можем предварительно как следует подготовиться. Нет, это не так! Союз, который не ставит себе целью войну, бессмыслен и бесполезен. Союзы создаются только в целях борьбы. Если даже в момент заключения союза война является еще вопросом отдаленного будущего, все равно стороны непременно будут иметь в виду прежде всего перспективу военных осложнений. Глупо было бы думать, что какая бы то ни было держава, заключая союз, будет думать иначе. Одно из двух: либо германско-русская коалиция осталась бы только на бумаге, а тем самым потеряла бы для нас всякую ценность и значение; либо такой союз перестал бы быть бумажкой и был бы реализован, и тогда весь остальной мир неизбежно увидел бы в этом предостережение для себя. Совершенно наивно думать, будто Англия и Франция в таком случае стали бы спокойно ждать, скажем, десятилетия, пока немецко-русский союз

сделает все необходимые технические приготовления для войны. Нет, в этом случае гроза разразилась бы над Германией с невероятной быстротой».

Ну не понятно еще, куда на самом деле пойдет Гитлер, придя к власти? Тогда читайте следующий пассаж: «Уже один факт заключения союза между Германией и Россией означал бы неизбежность будущей войны, исход которой заранее предрешен. Такая война могла бы означать только конец Германии. К этому, однако, надо еще прибавить следующее.

1. Современные владыки России совершенно не помышляют о заключении честного союза с Германией, а тем более о его выполнении, если бы они его заключили. Нельзя ведь забывать и того факта, что правители современной России — это запятнавшие себя кровью низкие преступники, — это накупившая человеческая, которая воспользовалась благоприятным для нее стечением трагических обстоятельств, захватила врасплох громадное государство, произвела дикую кровавую расправу над миллионами передовых интеллигентных людей, фактически истребила интеллигенцию и теперь, вот уже скоро десять лет, осуществляет самую жестокую тиранию, какую когда-либо знала история. Нельзя далее забывать и то обстоятельство, что эти владыки являются выходцами из того народа, черты которого представляют смесь зверской жестокости и непостижимой лживости, и что эти господа ныне больше чем когда бы то ни было считают себя призванными осчастливить весь мир своим кровавым господством. Ни на минуту нельзя забыть того, что интернациональное еврейство, ныне полностью держащее в своих руках всю Россию, видит в Германии не союзника, а страну, предназначенную понести тот же жребий. Кто же заключает союз с таким партнером, единственный интерес которого сводится только к тому, чтобы уничтожить другого партнера? (Неужели И. Сталин не читал сих пламенных строк, неужели он их не прикладывал к намерению самого Гитлера заклю-

чить с СССР пакт о ненападении в августе 1939 года? — *Авт.*) И кто, прежде всего спрашиваемы, заключает союз с субъектами, для которых святость договоров — пустой звук, ибо субъекты эти ничего общего не имеют с честью и истиной, а являются на этом свете только представителями лжи, обмана, воровства, грабежа, разбоя. Тот человек, который вздумал бы заключить союзы с паразитами, был бы похож на дерево, которое заключает “союз” с сухоткой.

2. Германия также не избавлена от той опасности, жертвой которой пала в свое время Россия. Только буржуазные простаки способны думать, будто большевизм в Германии уже сокрушен. Эти поверхностные люди совершенно не понимают того, что тут дело идет о напоре со стороны евреев, стремящихся к мировому господству, и что этот натиск евреев столь же натурален, как натиск англо-саксонской нации, которая, в свою очередь, тоже стремится к полному господству на земле. (Браво! И опять прав Адольф! — *Авт.*) Англо-саксонцы ведут эту борьбу на тех путях и теми средствами, которые свойственны им, а еврей ведет эту борьбу тем оружием, которое свойственно ему. Евреи идут своей дорогой. Они втираются в среду других народов, разлагают их изнутри (но ведь это неподсудно. — *Авт.*); евреи борются ложью, клеветой, ядом и разложением, а когда наступит момент, они поднимают свою борьбу на “высшую” ступень и переходят к прямому кровавому истреблению ненавистного противника. Русский большевизм есть только новая, свойственная XX веку попытка евреев достигнуть мирового господства. В другие исторические периоды то же стремление евреев облекалось только в другую форму».

Ну разве уже после столь ясного признания самого Гитлера руководству СССР следовало бы идти с ним на какие-то серьезные переговоры? Нет, все равно следовало бы идти — идти во имя безопасности СССР, — скажет сторонник Сталина, полагая что иного выбора тогда и вовсе не дано было,

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ведь следовало еще хорошо вооружить РККА. Да, но и вермахт в 1939 году был еще не так силен, каким он стал к лету 1941 года. Кроме того, именно с сентября 1939 года благодаря соглашению с СССР вермахт и стал приобретать незаменимый для будущего вторжения в СССР боевой опыт. С другой стороны, а если бы, например, руководство СССР, осознавая всю несомненную реальность стремительного приближения к своим границам значительной группировки немецких войск посредством введения в действие подготовленного ими заранее агрессивного плана захвата территории Польши, заявило бы Адольфу Гитлеру твердо и решительно о недопустимости такого шага Германии и добавило, что стало бы рассматривать подобное приближение к СССР главных сил вермахта как очевидный акт замышляемой против себя агрессии, ведущей, в свою очередь, к необходимости самого срочного объявления внутри СССР всеобщей военной мобилизации для организации экстренной подготовки отпора угрозы германской агрессии, то тогда бы у Гитлера вполне могло возникнуть самое серьезное сомнение в успехе собственного военного похода на ближайшего соседа Советской России. То есть он бы смог догадаться о большой вероятности для себя самых неожиданных и самых катастрофических последствий в случае нападения Германии на Польшу. Кто-то, вероятно, скажет, что это было бы сродни объявлению войны Германии уже со стороны СССР. Да, было бы, но только как объявление *условное* и *абсолютно* оправданное. А как же иначе, ведь агрессор изготавливается бить фактически уже ближайшего вашего соседа, а значит, он вполне будет готов затем и вас побить. О чем тут еще можно говорить? Неужели сговор с агрессором по поводу раздела территории намеченной им жертвы может оправдать где-либо и кого-либо, а тем более страну победившего социализма? С другой стороны, кто-то заметит, что СССР в 1939 году угрожала также агрессивная Япония, а значит, Сталин просто вы-

нужден был «замириться» с Гитлером. На это можно ответить, что Япония в то время искала не новые территории для заселения их японцами, она искала нефть, которой на востоке СССР обнаружено тогда еще не было. И в конце концов, даже временная потеря на Дальнем Востоке каких-то земель в результате японской агрессии никак не могла быть для СССР смертельной угрозой. Впрочем, для понимания сказанного выше или недопустимости поощрения агрессии Гитлера в сторону границы СССР советскому руководству нужно было еще в 1925 году читать его работу более внимательно и поменьше верить в собственные измышленные мечты о возможном осуществлении Гитлером после его прихода к власти в Германии полномасштабной агрессии в отношении Англии. То есть линия Сталина на фактическое умиротворение агрессора путем достижения с ним согласия по разделу в результате агрессивной войны территории Польши никак не может быть оценена положительно ни тогда, ни сегодня. А главное, сие близорукое поведение руководства СССР прямо и непосредственно ставило его же в дальнейшем в полную зависимость от решений Гитлера, который в возникших обязательствах сторон сразу же после заключения пакта о ненападении вполне смог сосредотачивать главные военные силы в полной боевой готовности и непосредственно вблизи границы СССР без какого-либо серьезного для самой Германии риска. Почему? А потому, что инициатива по заключению пакта исходила тогда от нее. В результате, подписавшись как бы вынужденно под раздел мира, СССР оказался в *смертельной ловушке*, которая и захлопнулась ровно в 4 часа утра 22 июня 1941 года. Иначе говоря, после августа 1939 года не было у Сталина никакой иной возможности, как только верить Гитлеру на слово, что, в конце концов, и погубило всю страну, полученную им когда-то из рук Ленина. А пиррова победа 8 мая 1945 года досталась СССР как своего рода утешительный приз всем недалеким нашим

согражданам, что мы тоже что-то «можем», а значит, нам есть чем гордиться и мы не зря на свете живем. Грустно сие, если говорить серьезно или без каких-либо побрякушек самим себе. А могла бы сложиться судьба СССР иначе? Вряд ли. Почему? А потому, что слишком велика была вера исторических большевиков в насилие, в возможность обмана ради классовых интересов. Поэтому-то и Гитлер как главный могильщик Советской России и был приурочен названной сущью реального большевизма к тому, чтобы подорвать его и лишиться тем самым какой-либо возможности измениться или стать ненасильственным и честным. А Отечество наше и по сию пору влечит в целом жалкое существование несчастной страны, которой вечно что-то извне мешает поступать дальновидно, а значит, и вполне разумно. Но, может быть, тогда все на самом деле и не так было, как представляется автору сего исследования? Для лучшего уяснения этого вопроса и снятия всяческих сомнений вернемся снова к чтению «Моей борьбы»:

«Ближайшей приманкой для большевизма в нынешнее время как раз и является Германия. Чтобы еще раз вырвать наш народ из змеиных объятий интернационального еврейства, нужно, чтобы наша молодая идея сумела разбудить все силы нации и внушить ей сознание великой миссии, ожидающей нас. Только в этом случае мы сможем спасти свой народ от окончательного заражения нашей крови. Только тогда мы сумеем пробудить те силы, которые надолго дадут нам гарантию против повторения постигших нас катастроф. В свете таких целей чистейшим безумием было бы вступать в союз с державой, во главе которой стоят смертельные враги всей нашей будущности. Как, в самом деле, можем мы освободить наш собственный народ от этих ядовитых объятий, если мы сами полезем в эти объятия? Как, в самом деле, можем мы освободить немецких рабочих от большевистских влияний, как можем мы убедить их в том, что большевизм есть проклятие и

преступление против всего человечества, если бы мы сами стали вступать в союз с большевистскими организациями, этим ища себе ада, и тем самым в основном признали бы эти организации? Как, в самом деле, стали бы мы потом осуждать рядового человека из массы за его симпатии к большевистским взглядам, если бы руководители нашего государства сами избрали себе в качестве союзников сторонников большевистского мировоззрения? (А каково? Видимо, и сам пакт Германии с Советской Россией был все-таки отступлением Гитлера от собственной доктрины, или не был, а был изначально лишь полностью мнимым? — *Авт.*) Чтобы провести успешную борьбу против еврейских попыток большевизации всего мира, мы должны прежде всего занять ясную позицию по отношению к Советской России. Нельзя победить дьявола с помощью Вельзевула. (А вот и ответ: его договоренность с СССР была предельно ложной изначально. — *Авт.*) Если даже в кругах фелькише все еще находятся люди, мечтающие о союзе с Россией, то мы просим их прежде всего оглянуться вокруг себя самих и отдать себе отчет в том, какие же именно силы внутри самой Германии поддерживают такой план. Разве не видят они, что именно интернациональная марксистская пресса рекомендует и поддерживает план союза с Россией? Кажется, одного этого было бы достаточно, чтобы понять, куда это ведет. С каких это пор, в самом деле, лагерь фелькише готов бороться тем оружием, которое подсовывают ему евреи? (Вот это шепетильность, вот это разборчивость в средствах! — *Авт.*) Но никогда мы не делали старой Германии упрека за то, что она отказалась продолжать хорошие отношения с Россией. (То есть все что угодно, только не хорошие отношения с Россией, но как и почему сие? — *Авт.*) Я признаюсь открыто, что уже в довоенное время я считал, что Германия поступила бы гораздо более правильно, если бы, отказавшись от бессмысленной колониальной политики, от создания военно-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

го флота и усиления своей мировой торговли, она вступила в союз с Англией против России. Если бы вовремя сумели отказаться от попыток завоевать себе универсальное влияние и сосредоточились на энергичной политике завоевания новых земель на европейском континенте, это принесло бы нам только пользу. Я не забываю всех наглых угроз, которыми смела систематически осыпать Германию панславистская Россия. Я не забываю многократных пробных мобилизаций, к которым Россия прибегала с единственной целью ущемления Германии. Я не могу забыть настроений, которые господствовали в России уже до войны, и тех ожесточенных нападок на наш народ, в которых изощрялась русская большая пресса, возторженно относившаяся к Франции. Однако перед самым началом войны у нас все-таки была еще вторая дорога: можно было опереться на Россию против Англии (вот как, был готов выступить даже против любимого доселе идола? — *Авт.*). Ныне же положение вещей в корне изменилось. Если перед мировой войной мы могли подавить в себе чувство обиды против России и все же пойти с ней против Англии, то *теперь об этом не может быть и речи*. Стрелка на циферблате истории продвинулась уже куда дальше. Близится час, когда судьбы нашего народа так или иначе должны окончательно разрешиться. Все большие государства земли переживают сейчас процесс консолидации. Это должно послужить для нас предостережением. Мы должны как следует призадуматься над всем происходящим, распрощаться с миром мечтаний и встать на путь суровой действительности, который один только может вывести нас на новую широкую дорогу. (От чего предостерегал немцев вождь национал-социализма, какой завет в области внешней политики он формулировал для них? — *Авт.*) Никогда не миритесь с существованием двух континентальных держав в Европе! В любой попытке на границах Германии создать вторую военную державу или даже только

государство, способное впоследствии стать крупной военной державой, *вы должны видеть прямое нападение на Германию*. Раз создается такое положение, вы не только имеете право, но вы обязаны бороться против него всеми средствами, вплоть до применения оружия. (Вот бы тов. Сталину усвоить сие наставление своевременно! — *Авт.*) И вы не имеете права успокоиться, пока не удастся помешать возникновению такого государства или же пока вам не удастся его уничтожить, если оно успело уже возникнуть. Позаботьтесь о том, чтобы наш народ завоевал себе новые земли здесь в Европе, а не видел основы своего существования в колониях. Пока нашему государству не удалось обеспечить каждого своего сына на столетия вперед достаточным количеством земли, вы не должны считать, что положение наше прочно. Никогда не забывайте, что самым священным правом является право владеть достаточным количеством земли, которую мы сами будем обрабатывать. Не забывайте никогда, что самой священной является та кровь, которую мы проливаем в борьбе за землю».

Ну чем не гимн получился? Впрочем, не будем отвлекаться от главного, которое сейчас и наступает. Ниже, уважаемый читатель, вы ознакомитесь с самой сутью всей будущей политики Гитлера вовне Германии:

«Перед тем как кончить главу, я хочу еще и еще раз остановиться на доказательстве той мысли, что в деле заключения союзов для нас существует только одна-единственная возможность (обратите внимание на безальтернативность позиции Гитлера. — *Авт.*). Уже в предыдущей главе я доказал, что действительно полезным и открывающим нам крупные перспективы (понятное дело, что речь идет о востоке Европы. — *Авт.*) союзом был бы союз с Англией и Италией. Здесь я хочу остановиться еще вкратце на военном значении, какое может получить такой союз. Взвешивая положение, приходится сказать, что и в большом и в малом военные последствия такого союза были прямо противополо-

ложны тем, к каким привел бы союз Германии с Россией. Прежде всего тут важно то, что сближение Германии с Англией и Италией никоим образом не приводит к опасности войны. Единственная держава, с которой приходится считаться как с возможной противницей такого союза, — Франция объявить войну была бы не в состоянии. Это дало бы Германии возможность совершенно спокойно заняться всей той подготовкой, которая в рамках такой коалиции нужна, дабы в свое время свести счеты с Францией. Ибо самое важное в таком союзе для нас то, что Германия не может тогда подвергнуться *внезапному нападению* и что, наоборот, союз противников распадается, т. е. уничтожается Антанта, из-за которой мы претерпели бесконечно много несчастий. Заключение такого союза означало бы, что смертельный враг нашего народа — Франция — сам попадает в изолированное положение. Если бы успех этого союза вначале имел только моральное значение, и то это был бы громадный шаг вперед. Германия развязала бы себе тогда руки настолько, что теперь даже трудно себе и представить. Ибо вся инициатива перешла бы тогда от Франции к новому англо-германо-итальянскому европейскому союзу. Вторым результатом такого союза было бы то, что Германия одним ударом вышла бы из нынешнего неблагоприятного стратегического положения. Во-первых, мы получили бы могучую защиту своих флангов, во-вторых, мы были бы полностью обеспечены продовольствием и сырьем. И то и другое принесло бы величайшую пользу нашему новому государственному порядку. А еще важнее то обстоятельство, что в этот новый союз входили бы как раз государства, друг друга до известной степени дополняющие в технической области. Впервые у Германии были бы союзники, не похожие на пиявок, которые сосут кровь из нашего хозяйства; впервые мы имели бы союзников, обладающих такой промышленностью, которая могла бы богатейшим образом дополнить нашу собственную технику во-

оружения. Не забудем, что в обоих случаях дело идет о союзниках, которых нельзя и сравнивать с какой-нибудь Турцией или с нынешней Россией. Англия представляет собой величайшую державу, а Италия — молодое, полное сил национальное государство. Союз с такими государствами создал бы совсем другие предпосылки для борьбы в Европе, нежели тот союз с гниющими государственными трупами, на который Германия опиралась в последней войне (а не утопист ли Адольф? — *Авт.*). Конечно, достигнуть такого союза — дело, связанное с большими трудностями, о чем я уже говорил в предыдущей главе. Но разве образование Антанты в свое время было делом менее трудным? То, что удалось королю Эдуарду VII, несмотря на почти полное расхождение этого союза с очень многими интересами, должно удался и удасться и нам, если мы целиком проникнемся идеей необходимости предлагаемого мной союза и сумеем преодолеть в себе сопротивление такому союзу. Нужно только понять, что вся обстановка повелительно требует от нас именно такого решения, нужно раз навсегда отказаться от внешней политики, не знавшей в течение последних десятилетий никаких целей, нужно твердо выбрать один-единственный путь и идти по нему до самого конца (что, собственно, и было в дальнейшем сделано. — *Авт.*). Нам нужна не западная и не восточная ориентация, нам нужна восточная политика, направленная на завоевание новых земель для немецкого народа (ну вот она, самая, что ни на есть голая суть! — *Авт.*). Для этого нам нужны силы, для этого нам нужно прежде всего уничтожить стремление Франции к гегемонии в Европе (обратите внимание, задача уничтожения Франции изначально совсем даже не ставится. — *Авт.*), ибо Франция является смертельным врагом нашего народа, она душит нас и лишает нас всякой силы. Вот почему нет той жертвы, которой мы не должны были бы принести, чтобы ослабить (только-то. — *Авт.*) Францию. Всякая

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

держава, которая, как и мы, считает для себя непереносимой гегемонию Франции на континенте, тем самым является нашей естественной союзницей. Любой путь к союзу с такой державой для нас приемлем. Любое самоограничение не может показаться нам чрезмерным, если только оно в последнем счете приведет к поражению нашего злейшего врага и ненавистника».

Теперь предостережение Гитлера своим сторонникам в отношении их реакции на критику выбранной и предложенной им политики:

«Выступая с таким предложением, мы ныне, разумеется, рискуем подвергнуться самым бешеным нападкам со стороны врагов нашего народа. Пусть лают. Нас, национал-социалистов, это не остановит, и мы по-прежнему будем провозглашать то, что по нашему глубочайшему убеждению безусловно необходимо с точки зрения интересов отечества. Конечно, сейчас нам придется плыть против течения. Так называемое общественное мнение формируется лукавством евреев, превосходно использующих безыдейность громадного количества немцев. Волны вокруг нас вздымаются иногда очень высоко, угрожая нам бедой. Ничего! Кто плывет против течения, тот будет замечен легче, чем тот, кто плывет по течению. Сейчас мы представляем собой только маленький утес, но пройдет немного лет и мы превратимся в ту незыблемую твердыню, о которую разобьется волна — с тем, чтобы направиться потом в новое русло. (Что ж, если речь о прекращении большевизации мира, то все предсказанное Гитлером случилось, правда, далеко не сразу. — *Авт.*)»

И, завершая свое программное обращение к своим сторонникам, Гитлер, напутствуя, говорит им следующие слова:

«Нам необходимо добиться того, чтобы в глазах всего остального мира именно национал-социалистическое движение рассматривалось как носитель вполне определенной политической программы. Что бы ни ожидало

нас в будущем, пусть весь мир сразу узнает нас по тому знамени, которое мы поднимаем! Нам прежде всего необходимо самим до конца понять, какова должна быть наша программа внешней политики. Познав это до конца, мы найдем в себе достаточно силы и устойчивости, чтобы бороться за свои взгляды до последнего. Это очень и очень необходимо нам. Враждебная пресса набрасывается на нас с такой яростью, что иным из наших иногда становится не по себе, и тогда возникают колебания: не сделать ли ту или другую уступку в этой области, не начать ли вместе с волками выть по-волчьи хотя бы в отдельных вопросах иностранной политики. Выработав в себе прочные взгляды на этот счет, мы заборонируем себя от этой опасности».

Обобщая все изложенное выше, обдумывая главные тезисы из «Моей борьбы» Адольфа Гитлера, приходишь к смешанному ощущению от всего воспринятого. Почему? Да, видимо, потому, что, когда глядишь из будущего времени, становится просто горько и стыдно за всех политиков рассматриваемой эпохи. Неужели они все-таки сознательно вели Гитлера в сторону СССР, дабы навсегда закрыть с его помощью тему большевистской России, тем более что он (Адольф) и сам страстно желал именно этого? Если это так, то современный западный мир удивительно подл в самой своей основе. Причем ему же за все им содеянное тогда в России еще предстоит заплатить и самому, а вернее, очень и очень много доплатить. Иначе говоря, расчет за сие «славное» дельце так и не произведен и по сей день. Что это будет? Новая мировая война, порожденная неизбежным и финальным кризисом между всемирным трудом и всемирным капиталом (речь идет о формировании уже совершенно неустраиваемого мирными средствами катастрофического разрыва между темпами роста мирового капитала и темпами роста мирового труда), или это будет нечто иное, сказать сейчас весьма трудно. С другой стороны, всякие попытки оправдания И. Сталина так-

же выглядят сегодня просто омерзительно, ведь вождь всех народов, как ни странно, внес и свою, как оказалось впоследствии, самую роковую лепту в это самое ужасное во всей известной ныне истории человечества начинание. Именно его жестоко-лукавая политика помогла Гитлеру выйти на финальную часть им заранее сформулированного плана, именно его необычайное самомнение и погубило «красную» Россию, так как он так и не осознал элементарной возможности принесения всем капиталистическим миром Германии в качестве своего рода искупительной жертвы во имя решения задачи низложения большевизма в России. Поэтому-то, отчетливо понимая сей жуткий замысел, совсем и не случайно с самого начала рокового похода на Россию многие руководители вермахта пытались тем или иным способом отстранить Гитлера от власти. И не важно, что задача низложения большевизма решалась не сразу, ныне важно то, что *она была решена*. Да, социализм или коммунизм как принудительное устройство жизни человечества оказался нежизнеспособным, но сама идея устройства морального людского бытия так и осталась не развенчанной, а значит, она и поныне сохраняет свой потенциал и вполне может быть востребованной, когда всемирное «рыночное счастье» начнет давать неустрашимый ничем сбой. Но все же, удалось ли Гитлеру реализовать им намеченный в «Моей борьбе» план? Ответ на сформулированный вопрос будет утвердительным: да, ему это в целом удалось сделать. Другое дело, что полученный объективный результат им самим, видимо, так и не был осознан. Но это его, как говорится, личные беды, важно совсем другое, что решающее ослабление потенциала всего СССР он в 1941–1942 годах вполне себе совершил, и совершил благодаря нанесению по Советской России внезапного удара самой чудовищной силы. И в этом ему помогли все его «славные» союзники, и даже мнимые противники на Западе. Помянутые участники истории лишь после соде-

янных им в России невиданных в истории человечества злодеяний и получения в свою очередь, несмотря ни на что, достойного отпора со стороны советского народа включились в борьбу с ним (с Гитлером) как с самым что ни на есть всемирным злом. А где же доказательства справедливости сего развернутого вердикта? — спросит некто. Пожалуйста, даже через 10 лет после начала войны с вермахтом СССР так и не смог выйти в сопоставимых величинах на уровень довоенных цен на товары широкого народного потребления. Другими словами, материальный (экономический) ущерб от войны оказался для СССР непреодолимым и роковым с самого начала. Тогда как ущерб, например, Англии, как в людях, так и в утраченных материальных ценностях, оказался вполне приемлемым для решения задачи вполне быстрого и значительного увеличения материального благосостояния английского народа. Кстати, потери Англии в людях за все время ведения борьбы с Гитлером составили 362 тысячи человек, из них 62 тысячи — потери мирного населения. Много это для серьезной борьбы с всемирным злом? Вряд ли. То есть если кто и боролся с гитлеровской Германией всерьез, то это уж точно не Англия. Почему? А потому, что Гитлер, с одной стороны, и не хотел всерьез войны с ней, а во-вторых, он и не смог бы воевать с англичанами по-взрослому, даже если очень того захотел. Его ограничивало в этом решительно отсутствие у Германии мощного военноморского флота, а также отсутствие какого-либо заметного превосходства над Англией в воздухе. И потом, само поведение Англии сразу после нападения Германии на СССР ясно говорило, что она своим *фактическим* нейтралитетом полностью поддержала вторжение в Россию фашистских войск, так как перешла к оказанию массированной помощи СССР только в 1942 году, когда уже всем стало ясно, что скорой победы Гитлеру над Россией не видать. Кстати, сразу после прилета Гесса в Англию все широко заметные налеты

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ВВС Третьего рейха на Англию разом прекратились, чтобы возобновиться уже лишь в январе 1943 года. Другими словами, Гитлер был абсолютно уверен, что для блицкрига в России он имеет все необходимые ему гарантии от Англии. Но ведь Западная Германия после войны, несмотря на громадные людские и материальные потери, быстро восстановилась, — скажет противник позиции автора настоящей работы. Да, она восстановилась, но восстановилась опять же не сама, а благодаря громадной материальной поддержке со стороны тех, кто ее и толкнул в войну с СССР. Иначе говоря, и Англия, и ее главный союзник США вышли из Второй мировой войны *подлинными победителями*. Почему? А потому, что в Европе после войны возникло англосаксонское доминирование. На это, возможно, кто-то заметит, что и СССР получил после войны в Европе целую группу союзников. Да, это так, если воспринимать ситуацию формально или сугубо внешне, тогда

как серьезный анализ сразу же приводил к выводу, что разоренная войной мировая держава не сможет долго держаться в зоне своего влияния включенные во многом принудительно в лагерь социализма европейские страны. Поэтому всякие разговоры о выходе СССР из огромного пламени Второй мировой войны без коренного ущерба для самого себя, конечно же, есть разговоры явно поверхностные и лукавые. Если кто и получил свои дивиденды из случившегося исторического кошмара, так это только не большевистская Россия. Таким образом, как ни крути, но все равно выходит то, что *22 июня 1941 года — это смертный приговор большевизму в России, вынесенный ему его же крайне противоречивой историей и приведенный в исполнение лично Адольфом Гитлером*. Чем жить России без большевизма? Какова ее национальная идея? Только правильный ответ на сей основополагающий вопрос и даст ей тот единственный шанс обрести свою будущность.

Вадим Петров

ПОЧЕМУ УБИЛИ Л. П. БЕРИЯ?

В середине 1950-х годов большинству населения СССР был хорошо известен незамысловатый стишок: «Как товарищ Берия вышел из доверия, // Так товарищ Маленков надавал ему пинков». В нем весьма неадекватно, о чем мы будем говорить ниже, отражены события, приведшие к ликвидации «шпиона, врага народа и подлеца Берии». Эти строки, очевидно, были явлением того же порядка, что и стишок гораздо более раннего происхождения: «Эх, огурчики-помидорчики, // Сталин Кирова убил в коридорчике». Можно с большой долей уверенности полагать, что оба этих опуса имели не «народное», а откровенно пропаган-

дистское происхождение. Убийство С. М. Кирова — вопрос сложный и в рамках данной статьи мы его касаться не будем. Можно разобрать первый из стишков. Из него ясно, что, во-первых, Л. П. Берия «вышел из доверия» у не указываемых прямо людей. Во-вторых, «надавал ему пинков» сам «товарищ Маленков», у которого, следуя контексту, как раз и вышел из доверия Л. П. Берия. Но так ли это? Исследования последнего времени ставят под очень большой вопрос все содержание разбираемого стишка. Только сейчас, спустя 56 лет после событий конца июня 1953 года, приходит в адекватной мере осознание того значения,

которое имело для нашей страны отстранение от своего поста и последующее быстрое убийство Л. П. Берия.

Изучая отображение в отечественной литературе убийства Берия, можно выделить три этапа с их примерной периодизацией. Первый — с июля 1953 года по примерно 1991 год. На этом этапе отношение авторов к Берия заключалось в основном как к закоренелому преступнику, ликвидация которого резко оздоровила обстановку в СССР и способствовала «дальнейшему продвижению по пути к коммунизму». Конец первого этапа совпал с распадом СССР. Рамки второго этапа можно обозначить с 1992 года по начало 2000-х годов. На этом этапе появились первые работы, в которых начали ставиться под сомнение отдельные обвинения, ранее широко выдвигавшиеся в адрес Л. П. Берия. Третий современный этап — с начала 2000-х годов. Его можно охарактеризовать появлением работ, резко критикующих убийство Берия и одновременно в апологетическом ключе рассматривающих личность последнего. В третий же период также стали затрагиваться вопросы значения для СССР этого убийства. Так, сравнительно недавно появилась работа, в которой ярко приведено значение убийства Берия. «...похоже, что это на самом деле правда: 26 июня 1953 года в Москве было совершено одно из политических “убийств века”. Без суда и следствия был убит вице-премьер и министр внутренних дел СССР Л. П. Берия. По масштабу и последствиям для своей страны... это убийство может быть сопоставлено, например, с убийством Сальвадора Альенде, и оно уж куда более значительно повлияло на мировую историю, чем, скажем, убийство в Мексике Льва Троцкого, о котором так много и громко кричат. Сей факт оставался незамеченным почти пятьдесят лет по двум причинам. Во-первых, ему не придали значения, потому что тремя месяцами раньше умер Сталин, и огромность его смерти заслонила все остальные события, что дало возможность историкам списать смерть Берия

на вершущечные разборки. А во-вторых, сразу же после убийства была поставлена колоссальная по интенсивности дымовая завеса. Она продержалась полвека, и надо было измениться государственному строю, чтобы часть — только часть! — документов, связанных с этой историей, стала достоянием гласности. И будучи не передаваемой из уст в уста, а увиденной своими глазами...» (1). Далее в этой же книге развивается данное положение. «Вслед за первым убийством Берия последовало второе — уничтожение его как государственного деятеля и просто как человека, невиданный по размаху беспрецедентный “черный пиар”, сравнимый разве что с той истерией, которая поднялась вокруг имени Григория Распутина» (2). Почти в конце книги Е. А. Прудникова делает следующий вывод: «Если до 26 июня еще могли быть сомнения — существовал ли в СССР заговор против власти (естественно, против Сталина, ибо такие вещи за три месяца не зреют), то после 26 июня можно было в том уже не сомневаться. Ибо этот заговор вышел на поверхность. Связка из партаппаратчиков и военных захватила власть в стране» (3).

Приведем краткое описание событий июня 1953 года. В начале этого месяца ничто вроде бы не предвещало событий, которые развернулись всего через три с небольшим недели. Л. П. Берия исполнял обязанности первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, одновременно занимая посты министра внутренних дел и члена Президиума ЦК КПСС. 17 июня Берия отбыл в ГДР в связи с назревшими там беспорядками. 25 июня он вернулся в Москву. Последняя из известных его официальных записок, адресованная товарищу Г. М. Маленкову, датирована как раз 25 июня 1953 года и посвящена ходу следствия по делу М. Д. Рюмина. В этой записке имеются также упоминания негативного плана о бывшем министре госбезопасности Игнатьеве (4).

Ночь с 25 на 26 июня 1953 года Л. Берия провел на даче и с утра на-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

правился в Москву. Ничто не предвещало опасности (5). Далее достоверные сведения о его судьбе отсутствуют, а неофициальные значительно разнятся. В любом случае, в период с 26 июня по 10 июля 1953 года его имя в официальной советской прессе не упоминалось. Все упоминания имени Берия в советских средствах массовой информации, начиная с 10 июля 1953 года, были связаны исключительно с его резко отрицательными оценками.

Несколько ранее, в период со 2 по 7 июля 1953 года, в Москве прошел пленум ЦК КПСС. Все выступающие на пленуме не жалели для Берии различных эпитетов, само собой разумеется, просто отрицательных или крайне отрицательных. Но никаких внятных мотивов, которые, исходя из логики государственных деятелей, обусловили бы необходимость ареста Берия, на пленуме не приводилось.

Представляется поэтому, что нужно прежде всего найти ответ на вопрос: а какова была необходимость ареста и ликвидации Берия? В современной литературе можно найти различные варианты взглядов по данной проблеме.

В сборнике, посвященном аресту и ликвидации Берия, отмечается следующее: «Из публикуемых в сборнике документов видно, что Берия активно занялся различными проблемами как внутренней, так и внешней политики. В ходе их решения проявились противоречия между ним и остальными членами Президиума ЦК и Совмина» (6). Но в публикуемых документах, относящихся к периоду с начала марта до 25 июня 1953 года, не удается обнаружить проявлений каких-либо противоречий между Берией и остальными. Кроме того, если эти противоречия и имели место, то они явно носили лишь «рабочий», а отнюдь не «принципиальный» характер. «Принципиальными» противоречия стали лишь потом, после ареста Берия. Их «принципиальность» стала декларироваться заинтересованными лицами задним числом, когда понадобилось объяснить хотя бы

участникам июльского Пленума ЦК КПСС мотивы ареста Берия. Не исключается, что такие «противоречия» вообще были придуманы в указанных выше целях. Но даже если противоречия и были, неужели они достигли такого качества, что стало остро необходимым арестовать и казнить Лаврентия Павловича? Либо же под термином «противоречия» необходимо понимать нечто несколько иное.

Вот еще один вариант мотивов ареста Берия: «...не думаю, что партноменклатура настолько сильно боялась политического выступления Берии, что Хрущев решил его убить. Должны были быть у Хрущева более веские причины, и такая причина одна — **Берия, судя по всему, возгласив МВД, успешно расследовал замысел партноменклатуры убить Сталина.** [Выделено в книге. — *Авт.*] И Берия был убит сам. После его убийства хрущевцы распространяли ложь о том, что Берия, дескать, арестован за заговор, что ведется следствие, что прошел суд над Берией, и он по приговору суда расстрелян» (7). Конечно, как версия, она вполне годится. Но, если Берия начал успешное расследование убийства Сталина представителями партноменклатуры, он, учитывая его большой опыт чекистской работы, должен был быть вдвойне, втройне осторожным. Ему должно было быть безусловно понятным, что при расследовании такого преступления он подвергается чрезвычайно большой опасности. Поэтому он должен был предпринимать меры безопасности, чтобы не быть захваченным убийцами Сталина врасплох. А Л. П. Берия был арестован, если верить большинству написанного о событиях 26 июня, весьма незамысловатым способом, отражающим его явную неготовность к аресту. Поэтому приведенная версия Ю. Мухина представляется не слишком вероятной.

Можно привести еще один вариант мотивов, которые обусловили свержение Берия со всех занимаемых им должностей. Так, Н. Рубин приводит пересказ беседы Л. П. Берия с кинорежиссером М. Чиаурели, якобы со-

стоявшейся «незадолго до Первомайского праздника» 1953 года. В ходе беседы кинорежиссер якобы принес Берия сценарий фильма, превозносящего Сталина. Ознакомившись со сценарием, Берия якобы грубо обругал Сталина, а заодно и самого кинорежиссера (8). Далее тот же автор продолжил свое повествование о мотивах, которыми руководствовался Хрущев в своих действиях, направленных против своего соратника по Президиуму ЦК КПСС. Хрущев, в изложении автора, сделал далеко идущие политические выводы из упомянутой беседы: «В тот же вечер Хрущев рассказал об этом Маленкову по дороге на дачу (они жили рядом) и добавил: “А теперь он сам метит на сталинское место! И мы не должны этого допустить! Иначе он никого не пощадит!” Таких разговоров было несколько, и в конце концов Маленков согласился, что Берию “надо убирать”. Каким образом? Ну, об этом-то условиться никогда не поздно. Для Хрущева было главным решить вопрос в принципе. Вскоре было получено согласие на устранение Берии и от Булганина» (9).

Можно предложить читателям еще один вариант предполагаемых причин ликвидации Берия, который «открыто говорил, что партия не должна вмешиваться в хозяйственные дела страны. Всю эту бурную деятельность Лаврентия Берия соратники еще терпели. Но следующие два предложения заставили их сплотиться вокруг уже вовсю интриговавшего Хрущева. Первое — назначать руководителями национальных республик представителей коренной национальности и второе — создать национальные армейские части. Ну а записка Берия об объединении Германии и “ошибочном курсе на строительство социализма в ГДР”, появившаяся в начале июня 1953 года, положила конец терпению соратников. Возможно, непосредственным толчком к аресту Берия послужил и заметный в последних записках его намеки на личную ответственность членов Президиума ЦК за преступления сталинского режима. Берия вплотную

подошел к обнародованию фактов, которые могли бы дискредитировать его недавних союзников Маленкова и Хрущева, руки которых, кстати, тоже обагрены человеческой кровью» (10). Здесь мы видим не твердую уверенность автора, а только его определенные предположения. Обратим особое внимание на следующие выражения: «возможно, непосредственным толчком к аресту Берия послужил», «намеки», «Берия вплотную подошел к обнародованию фактов, которые могли бы дискредитировать его недавних союзников». Здесь явно прослеживается отсутствие твердой уверенности автора в непосредственных причинах ареста Берия.

Поэтому, суммируя все изложенные выше точки зрения, можно согласиться с мнением Е. А. Прудниковой: «... мы видим, что с самого начала узкое место — мотивация. За что? О заговоре Хрущев не говорит ни слова, у него есть лишь какое-то интуитивное ощущение, что Берия может их арестовать и что-то вроде бы готовит. И этот человек, который и соврать-то самостоятельно не может, стал главой государства! Неудивительно, что спустя всего десять лет руководимая им страна оказалась в глубочайшей луже...» (11). В другом месте этой же книги Е. А. Прудникова при разборе версии убийства Берия 26 июня в его московском доме обращает внимание читателей на следующие обстоятельства: «...Да, но все это как-то уж слишком грубо и непрофессионально. Если так уж надо было ликвидировать Берия, неужели обязательно было затевать стрельбу в центре Москвы? Есть же и другие способы... да хоть авиакатастрофа, чем плохо? Тому есть одно объяснение: у них не было времени обставить все прилично. Это был, как уже говорилось, экспромт. Они спешили, причем так спешили, и опасность была так велика, что им было уже все равно, как убить Берия. Да хоть в самом деле Москву бомбить — лишь бы убить! Да, но почему? ...Естественно, за что на самом деле расправились с Берия, мы из его материалов [Плену-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

ма ЦК КПСС, состоявшегося со 2 по 7 июля 1953 г. — *Авт.*] не узнаем. А вот что имели против него товарищи по партии — узнать легко и просто, они сами об этом постоянно говорят» (12).

Следует заметить, что в литературе существуют иные сведения, которые вроде бы подтверждают версию, указывающую на необходимость действий Хрущева. Например, в разгар так называемой перестройки была опубликована статья с тенденциозным названием, недвусмысленно отражающим заговорщическую деятельность Берия (13). Но при подробном изучении опубликованных в этой статье документов никаких признаков подготовки со стороны Берия какого-либо заговора не обнаруживается. Писатель Овидий Горчаков изложил сведения, которые ему и В. В. Павлову сообщил в начале 1960-х годов генерал Строкач. С позиций сегодняшнего дня отчетливо видно, что Строкач явно стремился запугать Хрущева возможностью ренессанса если не самого Берия, то уж недобитых бериевцев точно. «Запомнилось, например, его заявление: “Конечно, чистку в органах мы провели большую, но далеко не исчерпывающую, сразу заменить все кадры бериевской школы оказалось невозможно. Тем более что в его кресло сел его бывший заместитель генерал Серов. Это так. Каждый день вижу я на Крещатике, на улицах, по которым предпочитаю ходить пешком, знакомых отставников, вижу их ненавидящие, жаждущие реванша глаза. Эти глаза уволенных из органов горят мстостью. И они не всегда прячут свои чувства, хотя угодники и подхалимы делано улыбаются, здороваются. Но они явно угрожают нам расправой, мол, их час скоро пробьет, и они сведут с нами счеты. Над головой Никиты Сергеевича собираются тучи. Думаю, что следует забить тревогу: оттепель в опасности! Спасайте оттепель!”» (14). Далее О. А. Горчаков сообщает о том, что Строкач написал письмо, разоблачающее Берия. «21 июня письмо поступило к Хрущеву. 23 июня [именно так! — *Авт.*] на заседании

Президиума ЦК КПСС Берия был арестован. На основе бесед с генералом Строкачем мы с Владимиром Павловым в 1963 г. написали документальную повесть “Совесть коммуниста”. Однако она не увидела свет. Н. С. Хрущев, которому она была передана через А. Аджубея, главного редактора “Известий”, сообщил авторам, что повесть наглядно показывает: **Берия представлял большую опасность для народа, партии, государства, чем Гитлер в Сталинграде** [выделено мной. — *Авт.*], но победы над Берией Хрущев добился с помощью тех людей, которые затем составили антипартийную группу, ставившую задачей сместить его, Хрущева, в 1957 г., и что все мы еще просто не готовы к такому открытию» (15). Здесь в отношении Хрущева можно вспомнить известное выражение: наказание лжеца не в том, что ему не верят окружающие, а в том, что он сам начинает верить себе. Уважаемый Овидий Горчаков занял позицию, согласно которой все действия Хрущева против Берия были вынужденными, направленными на предупреждение готовящегося последним заговора. «Читая это письмо [Строкача на имя Хрущева. — *Авт.*], приходишь к выводу, что оно стало катализатором контрудара Президиума ЦК партии против заговора Берии» (16). Тем самым О. Горчаков ясно показывает, что, по его мнению, «заговор Берия» имел место в действительности. Но имеется серьезное возражение, о котором не знал Горчаков, очевидно, искренне веривший в правдивость воспоминаний героя-генерала Строкача. Дело заключается в том, что, согласно современным данным, упомянутое письмо Строкача было направлено на имя Хрущева лишь 28 июня (17), то есть только через два дня после ареста Берия 26 июня 1953 года. Поэтому позиция О. Горчакова не может быть признана соответствующей действительности. Ведь является совершенно понятным, что письмо, направленное адресату 28 июня, не может быть «катализатором контрудара», то есть ареста Берия, организованного этим самым адресатом и осущес-

ственного 26 июня, еще до получения письма.

Другой литературный источник содержит сведения, которые без преувеличения можно назвать суперсенсационными. Автор книги И. В. Белый утверждает, что он 19 апреля 1953 года обнаружил на теле убитой в аэропорту Ленинграда сотрудницы американской разведки Хелен Бреун рекомендации по организации переворота в СССР, адресованные давнему агенту иностранных спецслужб Лаврентию Берия. О подготовке переворота было незамедлительно сообщено Хрущеву, который принял соответствующие меры (18). Автор книги воспроизводит некоторые пункты из этих рекомендаций в количестве 25, оговариваясь, что всего рекомендации содержали 85–90 пунктов. За неимением места процитируем лишь некоторые из приводимых И. В. Белым пунктов, которые, несомненно, скажут весьма много осведомленным историкам: «1. В 00 часов 1 июля 1953 года подвергнуть аресту и уничтожению все центральное командование всех видов вооруженных сил, начиная с Жукова. ... 4. В 6 часов утра лично вам, Берия, выступить по радио, обратиться к народу: “О раскрытии великого заговора и предательства со стороны Сталина и его подручных”. При попытке сопротивления предатели были уничтожены; объявить чрезвычайное положение без указания срока. ... 7. В связи с чрезвычайным положением, прекратить все занятия в любых учебных заведениях, включая начальные классы. ... 11. В десятидневный срок подвергнуть аресту и уничтожению командный и политический состав Красной Армии по всем гарнизонам, округам и заставам, вплоть до заместителя командира взвода, секретарей партийных и комсомольских организаций, пренебрегая численностью, — вычистить окончательно не менее миллиона человек. 12. Обезглавленную армию оставить без управления, без снабжения, но и без оружия. В течение 10 дней подвергнуть аресту и уничтожению весь советский, партийный, профсоюзный и управленческий персонал, вплоть до секретаря партко-

ма предприятия, председателя сельского и поселкового Совета и профсоюзного комитета. Чем чище, тем больше, не повторить ошибок Гражданской войны по близорукости и нерешительности. ... 19. Обеспечить поставку спиртных напитков самого худшего качества в крупные города и поселки России, Украины, Белоруссии и Казахстана. 20. В крупных городах и поселках методами диверсии вывести из строя теплостанции и силовые установки по обеспечению населения теплом и электроэнергией. В ноябре-декабре-январе распространить слухи, что эти диверсии дело рук сталинистов и коммунистов. ...» (19). Правда, вопрос о том, какими именно силами и средствами можно было бы осуществить в СССР того времени столь масштабные мероприятия, авторы рекомендаций, как и сам И. В. Белый, предусмотрительно обошли молчанием. Вообще, эти и многие другие сведения, приводимые в цитируемой книге Белого, заслуживают специального и самого пристального изучения, что выходит за рамки данной статьи. С другой стороны, сама абсурдность содержания рассматриваемой выше инструкции не является ли лишь своего рода ярким свидетельством другого абсурда — абсурда незнания нами ныне существа событий, связанных с фактической расправой над Л. П. Берия?

Видимо поэтому-то в целом серьезные авторы имеют тенденцию склониться к общему мнению об отсутствии ясных причин, которыми применительно к реалиям середины 1953 года следует однозначно объяснить необходимость срочного ареста и лишения жизни Л. П. Берия.

Выдвигаемые некоторыми исследователями в качестве мотива ареста Берия замыслы последнего стать первым лицом в СССР не выдерживают критики. Можно привести мнение историка Б. Б. Соколова. «“Лубянский маршал” понимал, что занять то положение, какое занимал Сталин, ему не под силу. Для этого у Лаврентия Павловича не было ни авторитета “великого

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

кормчего», ни подходящего аппарата под рукой. Спецкомитет действовал в основном через ПГУ и ВГУ, которые также не являлись мощными бюрократическими структурами, а давали поручения различным министерствам и ведомствам. Задания же Спецкомитета руководителям местных парторганизаций шли через Маленкова» (20). А вот еще одно мнение человека, который, если не считать его несомненной пристрастности, должен был быть весьма компетентным по затрагиваемому здесь вопросу. Это сын Л. Берия — Серго Лаврентьевич. Он пишет вполне определенно и недвусмысленно. «Мой отец предложил на пост Председателя Совета Министров СССР кандидатуру Г. М. Маленкова, полагая, что сможет установить над ним полный контроль. Он понимал, что никто не доверит управление русским государством грузину во второй раз [сноска 2 в конце книги]. Если Сталину и удалось править страной, то лишь потому, что в тот период вокруг него были одни евреи. Ни один русский не мог захватить тогда власть, может быть, из-за политики Ленина, который предпочитал окружать себя нерусскими. Евреи не смогли договориться между собой, они предпочли грузина. По словам моего отца, такое стечение обстоятельств больше произойти не может» (21). В примечании 2 к главе 11 данной книги также подтверждается эта точка зрения, причем со ссылками не на кого-нибудь, а на Сталина и Хрущева. «Я вновь вижу Сталина, как он садится за свой стол и разглагольствует над перспективами своей преемственности... [отточие в книге. — Авт.] Он удалил от себя Берия, который не мог быть во главе Совета Министров, поскольку был грузином, а не русским. На этот пост нужен был русский человек» (22).

В литературе можно встретить различные версии убийства Л. П. Берия. Его сын так описал обстоятельства смерти своего отца, которая, по его убеждению, наступила 26 июня 1953 года. Итак, 26 июня «...отец приехал домой на обед в 12.30. В 13 часов один из

моих татарских друзей, летчик, которого звали Амитхад (его звали Амет-Хан. — Авт.), позвонил мне и закричал: “Твой отец скончался, ваш дом окружен! Я подготовил самолет и сейчас заеду за тобой, чтобы переправить тебя в надежное место”. Я не поверил своим ушам, это было немыслимо. ... В самом деле, за мной приехали люди. Не знаю зачем, но меня сначала привезли домой. Там я увидел пробитые пулями окна спальни моего отца. Двери были выбиты. Один из наших телохранителей, который находился еще в доме, крикнул мне: “Серго! Кого-то унесли на носилках”. Это мог быть только отец. Сначала я думал, что он тяжело ранен. Потом увидел всю нашу прислугу. Они мне подтвердили, что все произошло в доме, а не во время заседания Президиума» (23). Вызывает некоторое удивление то обстоятельство, откуда мог столь быстро летчик Амет-Хан узнать о происшедшем. Кто и по каким соображениям об этом сообщил рядовому летчику практически сразу же после происшествия? В конце текста этой книги в одном из примечаний написано: «Не стал ли Серго Берия жертвой спектакля? Хрущев хотел распространить слух, что Берия уже мертв, чтобы избежать возможного переворота со стороны его сторонников. Недавнее свидетельство подтверждает версию, что Берия был убит у себя дома утром 26 июня. Речь идет об А. Веденине, который утверждает, что входил в группу, направленную для ликвидации Берия. Горянов С. Операция «Особняк» // Неделя. 1997. № 22. С. 26–27 [курсив в книге. — Авт.]» (24).

А. В. Топтыгин придерживается точки зрения, что Берия был расстрелян в 19 часов 50 минут 23 декабря 1953 года, сразу же после оглашения приговора Специального Судебного Присутствия (25). Варианты расстрела Берия 23 декабря 1953 года, сообщаемые различными людьми, приводит в своей книге Е. А. Прудникова (26).

Можно отметить наличие и иных версий убийства Берия. «... существуют и другие версии, приписываемые Хрущеву. Так, американский писатель

Джон Фишер утверждал, будто бы Хрущев в беседе с “одним западным дипломатом” доверительно сообщил, что он, Хрущев, лично застрелил Берия на заседании 26 июня. В зарубежных исследованиях встречается и упоминание о каком-то французском сенаторе, побывавшем в Москве в мае 56 года. По словам этого безымянного сенатора, Хрущев рассказал ему, что Берия в ходе загадочного заседания двух Президиумов отверг все обвинения в свой адрес. А когда по окончании заседания все, включая Берия, вышли в “предбанник”, Микоян подкрался к злодею сзади и убил его выстрелом в затылок. Читатели отлично понимают, что доказать подобные утверждения (как, впрочем, и опровергнуть) невозможно. Но ведь и за рассказами Хрущева и прочих мемуаристов не стоит никаких доказательств. Похожесть этих рассказов — при некоторых расхождениях в деталях — снова и снова вызывает ощущение, что все-таки существовал некий сценарий, “либретто”, в рамках которого можно было фантазировать и даже путаться, но суть его оставалась неизменной: Берия был арестован на заседании в Кремле 26 июня и прямо с заседания отправлен “куда надо» (27).

Совершенно выпадающий из всех известных вариантов приводит «доктор философии и исторических наук» И. В. Белый, утверждающий в уже цитируемой выше книге, что убийство Берия было осуществлено лично им 27 июня 1953 года. «Александра Васильевича и меня пригласил к себе Жуков 27-го числа на 10.00, в день заседания Политбюро. Мы доложили, что все и все готовы. От Жукова Александр Васильевич отправился в НКВД, я проехал, посмотрел, где рассредоточены танки, и в 12.00 зашел на Лубянку. Все были готовы к выполнению своих обязанностей.

Как только Берия отъехал в ЦК, как все его “шестерки” были приодеты в наручники и препровождены туда, где они измывались чаще всего над честными и порядочными советскими людьми.

Время потянулось так медленно, что злость и месть за погубленных Берией безвинных людей, убийство им И. В. Сталина перерастало в мою дикую решительность — увидеть этого злодея... где же он, этот обезумевший от кровожадности двуногий зверь? Нестерпимо хотелось разрядить в его самоуверенный лоб весь магазин. И вот этот момент, наконец, настал: открывается дверь, и он уже сделал шаг к столу... Коротко и сухо прозвучал выстрел. И Берия прирос, как столб к полу... глаза, как у разъяренного быка, налились кровью... но он стоит, не падает. Еще выстрел — вторая пуля — в пяти сантиметрах от первой во лбу. Я стрелял, едва вынув пистолет, прямо от кармана из штатного “ТТ”. Наконец ноги подкосились, он упал и начал в конвульсиях колотиться об пол кабинета, пропитанный кровью невинных русских людей, которых Берия расстреливал лично! ...И возмездие настигло его. Эти две пули из моего пистолета были не моими пулями. И он, Лаврентий Берия, никак не мог их миновать. Потому что это были неотвратимые пули судьбы.

Я обратился к Быстренко:

— Проследи, Витя, сколько он еще будет биться, ведь если есть Бог на небе, то он эту звериную душу не сразу примет к себе. Убитая змея окончательно подыхает только с заходом солнца. Мне пора в ЦК, доложить Г. К. Жукову, что операция закончена» (28). Конечно, последнее свидетельство производит впечатление весьма нарочитого рассказа. Но мы упоминаем и его в контексте важности рассматриваемой темы, так как ясного ответа на поставленный вопрос о причине убийства Берия не имеется и поныне. Весьма вероятно, что даже в таком странном свидетельстве все равно возможно присутствует толика правды, а значит, совсем отмахиваться от рассказа И. В. Белого никак не стоит.

Если подвергнуть тщательному анализу все выступления на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 года, то можно обнаружить неоднократные пара-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

доксальные ситуации, когда в адрес Берия по одному и тому же вопросу предъявляются взаимоисключающие обвинения.

Вот, например, часть повествования Н. С. Хрущева о том, какая обстановка была в Президиуме ЦК КПСС при Сталине и как в это время действовал «авантюрист» и «большой интриган» Лаврентий Павлович. ««Товарищи, товарищ Маленков доложил ЦК партии, как члены Президиума... дорожили сохранением единства коллектива членов Президиума... чтобы это единство... передавалось на весь Центральный Комитет...» А вскоре после этого вот что: ««Вы, дорогие товарищи, имейте в виду, что Берия добился своего еще при жизни товарища Сталина, он разобщения между членами Бюро ЦК добился...» Так что же было “наверху” при жизни Сталина — “разобщение” или “единство коллектива”? И чего стоили как личности члены Президиума, если их можно было интригами перессорить друг с другом и посеять между ними рознь? Это большевики или опереточные примадонны?» (29). Можно не только присоединиться к высказанному мнению историка, но и задать дополнительный вопрос: как следует понимать, по Хрущеву, «единство разобщенного коллектива»? А самое главное. Если коллектив так легко разобщить, то, может быть, дело совсем не в «интригане», а в склонности остальных к разобщению по любому поводу? Невольно напрашивается перефразировка А. С. Пушкина: «Ах, разобщить нас всех нетрудно, мы сами разобщаться рады». Можно вполне согласиться с метким выражением С. Кремлева: «Хрущев в своей речи взял если не быка за рога, то ослон за уши, сразу и круто» (30). Вот, например, отрывок из выступления, зафиксированный в стенограмме пленума: «У нас душа болела, а мозговать не очень-то могли. Сразу не могли все сообразить. Берия добивался диктаторского положения, руководящего положения в партии и стране, прямо лез в премьер-министры, невзирая ни на что» (31). Опять нельзя четко уяснить. Видел ли выступающий

уже в начале марта 1953 года, что Берия «прямо лезет в премьер-министры» или, наоборот, не мог этого сразу сообразить, а только к моменту своего выступления на пленуме наконец-то все понял. Особую пикантность выступлению придает то обстоятельство, что самокритичное выражение «мозговать не очень-то могли», иными словами, признание в своем худом уме сделал не кто-нибудь, а В. А. Малышев, в начале 1953 года бывший членом Президиума ЦК КПСС и заместителем председателя Совета Министров СССР. И обладателем худого ума являлся краса и гордость ЦК КПСС Малышев. Каковы же были все остальные? Впрочем, самокритика — это всегда еще и свидетельство ума, который находит-ся лишь временно в каком-либо затруднении.

Вот еще любопытный пассаж из речи Хрущева на том же пленуме о коварных действиях Берия. «Интересно, с какими предложениями вошел он в Президиум. Мы еще их не обсудили, не успели, решили раньше его посадить, а потом обсудить. Он внес предложение, что нужно ликвидировать Особое совещание при МВД. Действительно, это позорное дело. Что такое Особое совещание. Это значит, что Берия арестовывает, допрашивает, и Берия судит. Спрашиваю, неужели у нас такой поток контрреволюционных восстаний, что ЦК не имеет возможности сам разбирать эти вопросы, нужны специальные органы, чтобы без следствия, прямо в кабинете, без преступника разбирать и судить? Где эти преступления? Сколько их? Их покамест нет. Почему это нужно было Берия? Потому что, имея Особое совещание в своих руках, он на любого человека имел право. Он сам говорил: я могу любого заставить, что он скажет, что имеет прямую связь с английским королем или королевой, сам подпишет. И он это делал. Следовательно, когда он добивается таких показаний, когда потом будет суд, будет следователь, который допрашивает по указанию Берия, будет докладывать Берия и судить будет сам Берия» (32). А теперь,

прочитав эти строки, попробуйте ответить на вопрос, что же вызвало такое возмущение Хрущева. То, что Берия хотел иметь в своих руках Особое совещание и использовать его в дальнейшем, или то, что Берия хотел срочно ликвидировать это Особое совещание? Недаром в варианте стенографического отчета пленума, предназначенного для рассылки в партийные организации, выступление Хрущева было значительно переработано. В частности, появились строки, что «Берия не предложил упразднить Особое совещание, а сохранить его» (33).

Нельзя исключить, что указанные противоречия, проявившиеся в выступлении на пленуме, были отнюдь не случайными. Скорее всего, такая противоречивость была осознанной, сделанной для того, чтобы в дальнейшем можно было, ссылаясь на высказанные на пленуме «ценные мысли» и «новые вклады в учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина», отдрейфовать по любым, даже взаимно исключаящим направлениям. Собственно, дальнейшее развитие событий в СССР во многом подтверждает высказанную здесь мысль. Ведь многие из тех, кто в 1953 году хулил Берия за пренебрежение светлой памятью Сталина, уже в 1956 году этого самого Сталина с истовостью облили густой и липкой грязью.

Особо следует выделить один малоизвестный факт, который обычно проходит мимо внимания исследователей. 26 июня 1953 года, сразу после ареста Берии, постановлением Президиума ЦК КПСС спецкомитет и оба главных управления были ликвидированы. Все их функции, а также аппарат и подведомственные им предприятия и организации переданы во вновь образованное Министерство среднего машиностроения СССР (34). Очень важное событие. Заинтересованные лица не успели снять Берию, как тут же, спустя буквально несколько минут, впопыхах, изменили всю структуру Спецкомитета. А возможно, что и не впопыхах, а, наоборот, весьма хорошо обдумав заранее.

В конце статьи будет целесообразным подытожить некоторые послед-

ствия для СССР, вызвавшие заговор против Берия и его убийство. Последствия эти выглядят удручающим образом. 1. В стране возникла власть партаппарата, не имевшая, по современной терминологии, «системы сдержек и противовесов». 2. Был ликвидирован наиболее успешный и самый высокопоставленный менеджер СССР, ответственный за создание новых образцов вооружений, что резко нарушило управление в соответствующих областях. На место «наиболее успешного менеджера СССР» пришли люди, которых в ряде ситуаций «мозговать не очень-то могли». Полномочия Берия были разделены между несколькими людьми. А это привело к потере качества управления и уж наверняка к потере темпа в разработке принципиально новых образцов вооружений. 3. Ликвидированы многие наиболее грамотные сотрудники МВД, а на их место пришли в основном «чистые» партаппаратчики, что также явно привело к потере качества, но уже в части работы спецслужб. 4. Лидером государства стал «увлекающийся деятель» Н. С. Хрущев. Его, мягко говоря, очень малая компетентность в различных областях человеческой деятельности приводила к крайне затратным и неэффективным для государства проектам (повсеместное насаждение кукурузы, распахка целинных земель вместо улучшения сельского хозяйства в традиционных земледельческих районах, создание параллельных партийных и государственных структур, строительство «хрущевок» с большими окнами в северных регионах, что влекло колоссальные неоправданные затраты на отопление зимой и т. д. и т. п.). 5. Арест Берия положил начало метаниям в области идеологии: то Сталина защищаем, то его же ругаем. По этой причине у народа в конечном итоге начались идеологические шатания и разброд. 6. Были безвозвратно утрачены разработки, которые вел лично Л. П. Берия.

Ответ на вопрос, почему же заговорщики убили Л. П. Берия, по нашему представлению, может заключаться в следующих соображениях.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

1. Берия устранили как ярко выраженного «технократа», который в дальнейшем с большой вероятностью не мирился бы с глупой, вредной для страны политикой своих коллег по Президиуму ЦК КПСС.

2. Политические оппоненты Берия, желая сохранить для себя свободу *от ответственности* (что имеет в России место и поныне) и сохранить власть в стране, быстро пришли к мнению, что им с Берия не договориться и их пути стремительно расходятся.

Вопрос же о том, как и когда именно была совершена расправа над Л. П. Берия, имеет далеко не первое значение. И со временем, надо думать, многое из этого станет известным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прудникова Е. А. Берия. Преступления, которых не было. — СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. С. 323.
2. Там же. С. 433.
3. Там же. С. 465.
4. См.: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. — М.: МФД, 1999. С. 64–66.
5. См.: Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. — М.: Современник, 1994.
6. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма... С. 7.
7. Мухин Ю. Убийцы Сталина. — М.: Яуза, 2006. С. 516.
8. См.: Рубин Н. Лаврентий Берия: миф и реальность. — М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998. С. 414.
9. Там же. С. 415.
10. Сухомлинов А. В. Кто вы, Лаврентий Берия? — М.: Детектив-Пресс, 2003. С. 13–14.
11. Прудникова Е. А. Указ. соч. С. 297.
12. Там же. С. 322, 334.
13. Документы генерал-лейтенанта Т. А. Строкача о подготовке Берией заговора в 1953 г. // Новая и новейшая история. 1989. № 3. С. 166–176.
14. Там же. С. 167.
15. Там же. С. 168.
16. Там же. С. 171.
17. См.: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма... С. 419.
18. См.: Белый И. В. Заговор сатаны. Исповедь контрразведчика. — М.: БАРС, 2005. С. 52–55.
19. Там же. С. 53–54.
20. Соколов Б. В. Истребленные маршалы. — Смоленск: Русич, 2000. С. 472.
21. Берия С. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 319.
22. Там же. С. 457.
23. Там же. С. 339–340.
24. Там же. С. 464–465.
25. См.: Топтыгин А. В. Неизвестный Берия. — СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. С. 346, 376.
26. См.: Прудникова Е. А. Указ. соч. С. 401–404.
27. Рубин Н. Указ. соч. С. 431.
28. Белый И. В. Указ. соч. С. 60–61.
29. Кремлев С. (Брезкун). Берия. Лучший менеджер XX века. — 2-е изд., доп. и испр. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 664.
30. Там же. С. 663.
31. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма... С. 294.
32. Там же. С. 92.
33. Там же. С. 233.
34. См.: Там же. С. 404.

Светлана Яремич

ТЫ САМ СВОЙ ВЫСШИЙ СУД

Представители православной общественности давно выступают с предложением создать Совет по нравственности при российском телевидении. Телезрители активно шлют жалобы и просьбы закрыть такие телеканалы, как «2 × 2», «ТНТ» и некоторые другие. Многие поговаривают о необходимости контроля за той информацией, которая доходит до телезрителей/читателей/слушателей. Так нужен он или нет, и если нужен, то в какой форме?

Мы уже в течение долгого времени убиваем свою культуру, свой язык, причем делаем это добровольно и с удовольствием. И многие из нас понимают, что контроль необходим, но не в «партийном» варианте. Наблюдая за тем мракобесием, которое процветает на российском телевидении, понимаешь, что политическая цензура отходит сама собой на второй план. Ну как же, ведь повсюду уфологи, с упоением рассказывающие о чертах лица инопланетян, или кармические люди, раскрывающие свои чакры и чистящие свою энергию, нам не до истинного положения дел, у нас есть лженауки и лжепрограммы!

Можно создавать сколько угодно Советов, но ни один из них не сможет заставить измениться **суть** человека, пишущего очередной мусор или создающего телепередачу ни о чем. Будет подчинение внешнее, а внутри все продолжит гнить и гнить... Нужно начинать копать с самого корня и останавливать вакханалию в семьях, в воспитании, в зарождающихся традициях. Зачем лазить по вершкам и искать «моральный авторитет» в лице кинематографистов, писателей, госчиновников, идеология которых все равно построена на деньгах?

Ведь будущее государства должно зависеть от того, какие люди живут в нем, а не от количества природных ресурсов и тех денег, что они могут принести. Нельзя забывать о духовном развитии страны. И если в самих семьях нашим детям будет объясняться, что такое хорошо и что такое плохо, то это будет способствовать тому, что люди сами начнут фильтровать приходящую к ним информацию без указки какого-либо Совета. Это, конечно, не уменьшит информационное пространство от пошлости, цинизма и порнографии, но, по крайней мере, не будет делать этому такие сумасшедшие рейтинги. А рейтинг в XXI веке — это та же цензура, но демократическая, с приобретенной рыночной формой. Экономическая выгода сейчас намного превышает нравственную составляющую. Сужение аудитории снижает и доход. Ну а кому выгодно «клепать» невостребованный продукт?

Достойная жизнь, свободное развитие человека, уважение его прав — это ли не нравственная основа общества? И если уж закон защищает нравственность только на бумаге (Конституция РФ, ст. 55, где сказано, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, **нравственности**, здоровья <...>»), то давайте защищать ее в наших семьях и включать детям не Букиных, а добрые мультфильмы, пусть дети читают не американские комиксы, а сказки. А для современной культуры дети — главная «добыча». Детское сознание привлекает своей свежестью, искренностью и открытостью.

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

Современная культура во главе со СМИ упорно живет вразрез всем основным ценностям. Телевидение ставит свои интересы выше интересов человека. Оно в большинстве своем оскорбляет все самое хорошее и ценное, предлагая ложь вместо правды. Оно крадет у каждого отдельного человека настоящее понимание действительности. Цель — отсутствие внутренних ценностей и четкой личной позиции. Ведь когда нет собственной точки зрения (не хватает опыта, информации, знаний, чтобы она сформировалась), то обычно примыкают к общепризнанной. Современная культура создает свои ценности, которые не рассчитаны на длительное употребление. Да и не дай бог они задержатся! Муляжи вместо ценностей — и вот

она, однородная масса людей, общество потребления, готовое к новым телешоу.

Так что на вопрос о контроле информации, ее цензурировании ответ очевиден: цензурировать муляжи и иллюзии не имеет смысла. Цензура не может появиться, так как СМИ создает мифы. Должно быть внутреннее понимание того, что на самом деле ценно и имеет смысл. Нельзя оставаться равнодушными к настоящей жизни. Важно поддерживать мораль в следующих поколениях, важно пережить нравственный кризис и вернуться к нравственному воспитанию.

Убивая нравственную культуру, мы убиваем нравственное общество. А пока нет нравственного общества, у страны нет будущего.

Диана Радес

О СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ

Не люблю конкурсов, состязаний в любой области искусства, да и в литературе тоже. Сколько нервов, слез, переживаний среди участников из-за «генеральских» эффектов, субъективности в оценках, предсказанности результатов, особенно жаль детей. Даже в спорте, где во многих видах есть весьма точно контролируемые параметры: длина, высота, число голов... все меньше чести и благородства в борьбе за призовые места. В ход идет многое... Так нужна ли, так ли уж необходима человечеству эта спортивная борьба во всех сферах жизни? Вспомните соцсоревнование на предприятиях, вряд ли оно способствовало росту искренней любви, сочувствия в коллективе. Что «закаляется» на состязаниях, так это душа. Она черствеет, каменеет, то есть — гибнет в какой-то мере.

Так где же начало этой тяги к состязаниям? В наших свойствах. Давайте разберемся в каких. Как советуют психологи, разделим лист бумаги пополам и запишем отдельно положительные и отрицательные качества, ведущие к состязательности, сопровождающие ее. Первыми проявились отрицательные:

- скорее тщеславие, чем его противоположность — честолюбие, которое есть желание заслужить уважение коллектива через дела честные, нужные людям. Честолюбие требует благородства характера, честолюбие не состязается, а просто работает, никогда не идет по головам, не участвует в интригах;

- недостаточный потенциал уважения к другим людям;

- самовлюбленность вместо восхищения другими людьми, вместо понимания, что каждый человек уника-

лен, и глупо кичиться перед самым неприязненным на первый взгляд человеком;

- как правило, неадекватная самооценка (завышенная, заниженная);

- отсутствие любви, нежности, сочувствия и т. д. к «сопернику», то есть «агрессия», в лучшем случае «равнодушие», и оборотная сторона агрессии — страх.

Что-то не удастся найти хоть одно положительное качество, ведущее к состязательности. Если даже и удастся найти, отрицательные свойства все равно перевесят. То есть состязательность основана на далеко не лучших наших качествах и развивает их. Состязаются народы и не выходят из войн по любому ничтожному поводу, войн, несущих смерть и разрушения. Одна часть человечества созидает, а другая разрушает, чтобы «созидатели» веками топтались на месте. А уж сколько рождается в этой схватке человеконенавистнических теорий, оправдывающих гибель людей и покаянные судьбы! Тут и фашистская безбожная теория Мальтуса об угрозе демографического взрыва, и ее логическое продолжение в сегодняшний день — теория «золотого миллиарда»... «Прогресс» — скорее всего миф. «Кровожадно» состязаются конкуренты в науке, промышленности и даже в сельском хозяйстве. К моменту окончания состязаний все человеческие свойства участников утрачены, их заменила хватка хищника. С младых ногтей «кукловоды» всех рангов разобщают людей, сеют страх перед незнакомым человеком, недоверие к нему, настраивая на пренебрежительное отношение, в котором скрыта агрессия. У перепуганных родителей часто рождаются агрессивные дети и наоборот.

И это полностью не исправить никакими приемами. Страх и агрессия — близнецы, которые всегда рядом.

Состязательность стала формой нашего существования. Состязаются все и со всеми. Есть жюри, есть священные десять баллов. Но поскольку задача перед жюри стоит, как правило, совершенно неразрешимая — сравнить несравнимые ни по одному критерию, совершенно разные виды деятельности человека, — то становится очевидной ненужность, бессмысленность таких состязаний. Так, например, в сегодняшнем «звездном» шоу восхищенное жюри безуспешно сравнивало выступление иллюзионистов, воздушной гимнастки, дрессировщика, клоуна... И четыре специалиста в области сравнения всем поставили по десять баллов. Это они от восторга, просто шоу было качественное. На деле здесь можно ставить любые оценки, так как они безумны. По-моему, у режиссеров этой состязательной галиматии с головой далеко не все в порядке.

Суть состязательности, ее роль в жизни людей должны быть серьезно исследованы, но это не сделать в рамках одной статьи. Этот вопрос должен получить и серьезные нравственные оценки. Запретили же в некоторых странах бокс...

Давайте поговорим о том, чего так много в наших творческих коллективах, — о состязательности в творчестве. Не нами установлен беспокойный стиль жизни, в котором человек считает своей целью утвердиться в глазах или современников, или потомков, а лучше и тех и других вместе. Вроде бы: а что плохого? Да ничего, если бы не способы самоутверждения. От рождения до смерти человека сравнивают с другими людьми и даже с животными. Какова же цель таких сравнений? Очевидно, что это либо лесть, либо унижение. Каждый, кого неудачно сравнивают с коллегой, либо он сам делает это сравнение, и оно не в его пользу, испытывает раздражение, потерю вдохновения, работоспособности. Свет становится не мил. Немало талантов

погибло в зародыше, потеряв веру в себя под ударами более маститых коллег: «Нет, ты не Пушкин, ты никто!» А разве может чувствовать себя уютно приличный человек, если льются бесконечные льстивые сравнения по его адресу? Не дай бог со временем привыкнуть к этому! Душа черствеет, холодеет от согласия с лестью, да и от несправедливости тоже, и уже сама готова начать вершить холодный, бесстрастный, как у нас говорят, объективный критический анализ чужого творчества. В этом процессе гибели души, когда человек теряет или уже утратил главные свои достоинства, он пытается утвердить себя через сравнение, надеясь убедить всех, что он «первый», будь это «король поэтов» или автор самой «продажной» книжки и т. д.

В некоторых творческих коллективах так распространена инфекция лидерства, что это стало нормой. Там давно забыли, что можно и должно радоваться успеху коллеги. Там неудача коллеги — твоя победа. Бокс! Из таких коллективов нужно бежать, так как в их агрессивной атмосфере есть опасность утратить полет души, радость творчества.

Не подумайте, что я против объективных оценок. Я — за, но без камня за пазухой, без глумления над распахнувшим душу автором, когда режут по живому и не замечают этого. А по части сравнений хочу предостеречь: от сравнений лучше воздерживаться, они разрушают любой коллектив. Кому приятно, когда жена вслух сравнивает тебя с «замечательным мужем соседки». Не мною сказано, что во всем нужна мера.

Что-то долго я говорю о том, к чему пришло, к сожалению, наше человеческое «братство»: к эгоизму, к самолюбованию и самовлюбленности, к стремлению победить, обойти собрата, обогнать, перепрыгнуть, когда «его победа — твоя беда» и... Где-то мы легкомысленно сбились с пути, и отрицательные последствия этого можно теперь перечислять до бесконечности, как в судьбе отпетого преступника. А ведь когда-то он нарушил закон впервые. Что же за закон нарушен нами?

У человечества есть сверхзадача: помогать Богу поддерживать на Земле *жизнь* через созидание гармонии и красоты. Чтобы творить, человеку приходится преодолевать сопротивление инертной, «костенеющей», дисгармонизирующей, деградирующей без подпитки красотой и разумом среды. Это *трудно*, любая созидательная работа направлена на восстановление жизненного, витального потенциала планеты и сопряжена с *трудностями*. Современный человек давно забыл о своих обязанностях перед Вселенной и Всевышним. Созидательный труд перестал цениться, стал в тягость. Основным показателем жизни стало удовольствие не от труда, а от отдыха, развлечений. Герой нашего времени стал расчетливо-ленив, жаден до денег, не уверен в себе, утратил чувство собственного достоинства, стал труслив и агрессивен.

Тогда как ларчик счастья на Земле открывается просто. Еще малыш в детстве должен понять, что и он, и все окружающие его люди — со-*трудники* Бога, его помощники, спасители Земли (да поймут меня правильно «зеленые»). У каждого человека своя задача, и, как правило, не одна, свои дела в этой жизни, и, следовательно, никто

реально никому не помеха в работе, если человек честен перед Богом, собой и людьми, занимается делом, которое ему нравится, хотя оно может быть и весьма трудным. У каждого свой путь в этой жизни и на самом деле конкурентов по большому счету нет, если не быть завидущим и загребушим. Места, продуктов, энергии на Земле хватит на астрономическое число людей. Дел и задач — бесконечное множество. Не должно быть важных и неважных профессий, любой созидательный труд должен цениться в обществе и хорошо оплачиваться.

Жизнь — это волшебство, материализация идей, когда из ничего создается все необходимое. Наши предки давно заметили, как рождение ребенка в семье без достатка чудесным образом разрешает многие проблемы. Главное, чтоб не было страха перед жизнью. Что касается людей творческих профессий, то пора бы уже прекратить братоубийственные сражения между собой, объединяться в союзы с единственной целью — быть понятым, по-доброму выслушанным, получить поддержку в случае творческой неудачи. Боже, упаси нас от скользкого пути состязаний, рождающих нелюбовь!

Виталий Севрюгин

К ВОПРОСУ НЕОБХОДИМОСТИ СРАВНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВА И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ ДЛЯ ОЦЕНКИ ТЕХНИКИ СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Смысл предыдущей статьи и некоторых высказываний в первом номере журнала «ПИСАТЕЛЬ. XXI век» кроется в том, что автор утверждает бесполезность соревнования и даже вредность сравнения произведений литературы между собой. Однако наш опыт

говорит о том, что все творческие встречи поэтов и прозаиков проходят именно в атмосфере обсуждения произведений и часто в атмосфере острой критики. Более того, выдвижение произведений искусства на ту или иную премию связано с экспертной оцен-

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

кой, при которой приходится сравнивать авторов. Можно согласиться, конечно, что эта оценка субъективна, особенно тогда и в той области, где не существует строгих оценочных критериев, а судьями являются конъюнктурные люди. К такой области относятся поэзия и проза. Но там, где такие критерии существуют (например, такие виды спортивного искусства, как фигурное катание, художественная гимнастика и т. п.), существуют строго разработанные правила, как оценивать тот или иной элемент. Из истории литературы нам известно, что наши далекие предки могли оценивать гармонию числом. Еще за 600 лет до Олимпийских игр в Греции проводились Пифийские игры, где соревновались исключительно поэты и музыканты. Лучшие поэты обожествлялись, и их лики валяли в виде скульптур. Благодаря этому мы знаем, как выглядел Гомер, Эврипид, Эсхил и др. Эти соревнования нужны были не только поэтам, но и обществу, поскольку объединяли людей вокруг поэтов, выдвигающих ту или иную национальную идею. Поэты, подобно богам, творившим миры, создавали словесные образы этих миров. Они были переносчиками и творцами идеологии, без которой невозможно развитие общества. Поэтическое слово служило резонатором и своеобразным метрономом, настраивающим общество на ту или иную эмоциональную волну. Посредством поэтического слова формировалось мировоззрение, и в Греции вплоть до IV в. до н. э. в литературе вообще не использовали прозу. Все научные и эпические произведения писались гекзаметром. Греки знали, что поэтическое слово отвечает законам гармонии, а саму гармонию они определяли как единство противоположностей. Поэты являлись творцами духовного состояния общества. Платон утверждал, что слово — это не только переносчик идеи, но и переносчик духа. Интонацией слова можно передать любовь, злость, радость, горе и другие эмоциональные состояния души.

Слоговая поэтическая речь — это последовательность звуков разной ча-

стоты. **В сочетании с тембром и акцентом слогов формируется мелодия стиха. Для каждого поэтического размера она своя.** Чем разнообразнее мелодии стихов, тем приятнее они воспринимаются, поскольку новое всегда воспринимается лучше устаревшего. В рамках одного и того же размера мелодия стиха также отличается, но эти отличия не такие существенные, в частности, частота, акцент и тональность меньше влияют на восприятие мелодии, чем частота и длительность пауз. **Иначе говоря, время передает в большей части чувственную сторону слова. Длительность звучания слога и длительность пауз между слогами, стопами и строками влияет на мелодию стиха. То есть ВРЕМЯ и есть тот закон, которому подчинено поэтическое гармоническое слово.** Нарушение этого закона карается тем, что поэтическое слово превращается в ПРОЗУ.

Законы стихосложения, по-видимому, знали еще до греков. Ведь сами они признавали, что искусство писать стихи гекзаметром получили от самого Аполлона, который был родом из Гипербореи — страны, лежащей на крайнем севере, за северным ветром БОРЕЕМ. Его дочь Феманоя была первой жрицей в Пифийском храме в Дельфах. Она изрекала свои прорицания на непонятном для греков языке, но мелодию стиха они смогли запомнить, и гекзаметр стал самым популярным поэтическим размером. Позже от Аристотеля греки узнали, что это был шестистопный дактиль. Но к тому времени греки уже освоили около тридцати поэтических размеров. Это: ЯМБ (— +); ХОРЕЙ (+ —); АНАПЕСТ (— — +); АМФИБРАХИЙ (— + —); ДАКТИЛЬ (+ — —); ПЕОН 1—4 (+ — — —) (— + — —) (— — + —) (— — — +); БАКХИЙ (+ + —); АНТИБАКХИЙ (— + +); ИОНИК ВОСХОДЯЩИЙ (— — + +); ИОНИК НИСХОДЯЩИЙ (+ + — —); ИПИТРИТ 1—4 (— + + +) (+ — ++)(+ + — +)(+++—); ПЕНТОН (— — — — +). Был и шестисложный стих (— — — — — +). **Построение античных СТОП основывалось на временной ритмике (5).** Короткий звук назывался МОРОЙ (или

ХРОНОЙ) Длинный звук был равен примерно двум морам. ВРЕМЯ (Хронос) выступало в качестве метрической единицы. Между СТОПАМИ делались паузы более длинные, чем две моры. Более того, стих (строка) часто делился на два-три интервала. Этот принцип впоследствии перешел в европейское стихосложение, а потом вернулся и в Россию — родину Аполлона Гиперборейского, но уже в искаженном виде. К этому времени Европа полностью отказалась от временной ритмики и перешла на так называемый говорной досиллабический рифмованный стих. Примеры этого стиха живут и сейчас в фольклорной лирике: частушках, колыдаках, поговорках

СИЛЛАБИЧЕСКИЙ (акцентный стих). В нем отдельные слова как бы выделяются из текста, но законы расстановки пауз между слогами уже были забыты. Такой СТИХ пришел к нам из польской поэзии: «Ночь, улица, фонарь, аптека» (А. Блок); «Осада! Приступ! Злые волны» (А. Пушкин). В этом стихе повышается роль пауз между словами и часто строка делится на части. В польском языке большинство слов заканчивается женской рифмой, поэтому Тредиаковский требовал, чтобы в русском стихосложении рифмы были женскими. Ломоносов выступил против такого слепого поклонения перед Западом и в полемике добился того, что требование женской рифмы было отменено, и теперь на конце стиха допускалась как женская (море — горе), так и мужская (гора — серебра) и даже дактилическая (маленький — валенки) рифмы. **Реформа Тредиаковского утвердила различие между прозаической и поэтической речью. К поэтической речи стали относить исключительно речь, имеющую ритм, метрику и рифму.** Речь, не имеющая хотя бы одного из этих признаков, считалась прозаической. Но вскоре сам Тредиаковский стал тяготеть к гекзаметру, и требование рифмы было отменено. Он, правда, успел написать несколько рифмованных гекзаметров. Его начинание поддержал Ломоносов. Однако рифмованный гекзаметр так и не привился в

русском стихосложении. И только сейчас он получил развитие в Международном клубе ученых (МКУ). В дальнейшем развитие русского стихосложения шло по пути тонизации стиха. Появился так называемый силлабо-тонический стих, который живет и поныне. В силлабо-тоническом стихе временная античная ритмика была полностью заменена ритмикой ударной.

В связи с этим из тридцати поэтических размеров, передающих мелодию стиха, у нас осталось всего пять, передающих лишь ритм (барабанный стук) вместо индивидуальной мелодии античных стоп. Сами стопы стали называться метрами, а метры стопами. **То есть античные законы стихосложения были полностью забыты и искажены до неузнаваемости.** Закон гармонии природы был нарушен, и природа отомстила за себя. Ведь не зря же современную поэзию не все любят. Она не музыкальна. Она не вызывает того волшебного чувства, что древние греки называли катарсисом.

В МКУ смогли понять не только то, что собой представляет время, но и восстановить утерянные секреты свойства времени как трансформатора энергии чувств. Восстановив временную ритмику, мы сегодня научились управлять эмоциями слушателей, применяя ту или иную поэтическую временную ритмику и метрику и тем самым использовать эту технологию в оздоровительных целях. Нами получен патент (1) на такие технологии, что говорит о новизне наших новаций. Мы научились оценивать математическими методами качество стихосложения и тем самым отбирать из стихотворных терриконов ценную породу — стихи высокого профессионального качества.

Для большинства аттестованных филологов подобное утверждение кажется крамольным, но ученые филологи, такие как Гаспаров, Томашевский и др., напротив, утверждают, что методы математической статистики в оценке поэтического слова существуют давно и нужны. Ведь любая наука

ПИСАТЕЛЬ

XXI
ВЕК

начинается именно с математики. Вот несколько цитат Томашевского:

«На самом же деле филология и математика соприкасались давно. Дело ведь не в счетных устройствах, а в принципе, в методологии исследования.

Оставим же в покое роботов-поэтов, откажемся от долгосрочных прогнозов, скажем лишь о том, что уже сделано в одной области литературоведения — именно в стиховедении.

Собственно говоря, применение математических методов в науке о стихе так же старо, как сама эта наука. Более того, древнейшее стиховедение почти сводилось к математике — разумеется, крайне простой. Античные стиховеды устанавливали количественные отношения (долгий слог равен двум кратким), находили простейшие единицы измерения — стопы, затем единицы высшего порядка — стихи, строфы. Это элементарно, но все же это — математика».

А теперь рассмотрим примеры античных стоп и возможности их применения в современной поэзии. Покажем на примере, как современному стиху можно вернуть его былую напевность и одним и тем же текстом передавать разные чувства (эмоции). Нетрудно заметить, что временная ритмика различным размерам придает свою мелодию и поэт может выразить свои чувства более ярко, а читатель более эмоционально прочувствовать стих. Попробуйте прочитать (пропеть) любой стих в различной «временной» ритмике, и вы убедитесь в этом сами. Более того, вы сразу заметите огрехи стиха (лишние или недостающие слова). Ведь «из песни слов не выкинешь», гласит пословица.

Вот пример того, как паузы и время звучания слогов сказываются на эмоциональном восприятии стиха.

Возьмем стихотворение Пушкина:

БУ.РЯ- МГЛО Ю- НЕ БО- КРО ЕТ- ВИХ
РИ- СНЕЖ НЫ Е- КРУ ТЯ.

Этот размер в современной ударной ритмике именуется ХОРЕЕМ с ударением на 1, 3, 5, 7 слоге. То же стихо-

творение во временной ритмике можно пропеть, не делая ударений, а лишь протягивая те же слоги более длинно. В этом случае получится песня на мелодию ХОРЕЯ.

Но если протягивать не первый, третий и т. д. слоги, а 2, 4, 6, 8, то стих приобретет мелодию ямба и будет звучать иначе. И в этом каждый может убедиться сам, если попробует не читать стих, как газету, а петь. Такой прием в музыке используется постоянно.

БУ.РЯ- МГЛО Ю- НЕ БО- КРО ЕТ-
ВИХ РИ- СНЕЖ НЫ Е- КРУ ТЯ.

Если же протягивать слоги 3, 6, 9, то мелодия снова изменится и стих будет звучать как анапест и выглядеть так:

БУ.РЯ- МГЛО Ю- НЕ БО- КРО ЕТ-
ВИХ РИ- СНЕЖ НЫ Е- КРУ ТЯ.

Это мелодия анапеста, и здесь время звучания стиха и время пауз между слогами самое короткое. Чувственное восприятие стиха соответственно иное.

Если стихотворение Пушкина прочесть во временной ритмике античными размерами, то в пеоне-4 надо будет протягивать каждый четвертый слог, начиная с четвертого. Протягивая слоги, выделенные жирным подчеркнутым шрифтом, получим мелодию пеона:

БУ.РЯ- МГЛО Ю- НЕ БО- КРО ЕТ-
ВИХ РИ- СНЕЖ НЫ Е- КРУ ТЯ.

В пеоне-1 протягивать слоги надо, начиная с первого.

БУ.РЯ- МГЛО Ю- НЕ БО- КРО ЕТ-
ВИХ РИ- СНЕЖ НЫ Е- КРУ ТЯ.

Ионик нисходящий следует читать так:

БУ.РЯ- МГЛО Ю- НЕ БО- КРО ЕТ-
ВИХ РИ- СНЕЖ НЫ Е- КРУ ТЯ.

Бакхий читать так:

БУ.РЯ- МГЛО Ю- НЕ БО- КРО ЕТ-
ВИХ РИ- СНЕЖ НЫ Е- КРУ ТЯ.

Как видим, выговорить подобную метрику по законам тонического сти-

ха невозможно. Да и современная грамматика не позволяет так вольно делать ударения в словах. А вот пропеть текст можно. **То есть ВРЕМЯ формирует МЕЛОДИЮ.** И, судя по всему, греки свои стихи пели. Не зря же они всегда изображались с кифарой в руках. Таким образом, мы заново открыли утраченные секреты поэтической речи, как в свое время Леонардо да Винчи заново открыл значение числа Фидия ($\Phi = 1,61$), назвав его «золотым сечением». В поэтической речи в красивом стихе отношение всех звуков (букв) к согласным звукам близко к числу Фидия. Например, в поэме А. С. Пушкина «Евгений Онегин» это отношение от числа Фидия отличается менее чем на 4%. И это один из примеров, как математика позволяет определить красоту речи.

О том, что в сопровождении музыки стихи воспринимаются лучше, мы и сейчас хорошо знаем, но то, что поэтические размеры записывали мелодию стиха, в настоящее время забыли и продолжают читать стихи по законам прозаической речи (как газету). Но если начать читать стихи по законам, которыми пользовались наши далекие предки (смотри в Интернете труды Аристотеля), то поэзия приобретет те качества, которые она имела в древности, то есть она начнет «глаголом жечь сердца людей». Давайте же изучать эти законы, законы времени, диктуемые самой природой.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ И МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ГАРМОНИИ ЧИСЛОМ

Современное силлабо-тоническое стихосложение, начиная с реформы Тредиаковского — Ломоносова, отойдя от законов временной метрики, утвердило свои правила, где основными элементами, характеризующими качество стиха, стали: РИТМ, МЕТРИКА, РИФМА, ТРОПЫ (поэтические образы). Мы установили,

что сочетание этих параметров может служить характеристикой мастерства поэта.

ПОЭЗИЯ является примером различного мышления. Именно с рождения нового образа начинается поэзия. Новый образ (слово) всегда удивляет. Родается слово на подсознательном уровне в результате воздействия различных сигналов, поступающих к человеку как от внешней среды, так и от него самого (от его органов, клеток, атомов, что составляют человеческую плоть и душу).

Вот с этого момента следует подробнее объяснить, что такое душа и как она связана с плотью. Можно, конечно, было бы сказать, что душа — творение Божье, данное человеку, чтобы отличить его от живой и неживой природы. Но думаю, что такое определение не всех удовлетворит. Во всяком случае, для людей науки такое определение неприемлемо. Даже для людей, верующих в Бога, оно недостаточно. Сейчас не только техники, но и все гуманитарии знают, что вокруг любого физического тела существует электромагнитное поле. Это своеобразная электромагнитная оболочка, через которую тело связано с внешней средой. Все тела излучают электромагнитные волны, начиная с атома, который излучает фотоны, и кончая человеком, его внутренними органами и каждой клеткой плоти. Излучение есть процесс распада, определяющий период жизни того или иного элемента, включая живую клетку и неживой атом. Вокруг нас формируется электромагнитное поле из волн, отвечающих за деятельность органов чувств, благодаря которым мы осязаем мир. Именно эта оболочка и является душой человека, неразрывно связанной с элементами человеческой плоти. Она функционирует, пока человек живет, пока происходят процессы движения в его теле. То есть человек связан с окружающим миром посредством ДУШИ, суть которой составляют электромагнитные волны. Волны — это сигналы, действующие на подсознательном уровне и превращающиеся в сознательный об-

раз после того, как сигналу будет присвоен словесный образ. Это происходит после того, как неосязаемый сигнал трансформируется в звуковой сигнал или в письменный символ. Рождение абсолютно нового образа всегда связано с длительным процессом накопления информации. А вот рождение комбинаций из уже знакомых образов (сигналов) рождает образы с переносным значением слова — так называемые ТРОПЫ. Именно они и составляют суть поэтического слова.

Абсолютно новый образ всегда требует пояснения. ТРОП воспринимается ассоциативно с уже известными понятиями. Это восприятие не адекватно образу, созданному поэтом, а лишь подобно ему. Тем не менее ТРОП раскрывает как чувственную, так и понятийную сторону сути вещей, о которых идет речь.

Об этом говорил еще Платон. Надо только помнить, что письменное слово и озвученное имеют качественные отличия. Письменное слово — это замороженный образ, передающий в основном идею образа.

Озвученное слово, помимо идеи, передает эмоции (настроение). Тонем голоса можно выразить озлобление, радость, любовь. В письменном слове эти чувства передаются символически и воспринимаются не в авторском варианте, а в варианте читающего текст. Содержание (идея текста) здесь превалирует над чувствами. В озвученном слове чувственная часть проявляется более ярко, а идея поэтического слова отодвигается на второй план.

Аристотель — основоположник науки ПОЭТИКА — подробно объяснял, что поэтическое слово — это музыкальное слово. Оно передает эмоции посредством ритма и метрики стиха. А выше мы показали, что они формируются временем. **Именно ритм и метрика в сочетании с тональностью голоса и акцентами передают чувственную**

часть стиха. Такова особенность человеческого организма, который может произносить слова в соответствии с ритмами дыхания и ритмами сердца. Ритмы эти диктуются Солнцем. Не зря же далекие предки всех народов обожествляли Солнце. То есть сама природа воздействует на нас и наши чувства, управляя нашим поведением и ощущением МИРА.

Любая аритмия чужда поэтическому слову, она вызывает раздражение и негативные эмоции. И если даже сбивки ритма прослушиваются неясно, на подсознательном уровне, организм все равно отрицательно на них реагирует, как на инородное тело.

Известно, что еще до Аристотеля греки могли определять гармонию числом. Число они определяли как меру соотношения вещей и явлений. **В поэтической речи это соотношение между длительностью звучания слогов и пауз между ними.** Гармонию определяли как устойчивое сочетание (последовательность) каких-либо сигналов (например, слогов).

В Международном клубе ученых научились давать оценку не только поэтической речи в целом, но и ее отдельным элементам. Применительно к современной поэзии, базирующейся на ударной ритмике (в отличие от временной ритмики греков), были разработаны правила оценки качества (точности) рифм и методика оценки поэтических образов (1). В результате этой методики стало возможно оценить технику (гармонию) поэтического произведения (стихотворения). Методику оценки гармонии числом поясним на двух стихотворениях (5). Пусть читатели сами убедятся в достоверности разработанного метода и, быть может, начнут применять этот метод до того, как стихотворение появится в печати. Это избавит поэтов от нареканий, а читателей от необходимости читать не очень качественные стихи, которые часто именуют графоманией.

СИНГУЛЯРНОЕ СОСТОЯНИЕ

Сингулярное состояние...	10/90+
Я в дыре черной скоро взорвусь.	9+
Как Вселенная мироздания,	10+
Во все стороны я разлечусь.	9+
Превращусь в электроны, фотоники,	11/100+
Превращусь в непонятную жуть.	9+
Ту, что чувствуют гипертоники,	10+
Отправляясь в последний свой путь.	9
Надоели земные страдания,	11/100+
Надоело людское вранье.	9+
Улетаю от вас. До свидания.	11
Не летите за мной, воронье.	9+
Я взорвусь, чтобы вновь возродиться	10/100+
За пределами звездных границ,	9+
Может, там мне удастся напиться	10+
Новых песен из чаши зарниц.	9+
Я вернусь вновь на Землю обмытую,	11/90+
Где не будет пороков людских.	9
Я на Родину предков забытую	11+
Принесу свой задумчивый стих.	9+
Буду петь дифирамбы пеонами	11/90+
И гекзаметром души ласкать.	9+
Вы ж пишите хорями, ямбами,	11+
Я не буду вам больше мешать.	9

(Хорей 11–9 А=8,3; Р=95; ПО=83; СЗ=89,9)

Стихотворение 2

Когда мы любим, нам семнадцать.	9/70
И солнце ярче, ночь длинней.	8*
Нам соловьи поют для счастья.	9*
И снится множество идей.	8*
Когда нас любят, все прекрасно.	9/70*
Светлее день, а ночь длинней.	8*
Играет музыка на счастье,	9*
А сердце бьется веселей.	8+
Когда нас любят, мы моложе,	9/50*
Когда мы любим, мы мудрей.	8*
И солнце светит нам для счастья,	9*
И соловьи поют весь день.	8*

(Ямб 9–8; А=0; Рт=100; Р=63,3; Гл.=0; ХО=91,6; ПО=8,3; СЗ=57,2)

Здесь: А — аритмия, %; Рт — ритмика; Р — качество рифмовки, %; Гл. — глагольные рифмы, %; ХО — *художественные образы, %; ПО+ — поэтические образы, %; СЗ — обобщенный показатель техники стихосложения, %.

Думаю, читателя не надо убеждать, что первый стих лучше. Но вот насколько лучше, ни один читатель не сможет ответить. Однако если произвести оценку гармонии числом по методике (1), то станет ясно, что первый стих на 157 % лучше. И это ответ на то, нужно ли соревноваться и возможно ли оценить творчество числом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Патент Российской Федерации № 2323016.
2. Николаев С. А. Эволюционный кругооборот материи во Вселенной. М.: ООО «ИПФ "НИКА"», 2004.
3. Ходьков А. Е. и др. Основы космогонии. М.: ООО «Недра», 2004.
4. Петров Н. В. и др. СВЕТОМБР. М.: ОАО «Искусство России», 2006.
5. Севрюгин В. К., Прохорцев И. В. Современная научная поэтика. М.: Труды МКУ ДСП, 2006.

Так будем ли состязаться впредь?

Как мы видим, одни творческие люди противятся состязанию творцов, другие — не видят в том ничего зазорного и даже настаивают на необходимости объектива-

ции созданных ими произведений. Но ведь кроме чувственного восприятия того или иного творения имеется еще умозрительная составляющая процесса восприятия. Какая же именно и в чем, собственно, она? Она в том, что читатель, зритель, слушатель еще задумываются над самой сутью ими воспринятого произведения. Одно дело, когда восприятие приятно и даже как бы радостно, а другое — когда оно умно и помогает продвинуться в сторону прозрения или обретения объективности. То есть хорошо бывает тогда, когда результат восприятия какого-либо произведения переходит еще и в итог (обобщение), сопряженный с неким важным открытием. Тогда воспринятое произведение становится не просто полезным, оно становится насущным человеку. Поэтому состязание возможно и уместно, но лишь в части удовлетворения чувству прекрасного, тогда как в части умозрительного начала оно не может быть приспособленным к подобной борьбе произведений между собой. Другими словами, борьбы добра с добром или правды с правдою не бывает. А кроме того, многие люди по природной слабости своей очень даже падки бывают на все чарующе красивое, которое при этом порой бывает весьма и весьма ядовитым. Будем об этом помнить, когда вдруг намереваемся соревноваться.

Редакция журнала

Андрей Каратыгин

О РОЛИ МУЗЫКИ В СУДЬБАХ МИРА

Музыка — язык души.

А. Н. Серов

(русский композитор)

Очевидно, что музыка как средство воздействия на душу была и будет ареной борьбы между силами добра и зла, и не только в сюжетном смысле, но, прежде всего, в сущностном. Нам кажется, что истоки современной «попсы», как ни печально, лежат и в классической музыке, к которой причисляют, в частности, и жанр оперетты, породившей легкую музыку, так беспокоящую нас сегодня. Мы не беремся пунктуально проследить время и выделить авторов, в творчестве которых произошел некий «наклон» в сторону развлечения от скуки и улады сердца, да это, скорее всего, и невозможно, но знать об этом надо — это произошло не сегодня!

Мы попытаемся показать на примере перехода от использования преимущественно полифонических средств к преимущественно гомофоническим, что меняется и характер музыкальной среды, которой соответствует и характер изменений в морали общества. Осмелимся предположить, что это взаимоподдерживающие процессы.

Начнем с определений: музыка — это вид искусства, отражающий действительность и воздействующий на человека (а как известно, на животных и даже растения) особым образом организованными последовательностями звуков. Музыка выражает мысли и эмоции человека и служит средством передачи их как бы невербальным языком. Но в отличие от языка имеет более сильное эмоциональное воздействие в силу строгой организованности временных и тональных соотношений, с одной стороны, и неоднозначности выражения каких-либо понятий — с другой, что дает развитие собственным творческим силам слушателя.

Содержание музыки есть совокупность индивидуального и социального; музыка всегда выражает не только личное отношение автора к действительности, но и важнейшие черты идеологии и психологии общества, в котором живет автор, следовательно, мы можем проследить некоторые моменты движения общества (развитие или деградации?), опираясь на анализ содержания музыки. Чтобы понять «как мы дошли до жизни такой», обратим взгляд в прошлое. И там, безусловно, главной фигурой будет Иоганн Себастьян Бах (на наш взгляд, остающийся таковым и сейчас), достигший непревзойденного совершенства во всех формах барочной музыки (существенно, что в силу углубленного строя мысли Баха, далекого от всего поверхностного и развлекающего, он не коснулся жанра оперы). Что же является главным средством музыкальной выразительности того времени? Очевидно —

это полифония. Описание полифонии занимает десять страниц музыкальной энциклопедии. Поэтому мы ограничимся определением полифонии, данным русским композитором А. Н. Серовым: «Полифонию в высшем ее смысле надо понимать гармоническим слиянием воедино нескольких самостоятельных мелодий, идущих в нескольких голосах одновременно, вместе. В рассудочной речи немыслимо, чтобы, например, несколько лиц говорили вместе, каждый свое, и чтоб из этого не выходила путаница, непонятная чепуха, а, напротив, превосходное общее впечатление. В музыке такое чудо возможно...» И это чудо было творческой средой обитания И. С. Баха! Наша работа не ставит перед собой задачу разбора творчества И. С. Баха, но это настолько значительная фигура, что не упомянуть ее невозможно, говоря словами Альберта Швейцера: «Этот гений был не единичным, обособленным духом, но универсальным. Века и поколения создали творение, перед величием которого мы в благоговении останавливаемся. Кто изучит это время и узнает, к чему оно ведет, — для того оно станет историей развития совершенного духа, каким он был, прежде чем реализовал себя в отдельной личности — в Бахе». Итак, полифония — совместное, равноправное звучание голосов — это преобладающая музыкальная форма эпохи барокко. Затем пришел черед гомофонии — основной формы музыки эпохи классицизма и романтизма. Гомофония — тип многоголосия, характеризующийся разделением голосов на главные и сопровождающие. Этим гомофония принципиально отличается от полифонии, где голоса равноправны. То есть полифония — форма, обладающая демократичностью, а гомофония — форма обладающая, как минимум, конкурентностью. Гомофония развивалась параллельно с полифонией, но вытеснила последнюю в период расцвета творчества венских классиков (конец XVIII — начало XIX века), и это совпадает по времени с зарождением индивидуализма в обществе. Показательно замечание, сделанное замечательным музыкантом Паулем Бадурой-Скодой в статье о Йозефе Гайдне: «Несмотря на эпоху Просвещения и начатки индивидуализма, человек середины XVIII века чувствовал себя частичкой Божественного распорядка, коему он добровольно и беспрекословно подчинялся. При соблюдении подобной иерархии даже выходец из низших сословий чувствовал себя более свободным, нежели в условиях какой-либо из современных систем. Гармония, являющаяся результатом такого порядка, и радостная, жизнеутверждающая вера в Бога, ищущая проявления в музыке того времени, привлекают сегодня все больше и больше слушателей к красотам гайдновской музыки... В этом отношении музыка Гайдна очень близка музыке Иоганна Себастьяна Баха: оба неколебимо верили в Бога, оба творили “во славу Божию”». Понятно, что не композиторы делали эпоху, а эпоха влияла на их творчество, но отказываться от воздействия их трудов на души современников не стоит. Г. В. Чичерин, нарком иностранных дел Советской России, в своей работе о Моцарте также касается темы сопоставления воздействия полифонии и гомофонии. В заочном споре с оппонентами он приводит интересную цитату из статьи «О полифонической музыке» Литтершейда: «Предпосылкой полифонического, органического творчества является внутреннее вслушивание и взлет в мир полифонического свершения. Гомофонная музыка излучается вовне: она предусматривает слушателей, отдающихся

ее воздействию пассивно. Полифоническая музыка излучается вовнутрь, для нее слушатель на втором плане. Она требует гораздо большей активности и участия, без которых, в силу своих особенностей, не может быть воспринята. Прелесть ее заключается не в том, чтобы в крайнем случае более или менее затронуть человека, но сделать его активным, заставить его самого музицировать, поручить ему самостоятельный голос, который рожден из музыкального целого, обладает своей собственной жизнью и ясной обратной связью с другими голосами, составляющими вместе с ним единое целое. Только соучастие порождает правильное восприятие и слушание полифонической музыки, обращенной вовнутрь. Если гомофонная музыка требует в основном слушателей, стоящих особняком, чувствующих каждый для себя, в одиночку, пассивно застывших и не подчиняющихся никакой объединяющей силе, то мощная сила полифонической музыки основывается на ее способности совместным соучастием объединять в целое отдельные человеческие индивидуальности. Это единственная и истинно коллективная музыка и, как таковая, возможно, могла бы в качестве существенного культурного фактора оказать влияние и в наше время».

Обобщая сказанное, можно утверждать, что зарождение капитализма, конкуренции и, как следствие, изолированности и одиночества людей находит свое отражение и в музыке. Может возникнуть вопрос: а что, у Баха нет одиночества? Да, есть, если можно назвать молитву человека или разговор с Богом этим словом. Полифония Баха настолько богата, что исчерпать это богатство невозможно. Сила его музыки такова, что помимо духовного урока она дает колоссальный импульс развитию творческих сил любого человека, внимательно изучающего его творчество. Считается, что прелюдии и фуги *Хорошо темперированного клавира* являются «грамматикой» для начинающих музыкантов. Нам кажется, что ХТК и, в особенности, *Искусство фуги* являются мощнейшим средством развития как музыкальной, так и фантазии вообще, только надо научиться слушать, а это не так легко, как может сначала показаться. Неподготовленного слушателя может оттолкнуть кажущаяся сложность баховских построений, но надо сделать усилие над собой и проникнуть в его музыку, потому что она говорит о Сути, одновременно становясь ею. Да, там есть страдание, но оно очищающее и не ведущее к унынию, а еще там есть непреодолимое восхождение, которое вовлекает внимательного слушателя. Направление вектора этого восхождения не оставляет никакого сомнения — слушайте и услышите. Возвращаясь к теме нашего разговора, хотелось бы использовать еще одну цитату, подтверждающую мысль о том, что музыка отразила тревожные явления зарождения капитализма со всеми вытекающими последствиями, которые коснулись в последние годы и России. Вот один из ответов, данных великим пианистом Гленном Гулдом в интервью Бруно Монсенжону по поводу нежелания играть концерты Моцарта: «Да, знаете ли, Бруно, мне никогда особенно не нравилось играть ни один из них. Что меня больше всего беспокоило, так это элементы соревновательности, сопоставления, неотделимые от атмосферы, в которой исполняется концерт. Так уж получилось, что я уверовал в то, что соревновательность сама по себе является даже в большей степени корнем всякого зла, чем деньги. И в жанре концерта

мы имеем совершенную музыкальную апологию духа соревнования. Однако я делаю исключение для “concerto grosso” (формы барочного концерта)». Мысль понятна: соревнование или конкуренция разрушительны, мы бежим в беличьем колесе, и отстающих либо придавливает к барабану, либо разламывает. Самое грустное, что движение это никуда не продвигает, оно является лишь иллюзией жизни. Приходит в голову и другая аналогия: вспомним детскую карусель — каждый ребенок сидит на своей лошадке вполне гармонично, но вдруг одному из них захотелось улучшить свое положение, стать «первее». Что он делает? Правильно, не дожидаясь остановки карусели, он встает и пытается достичь своей цели, но в действие вступает центробежная сила и голова ребенка оказывается между прутьев ограды, а руки и ноги совершают некие движения, создающие иллюзию свободы. Создается ощущение, что и общество застряло в некоей ограде и как раз тем местом, которым принято думать. Попробуйте сравнить архитектуру барокко и современную. Мы уверены, что во времена барокко заказчик вынужден был умерять полет фантазии архитектора, сейчас же никакая материальная стимуляция не вернет хотя бы крупицу того полета фантазии, которая была дарована человеку в не таком уж далеком прошлом. Сейчас становится ясно, что капитализм, нажива, доминирование, взаимоизоляция завели общество в тупик. Многие озаботились идеями равноправия действительного, гармоничного, и помочь в этом может музыка, в первую очередь полифония Баха как вечный документ состояния человека в гармонии с самим собой и обществом.

Наиболее сложной и противоречивой фигурой в музыке, определившей развитие не только музыки, но и оказавшей и оказывающей влияние на души людей, явилась фигура Моцарта. Величие его не требует доказательств, но тем выше и внимание к тому, что он несет в своем творчестве. В чем же противоречивость творчества Моцарта? На наш взгляд, в сочетании несочетаемого — Божественного и демонического. Приведем цитату из рассказа «Струнный квартет» Вирджинии Вульф о музыке Моцарта: «...вся его музыка вселяет отчаяние, то есть я хочу сказать — надежду». В книге Н. В. Чичерина «Моцарт» приведено множество высказываний о демонизме, уходе в царство духов, «оргиастичности» музыки Моцарта. Конечно, они представлены в ней со знаком плюс. Более того, печаль, временами переходящая в мрачность, объясняется образом, заимствованным у А. Шопенгауэра, который, в свою очередь, сравнивает гения с вершиной Монблана, окутанной тучами и лишь изредка освещаемой солнечным светом. В большом исследовании творчества Моцарта И. Якушиной («Вселенная Моцарта») известное наследие вообще представлено в форме спиритического сеанса, то есть общения с духами великих предшественников, в рамках которого автор вкладывает в их уста свои слова.

На наш взгляд, Моцарт не просто впитал дух своего времени, но и предвидел предапокалиптическое усиление сил зла, отсюда и вселенская печаль, пронизывающая его творчество. Предложил ли он выход, или выход — это уход в царство Зарастро и Царицы ночи, судить внимательному слушателю. Мы можем лишь утверждать, что, изучая именно творчество Моцарта, можно найти ответы на многие вопросы, ставшие актуальными сегодня.